

ЕЖЕГОДНИК

**финно-угорских
исследований**

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 3

Ижевск

2010

Редакционный совет:

- В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
В. И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
Ю. А. Мишанин (Республика Мордовия, Мордовский ГУ
им. Н. П. Огарева)
М. В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
С. Сааринен (Финляндия, Турку)
К. Салламаа (Финляндия, Оулу)
Силард Т. (Эстония, Таллинский университет)
А. Ф. Сметанин (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
Е. П. Шеметова, генеральный директор издательства (Москва, МГУП)
Эва Тулуз, (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж)
В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН)

Редколлегия:

- В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Н. Денисов (Санкт-Петербург)
М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ, ФУНОЦГТ)
Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ) – главный редактор
Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. Н. Прокопьев (Ижевск, УдГУ)
Ю. В. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
Г. Н. Шушакова (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 3

Ижевск

2010

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Н.И. Леонов*, доктор психологических наук, профессор,
проректор по научной работе УдГУ

Зам. главного редактора – *А.В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук,
доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д.И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 3 / Науч. ред.
Н.И. Леонов; сост.-ред. А.Е. Загребин, А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова;
отв. ред. Д.И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет»,
2010. – 160 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам изучения социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыт разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется специалистам-историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам культурных учреждений.

ISBN 978-5-904524-13-5

© Удмуртский государственный университет, 2010

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	7
Международный контекст и Ежегодник финно-угорских исследований	7
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	9
<i>Цыганкин Д.В.</i> Ойконимия мордовского Заволжья	9
<i>Эрцикова Г.А.</i> Из истории изучения служебных слов марийского языка	15
<i>Ивишин Л.М.</i> Из истории удмуртской орфографии	25
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	35
<i>Рогачев В.И.</i> О некоторых этнографических особенностях мордовской свадьбы: брачный возраст	35
<i>Денисов В.Н.</i> К 105-летию удмуртского классика М.П. Петрова.....	41
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	60
<i>Ванюшев В.М.</i> Опыт вольного перевода на удмуртский язык русскоязычного сочинения М. Худякова «Из народного эпоса вотяков...».....	60
<i>Арекеева С.Т.</i> Удмуртская литературная сказка 1920–1930-х годов.....	68
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ	77
<i>Мельникова О.М.</i> Археология на страницах «Вятских епархиальных ведомостей»	77
<i>Загребин А.Е.</i> Этнографический текст и просветительский проект: авторские интерпретации	85
КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО.....	95
<i>Семакова И.Б.</i> О проблемах развития традиционных смычковых хордофонов финно-угорских и соседних с ними народов	95
ТЕХНОЛОГИИ И ИННОВАЦИИ	109
<i>Игнатьева О.В.</i> Способы передачи венгерских реалий (на материале венгерско-удмуртских переводов А.Н. Уварова)	109

<i>Чушъялова А.П.</i> Исчезающие финно-угорские языки Российской Федерации на примере ижорского языка (опыт полевого исследования)	118
ДИСКУССИИ, ГИПОТЕЗЫ	125
<i>Арзамазов А.А., Баженов П.Н.</i> Paris–Izhevsk / Ижевск–Париж: vis-a-vis.....	125
Финно-угорский мир: опыт и проблемы. Итоги XI Международного конгресса	130
РЕЦЕНЗИИ	135
<i>Камитова А.В.</i> Новый учебник удмуртской литературы.....	135
ОТЗЫВ	139
<i>Шибанов В.Л.</i> Новое слово об этнофутуризме.....	139
ЮБИЛЕИ	142
На юбилей Хелле Метсланг.....	142
Юбилей профессора Д.В. Цыганкина.....	144
Профессору М.В. Мосину – 70 лет.....	148
РАБОЧИЕ ПРОГРАММЫ	151
<i>Журавлева А.Н.</i> Экологические основы природопользования	151

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ
И ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выходит очередной, уже третий, номер ежегодника финно-угорских исследований 2010 года. В основу формирования материалов сборника положена концепция поликультурности (сосуществования и взаимодействия в условиях глобализации национальных и мировой культур). Эксклюзив этого года – периодичность выпуска: 4 сборника в год. Состав авторов – международный. В редакционный совет вошел ряд ученых финно-угроведов ближнего и дальнего зарубежья. Предыдущий выпуск появился в преддверии XI Международного конгресса финноугроведов, который состоялся в Венгрии и где международная общественность познакомилась с материалами и авторами ежегодника. Его презентация вызвала самый положительный эффект и позитивные отклики коллег. Дали согласие на сотрудничество Ева Тулуз из Франции, ученые из Швейцарии, Германии, Голландии, США. Зарубежные коллеги высказали пожелание расширить аннотации на английском языке, что позволит читателям из зарубежья иметь более полное представление о содержании материалов.

Отрадно отметить, после пребывания на Международном конгрессе финноугроведов, что не каждый региональный вуз может гордиться созданием самостоятельного факультета для подготовки национальных кадров, где образовательный процесс носил бы непрерывный характер. Это и процесс воспроизводства в подготовке научных кадров, и наукоемкий компонент вуза.

Как всегда, очередной выпуск оказался разнообразным по своей тематике и самой географией участников.

Известно, что начало систематического изложения основ грамматического строя марийского языка связано с появлением марийской грамматики (1775 г.), а переход от узкопрактического характера изучения к научному исследованию служебных слов отмечен в последнее десятилетие. Г.А. Эрцикова актуализирует изучение данной проблемы в контексте как финно-угорского, так и русского языкознания.

В.Л. Шибанов в статье «Новое слово в этнофутуризме» рецензирует научный труд Э.В. Колчевой «Этнофутуризм как явление культуры» (Йошкар-Ола: Изд-во Марийского госуниверситета). Автор отмечает, что исследование Э.М. Колчевой – первая монография, посвященная этнофутуризму, современному движению в культуре, зародившемуся в конце XX в. в среде финно-угорских народов и ставшего на сегодняшний день явлением международного масштаба.

Статьей В.Н. Денисова мы открываем раздел исторической памяти, где будет реконструирован опыт получения знания, которое сегодня имеет непреходящую ценность. Написана она «К 105-летию удмуртского классика М.П. Петрова» и посвящена анализу работы в Удмуртии фольклорной экспедиции в марте 1937 г. в составе известного марийского композитора Я.А. Эшпая и удмуртского поэта и писателя Михаила Петрова. Экспедиция работала по заданию Фольклорного кабинета Института антропологии и этнографии Академии наук СССР в рамках подготовки сборника «800 песен народов СССР». В результате с помощью фонографа на восковые валики было записано 152 песни в 14 районах Удмуртской Республики и в 4 сопредельных районах компактного проживания удмуртов.

Одной из характеристик современного российского, как части мирового, поликультурного пространства является стремительное возрождение и распространение традиционных музыкальных инструментов и исполнительства на них. В целях более глубокого общетеоретического анализа этих явлений необходимо изучить некоторые маркеры в культуре прошлого. Объектом исследования И.Б. Семаковой избраны традиционные смычковые музыкальные инструменты или, иначе, традиционные фрикционные хордофоны. Статья «О проблемах развития традиционных смычковых хордофонов финно-угорских и соседних с ними народов» основана на обширном материале музыкальной инструментальной культуры финно-угорских народов России, Финляндии и Эстонии с учетом аналогичных традиций народов Центральной Азии. Круг рассматриваемых вопросов определяется структурно-технологическими и функциональными аспектами, как то: наличием в культуре каждого из народов корпуса хордофонов и количественным отношением занимаемых в нем фрикционных хордофонов; описанием традиционных смычков и особенностей их строения, влияющих на архитектуру инструмента и исполнительскую традицию на нем; наличием в конкретных этнических культурах традиций подставок под струны и рассмотрением возможных путей становления этой важнейшей с позиций развития традиции изготовления фрикционных хордофонов и музицирования на них.

Как всегда, мы поздравляем наших юбиляров, в какой бы части мира они ни находились. Это то малое, что мы можем сегодня для них сделать. И мы это делаем с большим удовольствием.

Леонов Николай Ильич,

доктор психологических наук, профессор,
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

E-mail: nikolasleonov@rambler.ru

Д.В. Цыганкин

ОЙКОНИМИЯ МОРДОВСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Статья посвящена описанию ойконимической системы мордовского Заволжья. Автор приходит к выводу, что в местах расселения мокши и эрзи отчетливо выступают три основных пласта ойконимов: финно-угорский (преимущественно мордовский), тюркский и русский. Одним из основных процессов, сопровождающих образование ойконимов на данной территории, было взаимовлияние этих пластов, в результате чего сложилась ойконимическая система, в которой переплелись разновременные и разноязычные системы.

Ключевые слова: ойконимы, разноязычные элементы, ойконимия мордовского Заволжья, топонимизация апеллятивной лексики.

Ойконимы – неотъемлемая часть фоновых знаний истории заселения и освоения эрзей и мокшей Заволжья – в настоящее время после Республики Мордовия самого крупного ареала расселения эрзи и мокши. По материалам переписи 1989 г., в Самарской и Оренбургской областях численность их составляла соответственно 116 674 и 68 879 чел. В Исаклинском районе Самарской области процент мордовского населения – 23,9; в Шенталинском – 20,9; Похвистневском – 19,8; Клявлинском – 19,1; Бугурусланском районе Оренбуржья – 16,1, Северном – 12,7 и в Абдулинском – 7,6 [1].

Формирование ойконимии в ареале мордовского Заволжья обуславливалось прежде всего тесным общением эрзи и мокши с инонациональными группами. Именно этим во многом объясняется разноязычие основ в названиях мордовских населенных пунктов рассматриваемого ареала. В местах расселения эрзи и мокши более или менее отчетливо выделяются три пласта ойконимов: финно-угорский (преимущественно мордовский), тюркский и русский. Один из основных процессов, сопровождавших образование ойконимов, – взаимовлияние этих пластов, в результате чего сложилась такая система, в которой переплелись разновременные и разноязычные элементы: новые, создаваемые на основе лексем мордовских и русского языков, и старые, функционировавшие до прибытия переселенцев.

На землях, которые они начали осваивать, обитали татары, чуваша и башкиры со свойственными каждому народу языком, типом хозяйства и культурой. Кроме того,

в местах предполагаемого расселения эрзян и мокшан уже существовали колонии русских, прибывших в Заволжье раньше или одновременно с ними. Столь сложная ситуация языковых контактов сказалась на формировании системы ойконимов. Значительным фактором при номинации стал выбор не только разноязыковых лексем, непосредственно обозначающих вновь возникавшие поселения эрзян и мокшан, но также, или даже в большей степени, – географических терминов, которые по своей семантике относились бы к естественным объектам, что, в свою очередь, наложило своеобразный отпечаток на всю систему ойконимов. Он состоит в том, что ряд эрзянских и мокшанских лексем, участвовавших в образовании ойконимов в Заволжье, отличается от лексем, ставших основой образования названий населенных пунктов в ареале прежнего расселения мордовских переселенцев, одни – из-за редкости употребления, другие – в соответствии с зарождением мордовско-заволжского ойконимического стандарта. Географические термины, являющиеся основными компонентами ойконимов в местах прежнего обитания эрзи и мокши, такие, как: э. *лей*, м. *ляй* – „река”, э. *кухо*, м. *кужа* – „поляна”, м. *пора* – „роща”, э. *пумбра* – „урочище”, э. *эрьке*, м. *эрьхе* – „озеро” и др., не нашли места в составе ойконимов на новой территории. Появившиеся здесь названия населенных пунктов включали в себя слова, не имевшие отношения к лексике мордовских языков. Часть из них связана с тюркским языковым миром, многие – с русским.

Ойконимы тюркского происхождения в основном семантически прозрачны. Иллюстрацией сказанному служат, например, такие названия: Малый Сурмет – эрзянское село Абд. (от тат. *су* – „река” + *урема* – „речная пойма, заросшая лиственным лесом”); Камыш-Садак – эрзянское село Абд. (от тат. личного имени Садык); Емантеево (Емантай веле) – эрзянское село Абд. (от тат. *ементай* – „большая гора”); Булатовка (Буланка) – эрзянское село Абд. (от тюрк. личного имени Булай); Бакалка (Алексеевка) – мокшанское село Ионам, (от тат. *бакала* – «лягушачье озеро»); Новые Узели – эрзянское село Абд., названо по гидрониму Узала (от тюрк. „поток, проток, русло”); Зерикла – эрзянское село Абд., название дано по гидрониму Ирикля (тюрк. *ирик* – „извилина, извилистое русло реки”) [2, с. 235]; Новая Тяба – мордовско-чувашское село Ч.-Верш, (от тюрк. *тюбя* – „макушка, вершина”); Новое Уреметьево – эрзянское село Ч.-Верш, (от тюрк. *ара-ма* – „перелесок, мелкие лесные заросли”) [2, с. 580]; Узюково – мордовско-русское село Ставр. (тюрк. „старица, старое русло реки”); Новый Байтермиш – эрзянско-мокшанско-русское село Исак, (от тюрк. личного имени Байтермир); Старая Бинарадка – мокшанское село Краен, (от тюрк. личного имени Бинарай); Новый Казбулат – эрзянское село Клявл. (от тюрк. личного имени Хазбулат); Новые Услы – эрзянское село Поном. (от гидронима тюрк. происхождения Узала); Старый Маклауш – эрзянское село Клявл. (от тюрк. *махла* – „селение, деревушка”).

Приведем ряд тюркских названий, не раскрывая их внутренней формы [3]: Верхний Курмей, Чигирла, Камышла, Ик, Бугульма – Абд.; Мордовский Бугуруслан, Асабино, Иркуль, Сабовка Турханка – Бугур.; Аделоидовка, Каргал, Верхняя Шентала, Карабикулово, Тюбек, Семено-Шарла, Новое Суркино – Клявл.; Кабельма, Шилан – Красн.; Шелехметево, Таранки – Самар.; Верхний Сускан, Пискалы – Ставр.; Аделяково, Асказанка, Верхняя Кармала, Старое Мансуркино – Стал.; Тимяшево – Ч.-Верш. Наличие многих тюркских названий в системе

ойконимов мордовского Заволжья объясняется рядом причин. Часть пришедших в эти места эрзян и мокшан на первых порах не образовывала новых поселений, а выбирала местом жительства уже существующие тюркские населенные пункты, увеличивая тем самым их людность. В таких смешанных поселениях происходили глубокие ассимиляционные процессы, в результате чего они впоследствии становились или эрзяно-, или мокшаноязычными. Другая группа прибывших в Заволжье создавала новые поселения на берегах речек и рек, имевших в своих названиях тюркоязычные лексемы, которые и становились ойконимами.

Ойконимия мордовского Заволжья, как отмечалось выше, – это совокупность названий из неоднородных компонентов. Один из них – мордовский. В официальной ойконимии этого ареала следы эрзянского и мокшанского языков, однако, незначительны и малоощутимы. Те же, которые получили отражение в „Списке...” [3], связаны в основном с мордовскими дохристианскими личными именами. Такими, например, являются ойконимы: Ст. Вечканово (Вечкан веле) – эрзянское село Исак., Вечкан – личное имя, сохранившееся в основе фамилий Вечканов, Вечкаев; Ведяево (Ведяй веле) – эрзянское село Клявл., Ведяй – личное имя, фигурирующее в фамильных основах Ведяйкин, Ведяев; Нуйкино (Нуя веле) – эрзянское село Бугур., Нуя – личное имя; Парадеево (Парад веле) – эрзянское село Шарл., Параден – личное имя; Кирюшкино (Кирюш веле) – эрзянское село Бугур., Кирюш – личное имя; Симдянов (Симдян) – эрзянский поселок Краен., Симдян – личное имя; Трemasовка (Трemas веле) – эрзянское село Красн., Трimas – личное имя; Юртаево – эрзянское село Шарл., Юртай – личное имя.

Отмечено несколько ойконимов, в образовании которых участвовали слова-апеллятивы, принадлежавшие в основном к эрзянскому языковому миру. По всему мордовскому Заволжью в „Списке...” [31] нашли отражение следующие: Чеменка – поселок Бокл., *чемень* – „ржавчина”; Салолейка – село Бокл., *солеме* – „таять” + *лей* – „река”; Од Эрямо – поселок Бугур., *од* – „новый” + *эрямо* – „жизнь”; Чей Пильге – поселок Н.-Черк., *чей* – „осока” + *пильге* – „нога”; Большая Левшинка – деревня Бокл., *левш* – „мочало”; Верхние Кузлы – село Понном., *куз* – „ель”; Кувак – деревня Бокл., *кувака* – „длинный”; Ега – село Стал., от прамордовского *ёв* – „река”.

Следующий не менее важный компонент ойконимии мордовского Заволжья – русский. Он выявляется в многочисленных ойконимах и составляет основную позитивную характеристику систем названий населенных пунктов исследуемого ареала. Позитивность связана с тем, что в названиях населенных пунктов самым детальным образом отражаются признаки реальной действительности – рельеф, ландшафт и пр. Ойконимы с русским компонентом, получившие отражение в „Списке...” [3], убедительно подтверждают вышесказанное и дают возможность расположить имеющийся у нас материал таким образом, чтобы представить его в логической последовательности.

1. Топография и гидрография местности: Виловатово – село Бор, (от рус. виловатый – развилыстый); Ключ, Устье, Ровный – поселки Бокл.; Суходол, Озеровка, Каменка – поселки Бугур.; Холодный Родник, Три Ключа, Ключевка – поселки Клявл.; Степной – поселок, Высок-Колка – село Кошк.; Высокая Грива, Ровно-Овражный, Крутогорский, Обрезки, Верховая – поселки Краен.

2. Относительное расположение поселения, место его по отношению к другому объекту: Верхне-Ягодное, Нижне-Ягодное, Средне-Ягодное – поселки Н.-Черк.; Подлесье – поселок Кошк.; Дальнее Поле, Мельничный Угол – поселки Красн.; Завязовка, Нижняя Кармалка, Средняя Алексеевка – поселки Стал.; Заозерный – поселок, Подлесная Андреевка – деревня Ч.-Верш.

3. Флора. Около 15 разновидностей деревьев и кустарников явились основой образования названий мордовоязычных населенных пунктов. Среди них наиболее употребительны береза, липа, дуб, ель, ольха, малина, яблоня, хмель и др.: Березовка, Вишневая, Дубовая, Ягодная, Малая Береза – поселки Бокл.; Малиновка, Садовка, Елховый Ключ – поселки Бугур.; Новая Вязовка – село Бузул.; Камышевка – поселок Н.-Черк.; Липовка, Сосновый Овраг – поселки, Вязовка, Липовка – деревни Клявл.; Яблонка, Орешенка, Липовый, Сосновка, Елховая Поляна – поселки Красн.; Красная Дубровка – поселок Ставр.; Елшанка – село Тоцк.

4. Величина, время поселения: Малое Алпаево – деревня Бокл.; Большая Каменка – село Красн.; Старое Мансуркино – село Стал.

5. Фауна. Связанные с ней названия эрзянских и мокшанских населенных пунктов единичны. К ним можно отнести: Медвежевка – поселок Бокл.; Сорокин Ключ – поселок Бугур.; Лебязье Товарищество – поселок Бузул.; Грачевка – хутор Кошк.; Линево – поселок Красн.

От перечисленных групп принципиально отличаются антропонимические ойконимы, которые могут быть классифицированы следующим образом: 1) в основе наименования – имена, фамилии первых поселенцев; 2) источник названия – прозвища или прозвищные имена жителей данного населенного пункта; 3) в основе наименования – местная старожильческая фамилия. Например: Гавриловка, Петровка, Михайловка, Глаголевка, Федоровка, Новая Егоровка, Васильевка – поселки и деревни Абд.; Бестужевка, Куликовка, Пашкино, Фомищевка, Шатановка, Наумовка, Трифоновка – поселки и деревни Бокл.; Астафьевка, Сенькино, Долгоруково – поселки и села Клявл.; Прохоровка, Степановка, Раевка, Любовька, Александровка – поселки Кошк.; Ивановский, Георгиевский, Владимировский, Уловский, Соболевский, Хомутовский, Васильевский – поселки Поном.; Ромадановка, Ивановская – поселки Стал.

Особую группу составляют ойконимы, заключающие в себе идеологическую основу. Данный тип номинации (социально-идеологический) приобрел большое значение в послереволюционное время. Такие ойконимы не мотивированы конкретными свойствами географических объектов, а являются названиями-символами или названиями-посвящениями. Приведем некоторые из них: Новый Свет, Ильич, Искра – коммуны Абд.; Красный Колос, Прогресс, Труженик, Идеал, Знаменка, Секретарка – поселки Бокл.; Красный Флаг, Пожарная Борьба, Путь Просвещения, Спутник – хутора и коммуны Бузул.; Активная, Светлый Путь, Красный Маяк – поселки Н.-Черк.; Красный Инвалид, Молот, Аврора, Маркс, Путиловец – поселки Кошк.; Пахарь, Земледелец, Путник – поселки Красн.; Труд и Братство, Культура – поселки Сам.; Восток, Пролетарий, Красная Береза – поселки Ч.-Верш. и др. В этих ойконимах отражены эпоха, творческая инициатива их создателей, соответствующие им эстетические вкусы и потребности.

Многие из перечисленных названий отсутствуют на современных картах Самарской и Оренбургской областей, поскольку эти населенные пункты перестали существовать. По данным „Списка...” [3], из 244 мордовских поселений Заволжья 156 были в 1930-е годы наиболее распространенным типом поселений в этом регионе.

Ойконимия мордовского Заволжья включает в себя и перенесенные названия, служащие вехами, по которым можно судить о былых передвижениях эрзи и мокши. Перенесенные ойконимы встречаются в различных частях изучаемого региона, свидетельствуя как о переселениях внутри него, так и о межгубернских передвижениях. Например, ойконим Кабаево, нашедший отражение в „Списке населенных мест Симбирской губернии” (1863), был перенесен в Заволжье мигрировавшей эрзей из населенного пункта с тем же названием в Дубенском районе Республики Мордовия. Такое повторение не случайно. Языковые особенности говора с. Кабаево Северного района Оренбургской области во многом схожи с особенностями говора жителей с. Кабаево Дубенского района. Ойконим Большие Ремезенки отмеченный в „Списке населенных мест Пензенской губернии” (1869), был перенесен в Троицкий район Оренбургской области и зафиксирован в „Списке...” [3]. Так именуется эрзянско-русское село. Ойконим Парадеево из бывшего Ардатовского уезда был перенесен в Шарлыкский район в Оренбуржье; в Республике Мордовия им названо село в Ичалковском районе. Ойконим Темяшево, который значился в бывшем Лукояновском уезде, находит место в Челно-Вершинском районе – в „Списке...” [3] Тимяшево; под таким названием имеется село в Старошайговском районе Мордовии.

Весьма многочисленны перенесенные ойконимы, отражающие внутренние миграции эрзи и мокши в пределах тех или иных уездов мордовского Заволжья. Это прежде всего названия населенных пунктов с первым словом Малое и Новое. Находились они, как правило, около поселений с первичным наименованием (Малое по соседству с Большим, а Новое – со Старым); Большой Сурмет – Малый Сурмет; Старая Тепловка – Новая Тепловка, Старое Суркино – Новое Суркино и др. Малое, как и Новое, не всегда имеют истоки в Большом и Старом, например: Новое Вечканово и Вечканово – деревня и село Клявл.; Старая Шентала и Шентала – село и хутор Кошк.

Каковы же словообразовательные возможности возникновения ойконимов в мордовском Заволжье? Их несколько:

1) топонимизация апеллятивной лексики, то есть переосмысление, когда за словом закрепляются два значения: одно – апеллятивное, другое – ойконимическое: нива – засеянное поле, пашня и Нива – ойконим Абд.; долина – Долина – ойконим Буз. и др.;

2) суффиксация. Спектр ойконимических суффиксов не отличается большим разнообразием: для ойконимов-существительных наиболее регулярным является суффикс **-овка/-евка**, для ойконимов-прилагательных – **ск**: Екатериновка, Молчановка – деревни Бокл.; Бухаревский, Радаевский – поселки Бугур. и др.;

3) субстантивация имен прилагательных: Горный, Родной – поселки Андр.; Ямской, Луговой – поселки Бокл. и др.;

4) использование сложносокращенных слов: Самопомощь, Красногорка – поселки Н.-Черк.; Райгород – поселок Кошк. и др.;

5) использование словосочетаний: Каменный Ключ, Мельничный Угол, Дектярный Раг – поселки Краен.; Нижнее Матюшкино – село Ставр.; Путь Провещения – хутор Бузул. и др.

В заключение следует сказать, что основной формой существования названий населенных пунктов мордовского Заволжья является русская звуковая и графическая оболочка. Вместе с тем невозможно представить ни одного эрзянского или мокшанского села, ни одной деревни, которые ограничивались бы, в плане выражения, только формой русского языка. Наряду с русскими объективно существуют ойконимы и в национальных формах, инвентаризация которых представляет собой важную и в высшей степени актуальную проблему для мордовской топонимической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мордва Заволжья. – Саранск: Морд. кн. изд. 1944. – 183 с.
2. Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Наука, 1984. – 653 с.
3. Список населенных пунктов Средне-Волжского края. – Самара, 1931. – 258 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абд. – Абдулинский район; Андр. – Андреевский район; Бокл. – Боклинский район; Б.-Глуш. – Большеглушицкий район; Бор. – Борский район; Бугур. – Бугурус-ланский район; Бузул. – Бузулукский район; Исак. – Исаклинский район; Клявл – Клявлинский район; Кошк. – Кошкинский район; Красн. – Красноярский район; Н.-Черк. – Ново-Черкасский район; Поном. – Пономаревский район; Сам. – Самарский район; Став. – Ставропольский район; Стал. – Сталинский район; Тоцк. – Тоцкий район; Ч.-Верш. – Челны-Вер-[пинский район; Шарл. – Шарлыкский район. (В „Списке...” [3] вышеназванные районы являлись административными подразделениями Средне-Волжского края).

Поступила в редакцию 10.06.2010

D.V. Tsigankin

Oikonymy of the Mordovian Transvolga Region (Zavolzhye)

The article is devoted to the description of the oikonymy of the Mordovian Transvolga Region. The author comes to the conclusion that at settlement places of the Moksha and the Erzya the three main strata of oikonyms are seen clearly: Finno-Ugric (mainly Mordovian), Turkic and Russian. One of the main processes accompanying the oikonyms formation on this territory was interaction of this strata whereby the oikonym system formed where diachronous and multilingual systems intertwined.

Key words: oikonymy of the Mordovian Transvolga Region, multilingual lexemes, toponymization of appellative vocabulary.

Цыганкин Дмитрий Васильевич,
доктор филологических наук, профессор, МГУ им. Н. П. Огарева
г. Саранск
E-mail: rogachov@mail.ru

УДК 81'367(=511.151)

Г.А. Эрцикова

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Начало систематического изложения основ грамматического строя марийского языка с появлением марийской грамматики (1775 г.). Переход от узкопрактического характера изучения к научному исследованию служебных слов, особенно плодотворно развивающемуся в последнее десятилетие. Необходимость в специальных работах, посвященных исследованию марийских служебных частей речи. Рассмотрение отдельных ее сторон в рамках более широких исследований грамматики марийского языка.

Ключевые слова: марийский язык, служебные слова, категории служебных слов, сопоставительное исследование, история изучения, частицы, союзы, послелого, грамматические отношения, синтаксические особенности, происхождение, марийские ученые.

Хотя изучение грамматического строя марийского языка началось давно (первая грамматика была издана в 1775 г. [1]), но проблема служебных слов остается пока не разработанной.

В первых печатных грамматиках марийского языка [1, 2, 3] еще нет разграничения частей речи на самостоятельные и служебные. Из служебных слов в них были выделены послелого и союзы. Частицы, как отдельные служебные части речи, не рассматриваются. Имеются лишь некоторые сведения о частицах *-ат*, *-ак*, *-як*, *-эче*. Однако нет единого мнения как в оценке их значения, так и в их наименовании. Частица *-ат* в первой марийской грамматике [1, с. 135] и в работе А. Альбинского [2, с. 205] рассматривается в кругу союзов, Ф. Васильев называет ее приставкой и союзом [3, с. 64, 90]. В разряд союзов в «Черемисской грамматике» 1837 г. отнесены и частицы *-ак*, *-як*, *-эче* [2, с. 205]. Ф. Васильев частицу *-ак* считает приставкой [3, с. 65].

Интересен и тот факт, что в грамматике 1775 г. и в «Пособии к изучению черемисского языка на луговом наречии» 1887 г. послелого названы «предлогами» [1, с. 131; 3, с. 56], а в работе А. Альбинского – «пословием» [2, с. 202]. Однако, Ф. Васильев в своей работе отмечает, что «предлоги въ черемисскомъ языкѣ ставятся не передъ существительными, а послѣ ихъ, потому предлоги

приличнѣ называть послѣлогами. Но пока только проводится параллель между русскимъ и черемисскимъ языками, въ измѣненіи наименованія части рѣчи нѣтъ надобности» [3, с. 56]. Основной целью исследователя являлось: «...вопервыхъ помочь Русскимъ понимать и правильно читать изданные переводы; вовторыхъ указать верную дорогу къ дальнейшей разработке этого языка» [3, с. IX].

Все три перечисленные работы представляют собой первые попытки исследования марийского языка миссионерами. В них пока еще нет не только подробного анализа особенностей интересующего нас вопроса, но и не определены границы даже между служебными частями речи. Тем не менее, эти книги в свое время имели большое значение для изучающих марийский язык, особенно для переводчиков того периода.

Научное исследование марийского языка началось в период Советской власти. В это время у марийского народа появились свои ученые: В. Васильев, Г. Кармазин, С. Эпин, И. Борисов, В. Мухин, Н. Пенгитов, Я. Григорьев и др.

Один из крупнейших исследователей марийского языка XX в. В.М. Васильев обогатил марийскую лингвистическую науку рядом важных исследований. Будучи ученым с разносторонними интересами, он внес весомый вклад во все отрасли языкознания, но исключительнейший его интерес был направлен на выявление специфических особенностей марийского языка.

Работы В.М. Васильева [4, 5, 6] посвящены характеристике фонетических и грамматических особенностей языка. Одна из основополагающих его работ – «Марийский язык. Основы научной грамматики марийского языка» – результат переработки им двух ранее написанных грамматик [4, 5]. Из служебных слов в грамматике рассматриваются послелого и союзы.

Послелогам посвящен раздел «Роль послелогов в выражении значений падежного порядка». Отмечено, что «Дифференциация падежей в марийском языке, особенно в части склонения имен существительных с послелогом является процессом не вполне законченным. Поэтому послелого и наречия в значении послелогов выделены в особый раздел» [6, с. 177]. Рассмотрев послелого *дене* 'с, около, у, по', *гыч* 'с, из', *нерген* 'о, об, обо', *гае* 'подобно, как', *наре* 'около, до, с' и некоторые другие, ученый приходит к выводу, что «сочетания с послелогам и их заместителями-наречиями помогают более детальной дифференциации пространственных отношений между предметами. ...эта новая форма появилась в результате расщепления притяжательного падежа на два падежа: притяжательный падеж оставил за собой функцию для выражения принадлежности, а обозначение места пребывания перешло к падежу обстоятельству с его разновидностями» [там же, с. 118].

Раздел о союзах и союзных словах в рукописи начинается с определения: «Союзами называются такие служебные слова, которые употребляются для соединения слов или предложений, причем соединения могут быть сочинительного и подчинительного порядка» [там же, с. 325]. Под союзными словами автор понимает «слова, которые, имея какие-либо свои самостоятельные значения, употребляются иногда в качестве союзов» [там же, с. 325]. Выявлены следующие группы союзов и союзных слов:

- а) соединительные (сочинительные) союзы: *ат, да, дене* 'и';

б) условный союз *гын, гынат* 'если';

в) уступительный союз *гынат* 'хоть', *кеч коч* 'хоть'; *туге гынат, тугат* 'тем не менее, все-таки, все же, однако, но', *кузе-гынат* 'как-нибудь', *керек-кузе* 'хоть как', *кеч-кузе* 'хоть как';

г) разделительные союзы: *ала-ала* 'либо-либо', *ма-ма, ме-ме* 'ли, или', *але-але* 'или-или', *теве-теве* 'вот-вот';

д) причинные, целевые союзы: *молан* 'зачем, почему, для чего?', *садылан, садын верчын* 'поэтому'; *молан, мо шот дене* 'почему, по каким соображениям', *мо верчын* 'ради чего' и др.;

е) противительные союзы: *же, ерле* 'а, а вот' [там же, с. 326–329].

После всех групп союзов даются примеры.

Как видим, союзы и союзные слова не делятся на сочинительные и подчинительные, а просто перечисляются в указанном порядке, то есть тогда еще не было системы и принципов деления союзов и союзных слов. В пунктах *а, г, е* названы сочинительные союзы и частицы, в пунктах *б, в, д* – подчинительные союзы.

Есть специфическое основание для неделения союзов на сочинительные и подчинительные: в марийском языке не все союзы поддаются дихотомическому делению.

Хотя исследование служебных слов у В.М. Васильева и не отвечает уровню современных требований языковедческой науки, но для своего времени его работы явились большим достижением и послужили импульсом для развития марийского языкознания.

Значительную роль в изучении грамматики марийского языка XX в. сыграл Г.Г. Кармазин. Его работы «Марий йылмылончыш» [7, 8], «Марий грамматик. Морфологий» [9] имели большое значение. «Марий йылмылончыш» – это первая марийская грамматика на марийском языке. В ней впервые дано наиболее точное описание структуры марийского языка. Г.Г. Кармазин одним из первых ввел в марийское языкознание такие грамматические термины, как «лям мут» (имя существительное), «пале мут» (имя прилагательное), «чот мут» (имя числительное) и т.д. Всего же он различает девять частей речи: 1) *Лям (лям мут)* 'имя существительное', 2) *койыш (койыш мут)* 'глагол', 3) *палэ (палэ мут)* 'имя прилагательное', 4) *чот мут* 'имя числительное', 5) *олмэшитышэ* 'местоимение', 6) *умландарышэ* 'наречие', 7) *почэш мут* 'послелог', 8) *ушэм* 'союз', 9) *йяк мут* 'звукоподражание, междометие' [9, с. 57].

Служебные части речи исследователь называет «йодыштымо» букв. без вопроса. К ним отнесены послелог и союзы. По своему значению послелоги разделены на четыре группы, выражающие различные отношения: 1) количественные (*нарэ* 'до, около', *чоло* 'около, приблизительно', *виса* 'до, около', *йэда* 'по', *тич* 'полный, полно'), 2) сравнительные (*сэмын* 'как, подобно', *гай – кай* 'как, подобно', *гоч – коч* 'через', *мучко* 'по, вдоль чего-л.', *вошит* 'сквозь, через', *торэш* 'поперек, на перебор', *ваштарэш* 'напротив, против кого-чего-л., вопреки, наперекор кому-чему-л. и др.', *лэч* 'из, с, от'), 3) причинные (*кира* 'благодаря чему-л.', *дэнэ – тэнэ* 'по причине чего-л.', *вэрчын (шумлык)* 'из-за, ради, за', *олмэш* 'вместо', *нэргэн* 'о, об'), 4) пространственные (*дэн(э) – тэн(э)*

'с, около, у, по', *дэк(э) – тэк(э)* 'к', *дэч* 'с, от', *дэч посна* 'без', *дэран* 'около, у') [9, с. 174–175]. Зафиксировано расположение послелогов в предложении: как правило, они обслуживают имена существительные. Уделено внимание и происхождению послелогов – от имен в результате утраты ими своего лексического значения. Например: *вэрчын >вэрч* 'за, из-за, ради'; *нэр+гэштэ >нэргэн* 'о, об, обо' и т.д. [9, с. 173].

Союзы подразделяются на три группы: 1) простые (состоящие из одного слова): *да – та* 'да', *-ат, ильэ, альэ* 'или', *гын – кын* 'если', *дэн(э) – тэн(э)* 'и', *ала – длд* 'не то', *адак* 'опять', *йа – йд* 'или', *ны* 'ни' и др.; 2) составные (состоящие из двух слов): *гын+ат – кын+ат* 'хотя', *туг+ат, тыг+ат* 'однако, но', *кузе гынат* 'как-нибудь' и др.; 3) заимствованные из других языков (новые союзы): а) из русского – *а* 'а', *но* 'но', *и* 'и', *эшо* 'еще', *штобы* 'чтобы' *коч* 'хоть' и др.; б) из татарского – *йд* 'или', *да – та (дд – тд)* 'да' [9, с. 178]. Отмечено, что союзы употребляются в простом, соединительном, сложном и пояснительном предложениях.

Частицы не включаются в разряд служебных слов. Они, как отмечает Г.Г. Кармазин, не являясь отдельными частями речи, выражают в предложении: 1) вопрос: *мо, мэ, вара, мо вара*; 2) удивление: *кузэ, мо, йалт*; 3) усиление какого-то действия: *вэт, вот, вэлэ, тэвэ*; 4) согласие: *-с, -ыс, шол, ийэ*; 5) отрицание: *укэ, огыл*; 6) сомнение: *дыр, тыр, чай, ала-ала*; 7) просьбу: *-ак, -атак, -этак, йан, -ок*; 8) выделение и усиление в песне: *лай, айкай, айкай лай, гынай* [9, с. 181].

Несмотря на многие недочеты, труд Г. Кармазина исторически имел большое значение в изучении марийских служебных частей речи.

Шагом вперед в развитии учения о служебных словах в марийском языке явилась школьная грамматика 1939 г. [10], в основу которой легла грамматика русского языка С.Г. Бархударова [11]. Впервые в истории марийского языкознания было дано четкое разграничение служебных слов и самостоятельных. К служебным частям речи авторы относят послелогов, союзы и частицы.

Под послелогом И.Ф. Андреев и Г.С. Иванов понимают служебные слова, которые выражают отношения между предметами в предложении [10, с. 113]. Отмечается, что послелогов могут стоять не только после существительного, как у Г.Г. Кармазина, но и после прилагательного, числительного, местоимения и причастия. Кроме четырех отмеченных в грамматике 1935 г. групп послелогов, авторы выделяют еще четыре группы, означающие: 1) инструмент или орудие: *дене* 'с'; 2) направление: *деке* 'к', *деч* 'от', *гыч* 'из', *гоч* 'через', *вошт* 'сквозь, насквозь, через', *ваштареш* 'против, напротив'; 3) время: *марте* 'до', *годым* 'во время'; 4) о ком или о чем идет речь: *нерген* 'о, об, обо' [там же, с. 114–115].

Впервые союзы делятся на две большие группы: сочинительные и подчинительные [там же, с. 119]. К сочинительным союзам относят союзы *ден* 'и', *да* 'да', *а* 'а', *ни* 'ни', *то* 'то', *я* 'или', *ала* 'не то', *але* 'или', *и* 'и' и т.д.; к подчинительным – *гын, гынат* 'если', *садлан* 'поэтому' и т.д. [там же, с. 119].

Частицы рассматриваются в 101 параграфе [там же, с. 120–123]. Указывается, что они делятся на две группы: 1) частицы, выражающие отношение говорящего к высказываемой мысли; 2) словообразующие частицы. Первая группа по значению подразделяется в свою очередь еще на несколько подгрупп: а) вопросительные частицы: *мо, вара, мо вара*; б) усиительные частицы: *вет, -ат,*

-ак; в) восклицательные: *-ыс, -же (о, ө), -ан, -я, тока.*; г) выделительные: *велэ, гына*; д) утвердительные: *да, шол.*; е) сомнительные: *чай, дыр, аман, докан* [там же, с. 121]. В разряд частиц отнесены и отрицательные формы глагола *ом, от, ок* и т.д. [там же, с. 121–122].

В школьных грамматиках марийского языка последующих изданий служебные слова рассматривались так же, как и в грамматике 1939 г., поэтому нет надобности специально останавливаться на них.

В послевоенные годы в исследование марийского языка включается новое поколение ученых: И.С. Галкин, Л.П. Грузов, Л.П. Васикова, Ф.И. Гордеев, Н.Т. Пенгитов, Н.И. Исанбаев, А.А. Саваткова, З.В. Учаев и др.

В 1961 г. по решению Совета Марийского НИИ языка, литературы и истории была выпущена книга «Современный марийский язык. Морфология» [12]. Это учебное пособие, написанное коллективом авторов. Служебным словам посвящен специальный раздел: о послелогох и частицах написал В.А. Ефремов, о союзах – З.В. Учаев. Анализируются служебные слова луговомарийской литературной нормы, раскрываются синтаксические и морфологические особенности служебных слов, более детально излагаются основные виды отношений, выражаемых ими. Затрагивается вопрос о происхождении послелогов, бегло определяется местоположение частиц в предложении, дана краткая информация о союзных словах, где отмечается, что основное отличие союзных слов от союзов состоит в том, что союзные слова «употребляясь в качестве связующей части между главным и придаточным предложениями, являются одновременно каким-либо членом предложения» [12, с. 299].

В 1974–1976 гг. в Москве вышла коллективная трехтомная монография «Основы финно-угорского языкознания» [13, 14, 15]. В ней представлены статьи отечественных и венгерских авторов. Первый выпуск посвящен общим вопросам финно-угорского языкознания, последние два содержат очерки, посвященные отдельным языковым ветвям: марийскому, пермским и угорским языкам. В разделе «Марийский язык» (автор Е.И. Коведяева) рассматриваются грамматические особенности горного и лугово-восточного марийских литературных языков. Служебные слова рассматриваются в традиционном плане, то есть классифицируются по функциям и значениям; большое внимание уделяется их происхождению [15, с. 84–89].

Исследователь служебных слов марийского языка З.В. Учаев в своих работах [16, 17] более подробно, по сравнению с учебным пособием 1961 г., рассматривает грамматические отношения, выражаемые служебными словами, раскрывает их морфологические свойства и синтаксические функции, вводит дополнительные компоненты в состав служебных слов. Например, наряду с тремя названными в книге «Современный марийский язык. Морфология» группами сочинительных союзов (соединительные, противительные, разделительные), ученый выделяет еще одну группу – присоединительные союзы *а* «а», *да* «и» [17, с. 195]. К подчинительным союзам прибавляются две группы: союз *мо* «как» с временным значением и союз *туге гын* «если так, то» со значением следствия [там же, с. 197]. Вопрос о происхождении послелогов и в учебном пособии 1961 г., и в работах З.В. Учаева в целом освещается одинаково.

Происхождение марийских союзов подробно и тщательно изучил И.С. Галкин. Появление послелогов он объясняет следующим образом: послелогои раньше были формами локальных падежей имен существительных, однако имена существительные со временем утратили свое лексическое значение и превратились в служебные слова. Например, послелог *дене* «с, около, у, по» является локативной формой существительного *тер, тӧр* «край» с суффиксом *-не* (ср. *терне*) [18, с. 77]. И.С. Галкин рассматривает происхождение более 20 послелогов марийского языка [там же, с. 77–79]. По его мнению, происхождение союзов тесно связано с послелогоми, наречиями, а некоторые из них заимствованы из других языков [там же, с. 78]. В работах [там же, 19, 20] автор выделяет две группы союзов: сочинительные и подчинительные. Описывает происхождение каждого из них и приходит к выводу, что «союзы в марийском языке появились в основном поздно» [там же, с. 182]. Собственно марийскими из них являются только четыре: *гын* «если», *гынат* «хотя», *ден* «и», *манын* «чтобы, что». Три союза (*тӧ... тӧ* «не то... не то», *ала* «не то» и *я* «или») заимствованы из тюркских языков, остальные вошли в марийский язык из русского языка [там же, с. 182].

Частицы по своему происхождению делятся на собственно-марийские (*лай, те́ве, тӱ́ве, ту́ва, тӱ́вӧ, мане, ане, мо, вара* и т.д.) и заимствованные из других языков, а именно: из тюркского – *-ак, -ок, гына, - чылт, эше, керек, айда, айста, айтса, дыр; уна, але, ала, эн, пеш, шол, аман*; из финно-угорского – *-ат, -ан, -я, -ай*; из коми-зырянского – *эсогыл, адак*; из русского – *кеч, да, ну-да, а, ну, разве, неужели, ну-ка, чай* и др. Можно выделить еще одну группу частиц, происхождение которых требует дальнейшего исследования – *веле, иже, гала, пеш, докан, уке* и т.д. [там же, 183–192]. Изучение частиц подтвердило мысль исследователя о том, что «в современном марийском языке собственно марийских частиц довольно мало, основная масса их вошла в марийский язык из соседних тюркских языков и русского языка» [там же, с. 192].

Венгерский академик П. Хайду в исследовании «Уральские языки и народы» считает, что междометия и частицы «по всей вероятности, все же существовали в уральском праязыке» [21, с. 227]. Однако, в коллективной монографии «Основы финно-угорского языкознания» отмечено, что «служебных слов... в прафинно-угорский период еще не было. ...В уральских языках имелись лишь суффиксальные морфемы, которые большей частью агглютинировались» [13, с. 215–216].

В последние годы опубликован ряд научных статей, касающихся истории служебных слов. Такова, например, статья Н.И. Исанбаева «Особенности употребления *манын* и *лийын* в марийском языке», где отмечено, что союз *манын* 'чтобы, что' возник сравнительно недавно в результате утраты деепричастием *манын* «говоря» своего первоначального лексико-грамматического значения и превращения его в служебную часть речи [22, с. 95]. Ф. Гордеев в работе «О происхождении условного союза *гын* в марийском языке» хорошо раскрывает историю рассматриваемого вопроса [23]. Г.М. Тужаров в статье «*k*-овые варианты частиц в марийском языке» доказывает, что *k*-овые варианты частиц марийского языка восходят к финно-угорской общности [24, с. 34]. О служебных словах, заимствованных из русского языка, пишет А.А. Саваткова в книге «Русские заимствования в марийском языке» [25].

Отдельные категории служебных слов описаны в работах В.В. Ефремова «Послелого как средство выражения грамматических отношений в марийском языке» [26], «Послелого в марийском языке» [27], З.К. Ивановой «Синтаксические отношения между однородными членами, выраженные соединительными союзами» [28], Г.И. Лаврентьева «Послелого и частицы в волжском говоре марийского языка» [29], Г.М. Тужарова «Частицы, употребляющиеся с формами императива в яранском говоре марийского языка» [30], С.С. Сибатровой «К этимологии некоторых марийских послелогов» [31], «Синтаксические особенности послелогов в марийском языке» [32], «Морфологические особенности послелогов в марийском языке» [33], «О морфологической структуре марийских послелогов» [34], «Частицы горного наречия марийского языка» [35]. В 1988 г. С.С. Сибатрова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Послелого в марийском языке» [36].

Служебные слова марийского языка изучаются также в сравнении с другими языками: Н.Т. Пенгитов – в сопоставлении с русским языком, а К.Е. Майтинская – с финно-угорскими языками.

Работа Н.Т. Пенгитова «представляет собой первый опыт сопоставительной характеристики системы фонем, основных фонетических закономерностей, особенностей словоизменения и словообразования русского и марийского языков» [37, с. 3]. Как известно, в марийском языке употребляются послелого, а в русском – предлоги. Основное отличие послелогов от предлогов в том, что «почти все послелого в марийском языке употребляются в сочетании с основной (беспадежной) формой имени, тогда как предлоги в русском языке употребляются в сочетании с формами косвенных падежей» [там же, с. 145]. По морфологическим особенностям предлоги и послелого делятся на: а) простые (или первообразные), б) наречные, в) отыменные, г) отглагольные и д) сложно-составные [там же, с. 146]. Отмечается, что предлоги в русском языке и послелого в марийском употребляются для выражения пространственных, временных, причинно-следственных, изъяснительных и др. отношений, но значения предлогов и послелогов не совпадают [там же, с. 147–149].

Исследователь выделяет три группы сочинительных и восемь видов подчинительных союзов [там же, с. 150–151]. В результате сопоставительного изучения автор приходит к выводу, что подчинительных союзов в марийском языке по сравнению с русским языком немного, так как «развитие и становление подчинительных союзов тесно связано с развитием письменности. Марийский язык относится к младописьменным языкам, поэтому многие типы сложноподчиненных предложений (придаточные дополнительные, придаточные причины и др.) начинают появляться в литературе лишь в наши дни. С другой стороны, для выражения тех значений, которые в русском языке передаются предложениями, в марийском языке употребляются деепричастные и причастные обороты» [там же, с. 151].

В пособии излагаются основные особенности русских частиц в отличие от марийских, в частности – в употреблении отрицательных частиц «...если в русском языке для всех форм глагола одна отрицательная частица НЕ, то в марийском языке с глаголами употребляется двадцать восемь разных отрицатель-

ных частиц...» [там же, с. 154]. Вместе с тем сравнительно-сопоставительное изучение служебных слов марийского языка ждет дальнейшего, более широкого специального исследования.

Монография К.Е. Майтинской «Служебные слова в финно-угорских языках» [38] представляет собой первую попытку сопоставительного анализа служебных слов финно-угорских языков. Дается глубокий анализ релятивных слов (послелогов/предлогов), союзов и частиц по их синтаксическим особенностям, по происхождению от слов других категорий и по структуре. По мнению автора, такая характеристика «позволяет определить те основные признаки служебных слов в финно-угорских языках, по которым, в частности, эти слова отличаются от подобных единиц в других языках» [там же, с. 14]. Вопросы семантики рассматриваются в разных разделах только в связи с другими вопросами. Проанализировав огромный материал, автор приходит к следующим выводам: 1. По синтаксическим особенностям служебные слова значительно расходятся. У частиц нет какой-либо обобщенной характерной синтаксической особенности; релятивные слова выражают синтаксическое отношение имени (местоимения) к другим знаменательным словам в предложении, союзы – отношение между синтаксическими единицами. 2. Огромное большинство служебных слов восходит к знаменательным словам, другая часть преобразовалась из служебных слов других разрядов, и лишь немногие служебные слова (частицы) образовались на основе звуковых комплексов междометийного характера. 3. В структурном отношении релятивные слова, союзы и частицы финно-угорских языков разделяются прежде всего на простые и сложные (составные) [там же, с. 155–158].

Таким образом, специальных работ, посвященных исследованию служебных частей речи марийского языка, пока нет, но, как видим, отдельные стороны проблемы рассматривались в рамках более широких исследований грамматики марийского языка или в связи с разработкой других смежных вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. – СПб., 1775. – 136 с.
2. *Альбинский, А.Д.* Черемисская грамматика. – Казань, 1837. – 248 с.
3. *Васильев, Ф.* Пособие к изучению черемисского языка. На луговом наречии. – Казань, 1887. – 65 с.
4. *Васильев, В.М.* Записки по грамматике языка народа мари. – Казань, 1918. – 80 с.
5. *Васильев, В.М.* Элементарная грамматика марийского языка. Пособие при изучении марийского языка. – Краснококшайск, 1927. – 75 с.
6. *Васильев, В.М.* Марийский язык. Основы научной грамматики марийского языка, 1951. – НРФ МарНИИ, оп. 2. Д. 87. – 481 с.
7. *Кармазин, Г.Г.* Марий йылмылончыш I (Грамматика марийского языка). – М., 1926. – 88 с.; 1929. – 123 с.
8. *Кармазин, Г.Г.* Марий йылмылончыш II (Грамматика марийского языка). – М., 1926. – 119 с.; 1929. – 173 с.
9. *Кармазин, Г.Г.* Марий грамматик. Морфологий (Грамматика марийского языка. Морфология). – М., 1935. – 219 с.

10. Андреев, И.Ф., Иванов, Г.С. Марий йылме грамматика. Фонетика ден морфологий. Неполный средний да средний школла лукмо учебник. Икымше ужаш. – М.: Учпедгиз, 1939. – 128 с.
11. Бархударов, С.Г. Грамматика русского языка. Ч. I. Фонетика. Морфология. – М.: Учпедгиз, 1939.
12. Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 324 с.
13. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974. – 484 с.
14. Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. – М., 1975.
15. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – М.: Наука, 1976. – 464 с.
16. Учаев, З.В. Марий йылме. Факультативный занятийым эртарыме учебный пособий. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. – 183 с.
17. Учаев, З.В. Марий йылме. Мут вашталтмаш. – Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1995. – 216 с.
18. Галкин, И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть I. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – 203 с.
19. Галкин, И.С., Мустаев, Е.Н. Финно-угроведенийын негызше. Морфологий. Синтаксис. Лексика. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1984. – 122 с.
20. Галкин, И.С. Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1986. – 122 с.
21. Хайду, П. Уральские языки и народы / Перевод с венгерского языка Е.А. Хелликовского. – М.: Прогресс, 1985. – 430 с.
22. Исанбаев, Н.И. Употребление деепричастия манын “говоря” // Вопросы языка, литературы и фольклора. Труды МарНИИ, вып. XV. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – С. 96–111.
23. Гордеев, Ф.И. О происхождении условного союза гын в марийском языке // Вопросы языка, литературы и фольклора. Труды МарНИИ, вып. XV. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – С. 141–143.
24. Тужаров, Г.М. к-овые варианты частиц в марийском языке // Советское финно-угроведение. – 1967. – №1. – С. 33–34.
25. Саваткова, А.А. Русские заимствования в марийском языке. – Йошкар-Ола, 1969. – 130 с.
26. Ефремов, В.В. Послелогии как средство выражения грамматических отношений в марийском языке // Труды МарНИИ, вып. VII. – Йошкар-Ола, 1955. – С. 134–171.
27. Ефремов, В.В. Послелогии в марийском языке // Труды МарНИИ, вып. IX. Йошкар-Ола, 1956. – С. 59–85.
28. Иванова, З.К. Синтаксические отношения между однородными членами, выраженные соединительными союзами // Вопросы марийского языка. Труды МарНИИ, вып. 53. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 123–135.
29. Лаврентьев, Г.И. Послелогии и частицы в волжском говоре марийского языка // Вопросы марийского языкознания: Вып. II. – Йошкар-Ола, 1968. – С. 111–114.
30. Тужаров, Г.М. Частицы, употребляющиеся с формами императива в яранском говоре марийского языка // Советское финно-угроведение. – 1966. – № 2. – С. 103–106.
31. Сибатрова, С.С. К этимологии некоторых марийских послелогов // Советское финно-угроведение. – 1986. – № 1. – С. 34–38.

32. *Сибатрова, С.С.* Синтаксические особенности послелогов в марийском языке // Труды по финно-угроведению: Вып. 13. – Тарту, 1986. – С. 117–127.
33. *Сибатрова, С.С.* Морфологические особенности послелогов в марийском языке // Марийская филология. – Йошкар-Ола, 1986. – С. 102–108.
34. *Сибатрова, С.С.* О морфологической структуре марийских послелогов // Труды по финно-угроведению: Вып. 14. – Тарту, 1987. – С. 109–118.
35. *Сибатрова, С.С.* Частицы горного наречия марийского языка // Вопросы марийского языка: Материалы и исследования по марийской диалектологии. – Йошкар-Ола, 1987. – С. 113–134.
36. *Сибатрова, С.С.* Послелогии в марийском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1988. – 224 с.
37. *Пенгитов, Н.Т.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Введение, фонетика, морфология. Ч. I. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1958. – 175 с.
38. *Майтинская, К.Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. – М.: Наука, 1982. – 185 с.

Поступила в редакцию 17.09.2010

G.A. Ertsikova

From the research history of the Mari language functional words

The beginning of systematic description of the principles of the Mari language grammatical structure with the appearance of the Mari grammar (1775), the move from the narrow-practical character of a study to a scientific research of functional words which has been developing successfully during the recent decade. Necessity in special works devoted to the study of the Mari functional words. Examination of some of its sides within the frame of more extensive studies of the Mari language grammar.

Key words: the Mari language, functional words, contrastive study, history of study, Mari scientists.

Эрцикова Галина Алексеевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела языка, МарНИИЯЛИ
г. Йошкар-Ола
E-mail: fedina74@maul.ru

УДК 811.511.131(81'35)

Л.М. Ившин

ИЗ ИСТОРИИ УДМУРТСКОЙ ОРФОГРАФИИ*

Рассматриваются особенности правописания первых печатных азбук на удмуртском языке. Непоследовательность орфографии в них можно объяснить тем, что до публикации книг 1847 г. не было прецедента на издания пространных текстов на удмуртском языке, а также опыта у их создателей.

Ключевые слова: удмуртский язык, письменные памятники, азбуки, орфография.

Издание письменных памятников удмуртского языка во второй половине XVIII в. [1], написанных на основе кириллической графической системы, узаконило применение орфографических норм русского языка для удмуртского письма. Орфография, основанная на русской письменности XVIII столетия и легшая в основу составленных позже на территории России книг, в том числе и на удмуртском языке, была весьма далека от совершенства и едва ли следует считать ее нормированной [2]. Например, слово со значением 'в течение' в одном и том же памятнике могло иметь написание *чоже* и *чожьѢ*, 'отець' – *аизлэсь* и *аізлэсь*, 'земля' – *музьемь* и *музьемъ*, 'и будеть' – *лувозь-но* и *луозь-но*, причем совершенно очевидно, что эти колебания в написании, за исключением, возможно, последнего примера, не отражали никаких особенностей произношения. И подобных примеров встречается довольно много.

В некоторых случаях причины расхождения между написанием следует искать, на наш взгляд, в том, что памятники составлялись носителями разных диалектов. В нашем случае азбуки написаны на языке удмуртов глазовского и сарапульского уездов. Очевидно, что границы между диалектами удмуртского языка и существовавшими уездами совершенно не совпадали. Зачастую воз-

* Значительно расширенный и переработанный вариант доклада, прочитанного на Межрегиональной научно-практической конференции «Высшее образование и наука Коми-Пермяцкого округа в социокультурном и экономическом пространстве Пермского края» (Кудымкар, 18–19 июня 2006 г.).

никает вопрос, в какой степени эти памятники могут служить источником для характеристики фонетических явлений, свойственных тому или иному диалекту. Вопрос этот приобретает особую остроту в связи с наличием в одном и том же памятнике разных написаний одного и того же слова, например, *гынэ* и *гинэ* 'только' (см. также примеры, приведенные выше): в каких случаях перед нами чисто графические колебания или описки, а в каких – борьба дублетных форм, употреблявшихся в данной области проживания удмуртов.

В предлагаемой статье мы поподробнее остановимся на способах написания слов в первых печатных азбуках удмуртского языка, изданных в 1847 г. в Казани. Книги "Азбука, составленная изъ Россійскихъ церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (*По Глазовскому*)" [Азбука Гл.] и "Азбука, составленная изъ Россійскихъ церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (*По Сарапульскому*)" [Азбука Сар.], как видно из их названий, опубликованы на двух территориально различающихся диалектах – глазовском и сарапульском. В 2003 г. они были переизданы Удмуртским институтом истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук [3].

Азбука на глазовском наречии была составлена священником Иваном Анисимовым, на сарапульском – Григорием Решетниковым, о чем сообщается в конце каждой книги: «Азбуку составилъ и Священную Историю съ Катихизисомъ переложилъ на вотякскїй языкъ Миссіонеръ Малмыжскаго округа уканскїй священникъ Іоаннъ Анисимовъ» [Азбука Гл. 168], «Священную Историю и Катихизисъ переложилъ на Вотякскїй языкъ Сарапульской округи села Нылгижикья Христорожественской церкви священникъ Григорїй Рѣшетниковъ» [Азбука Сар. 190]. Кроме того, на последней странице каждой Азбуки сообщается имя корректора: «Корректоваль и опечатки сія выбираль Вятскаго Успенскаго Трифонова Монастыря Казначей Іеромонахъ Климентъ» [Азбука Гл. 174, Азбука Сар. 192].

Азбуки начинаются с алфавита из заглавных и строчных (церковнославянских и русских) букв. Далее представлены слоги из двух-трех букв и удмуртские слова, состоящие из одного, двух, трех и более слогов. В конце каждой книги приведены образцы спряжения, склонения и временных форм удмуртских глаголов, а также причастие настоящего времени и деепричастие. Инфинитив назван автором неопределенным склонением. Основную часть Азбук составляют сокращенные переводы Священной Истории и Катехизиса, в начале которых дается ссылка, что данное издание является четвертым. На всех словах в удмуртской части издания проставлено ударение.

Анализируя тексты оригинала (на церковнославянском языке) и переводов из Азбук, нельзя не заметить, что удмуртская часть максимально приближена к оригиналу, то есть предложения очень часто переведены дословно с соблюдением порядка слов в русской части. Это особенно чувствуется в «глазовском» издании. В книге «по сарапульскому» наречию перевод осуществлен на более высоком уровне: конструкции в удмуртских предложениях в основном отвечают требованиям удмуртского синтаксиса. Возможно, даже из-за этого объем Азбуки на сарапульском наречии получился на 21 страницу больше, по сравнению с Азбукой на глазовском.

Графические и орфографические особенности памятников удмуртской письменности XVIII в. в большей или меньшей степени отражены в публикациях исследователей [4]. Орфография же памятников первой половины XIX в. остается малоизученной. Единичные работы [5] по исследуемой теме невелики по объему и полностью не решают этой задачи.

1. Несвойственное русскому языку сочетание *жы, шы* переводчиками обозначено через **жи (жі), ши**: *пу́жймъ [puzʒim]* 'сосна' (Азбука Гл. 11); *Сіотэмъ Инмарьэнъ козманьэзъ Авраамьлы, пырылызъ солэнъ вы́жси́азъ [vʲiʒʲiaz]* *сылонья́.* 'Благословение, данное Богомъ Аврааму, переходило къ его потомкамъ, сообразно съ ихъ достоинствомъ' (Азбука Гл. 36); *Хамьлэнъ бонь нильпиодсэзъ ась вы́жси́азъ [vʲiʒʲiaz]* *азла палà лэкъ урòдъ кылдизы вуэнъ бырэмъ берè.* 'Отъ Хама вновь произошли злые люди послѣ потопа' (Азбука Сар. 30); *Исавъ нюнь вы́лэмъ Іаковлы, со пэнна́ бонь аизлэнъ козмамэзъ азьвѣль солы кулú вы́лэмъ: возькымтэены́зъ цидамтэены́зъ бонь козманозэ аизлэсь нюнь санзэ аслэсьты́зъ воштэмъ Іаковлы яснѣкъ шидь [ʃjd]* *пэнна́.* 'Исавъ былъ старшій, и потому имѣлъ первое право на благословение отца своего: но будучи не воздерженъ и не терпѣливъ, продалъ Іакову первенство свое за чечевичную похлебку' (Азбука Сар. 37).

В Азбуке на сарапульском наречии встречаются единичные примеры, где звукосочетание *жы* обозначено согласно современной удмуртской орфографии – буквосочетаниемъ **жы**, например: *Іерусали́мъ кырзы́ быри́зъ, церксы́но сутэмьинъ, жынылэсь [ʒɲnʲiles]* *унó калыксэсь Вавилонэ серазъ нуизъ.* 'Іерусалимъ разоренъ, храмъ сожженъ, большая часть народа отведена въ Вавилонъ' (Азбука Сар. 70).

2. Палатальность согласных (*д', з', л', н', с', т'*) обозначается следующим образом:

1) в абсолютном конце, а иногда и в середине слова – через **ь** (ерь), например: *эмэзь [etɛzʲ]* 'малина' (Азбука Гл. 11); *Утемьлы́ веральямэзэ тупа́ валъ со, что адямидосъ кэмá улызы, именной бень, потопьлэсь азьвѣль [azʲvʲil]* *укмысь сю аръ дорозь уногэмъ-но, потопъ бере ношь квинь сю дорозь уногэмъ-но.* 'Сохранению преданія способствовало то, что люди долго жили, а именно, прежде потопа до девяти сотъ и болѣе, а послѣ потопа до трехъ сотъ и болѣе' (Азбука Гл. 44); *беризь [berizʲ]* 'липа' (Азбука Сар. 11); *ко-сысь-кò [kosʲisʲ'ko]* 'приказываю' (Азбука Сар. 12); *Кулэ карса́ оскиськò [oskisʲ'ko]* *од-игъ полъ краци́нъ пырэмлы, селыкэ мэдъ бырòзъ шусá.* 'Исповѣдую едино крещение, во оставление грѣховъ' (Азбука Сар. 133). И др.

2) перед гласными:

а) *а* – через букву **я**: *аз-ве-сясь-кò [azvesʲasʲ'ko]* 'серебря' (Азбука Гл. 13); *Ку Моисей, Инмарь косэмья, Синай гурэзь-вылынъ улызъ нильдонъ нуналь: со увакы́тъ кисты́зы содсэ зарнѣ куняньзэ [kupʲanʲzɛ], юбырты́зы но та идолы́лы, Инмарьлы́ кадь.* 'Когда Моисей, по повѣленію Божию, былъ на горѣ Синаѣ сорокъ дней: въ то время они слили золотаго тельца, и поклонились сему идолу, какъ Богу' (Азбука Гл. 53); *ба-дѣрь [badʲarʲ]* 'кленъ' (Азбука Сар. 11); *Инмарьмылэнъ лэсяна́ [lesʲ'ana]*, *воцълэнъ-икъ вань вордскэмъ нумызъ.* 'Кромѣ Бога, все имѣеть начало' (Азбука Сар. 16); *Кирòсь вылысэнь, Исусъ вэсяськызъ жалясá тушмонъ адяміосы́зъ [adʲamiosʲizʲ]* *пэнна́, буйгатья́зъ дун-цилкы́тъ Мумызэ Аслэсьты́зъ, Іоаннъ Апостоллы́ косызъ піесь луны́ Аци́зъ инт-і ѣ Солы́.* 'Будучи на крестѣ, Иисусъ

молился за враговъ своихъ, утѣшалъ Пречистую Матерь Свою, и повѣлелъ Апостолу Иоанну быть у Ней вмѣсто сына' (Азбука Сар. 112);

б) э – через **е, ъе (ьэ)** и **ѣ**: *Та лэсянѣ урдѣ ужьѣосъ адямѣосъ куспѣнѣ унѣ луизы, а таитѣ ношъ визьѣзъ [viz'ez] кѣтъ малпанѣзъ-но серыскильзы унѣ унѣ. 'Кромѣ сего злыя дѣла между людьми умножились, а отъ того разумъ и совѣсть болѣе и болѣе помрачались' (Азбука Гл. 45); Со вормызъ Филистимлянинѣосъсѣ, юнматѣзъ усѣмъ [us'et] восясконъзѣ зѣмъ Инмарѣлы: править карызъ Еврейѣосызъ цикъ басьятѣкъ соосълѣсѣ. 'Онѣ [Самуил Пророк. – Л.И.] побѣдилъ Филистимлянѣ, возстановилъ упавшее служеніе истинному Богу: и управлялъ Евреями съ совершеннымъ безкорыстіемъ' (Азбука Гл. 57); Сѣ мед-ѣзъ ляльци медо **нергѣ** карынѣ соосызъ, озѣ секытъ [s'ekit] ужаса-не илѣмлѣсѣ дугдозы, соинѣ зѣ тѣрмы солѣ, кос-ѣзъ беретсѣ вордскѣмъ пизѣсѣ винѣ. 'Онѣ [новый Царь Египетскій. – Л.И.] сталъ поступать съ ними [Евреями. – Л.И.] какъ съ рабами: старался изнурить ихъ тяжкими работами, а наконецъ велѣлъ убивать ихъ младенцевъ мужеска пола' (Азбука Сар. 40–41); Египетѣосъ узы пегзисъ Еврейѣосызъ: Инмарѣ утѣз соосызъ паймонѣ-кадѣ, уисъ Египетѣосызъ од-игтѣмъ быдт-изъ тазѣ: сѣдѣ зарѣзъ дорѣ вуса Инмарѣ со заризѣзъ ѣормѣмѣослѣ тупыттѣмъ силъ тѣлынѣ юкѣзъ сюрѣслѣ потынѣ пѣннѣ, соосъ бонѣ пот-изы пыдс-ит-ѣзъ кѣсѣ сюрѣсѣ-кадѣ вылтѣ, бѣрсызы пырсѣ бонѣ уисъ Египетѣосъ заризѣ, берѣнѣ шобыртѣмъ-кадѣ вылазы ву вацѣ луизъ, соосъ уисѣосъ бонѣ воцѣкъ од-игтѣмъ выисѣ быризы. 'Египтяне преслѣдовали Евреевъ: но Богъ чудесно сохранилъ Евреевъ, и погубилъ Египтянѣ. Сильнымъ вѣтромъ раздѣлилъ онѣ черное море, такъ что Евреи прошли по сухому дну его, когда за ними вступили Египтяне, море покрыло ихъ, и они потонули' (Азбука Сар. 43–44);*

в) о – через буквосочетание **ѣо**: *Со мадѣѣо [mad'ojo] валѣ унѣ тодѣмѣнѣ, кудзѣ Инмарѣлѣсѣ курсы шеттѣзъ восяскѣмѣнѣ. 'Онѣ [Соломон. – Л.И.] славенѣ мудростію, которую испросилъ отъ Бога молитвою' (Азбука Гл. 60); Та-сяѣнѣ Іудейѣосъ Вавилонѣнѣ утискизы идолѣлы юбыртѣямѣлѣсѣ отынѣ гажамѣлѣсѣ, кѣлтскѣзы-но увалѣо сямѣлѣсѣ [uал'o s'amles'] идолѣлы юбыртѣяскины. 'Такимъ образомъ Іудеи въ Вавилонѣ сохранились отъ господствовавшего тамъ идолопоклонства, и даже исправились отъ прежней своей наклонности къ идолопоклонству' (Азбука Гл. 69); Инмарѣ Еваѣзъ лѣст-изъ адямилѣнѣ урдѣ-лыысѣтѣзы, Адамлѣсѣ изѣонѣ [iz'on] дырѣязъ кѣтъ урдѣзѣ бастысѣ. 'Богъ сотворилъ Еву изъ ребра, которое взялъ у Адама во время сна' (Азбука Сар. 19); Од-ѣгъ адямилѣсѣ вордскысѣ адямѣосъ од-ѣгъ кылынѣ верасъкызы, одѣгъ-но динѣо [odig din'o] адямѣосъ вылылѣямѣ. 'Происходя отъ одного человѣка, люди говорили однимъ языкомъ и составляли одинъ родъ' (Азбука Сар. 31); Со кужмо-визьмѣ адямѣосъ, зѣмъ Инмарѣ-вылѣ целтскысѣ, аслѣзъ Инмарѣ косѣмѣнѣ утѣозы-вал [ut'ozj-val] ѣсѣ калыксѣсѣ, вормо-валѣ со пѣлѣ калыкѣзѣ, буйгатозы-валѣ ѣсѣ калыксѣсѣ. 'Люди мужественные, надѣющіеся на Бога, и самимъ Богомъ возбуждаемые, принимали надъ ними начальство, побѣждали язычниковъ, и доставляли народу своему миръ и спокойствіе' (Азбука Сар. 58);*

г) у – через **ю**: *Мукѣтъ дырѣя, ку содѣ быттырзѣ эзъшеттѣ вѣзѣ, Моисей, Инмарѣ косѣмѣя шуккѣзъ бодыѣнѣ ѣзъ гурезѣзѣ, вѣязъ-но соустѣзъ ву сѣкѣмъ унѣ, тырмытъ валѣ со кватьсю сюрѣ [kvat's'u s'urs] Еврейѣосъ-но бенѣ поннѣ.*

’Въ другое время, когда они [Евреи. – Л.И.] совѣмъ ненаходили воды, Моисей, по повѣленію Божию, ударилъ посохомъ въ каменную гору, и изъ нея потекла вода въ такомъ множествѣ, что ея довольно было для шести сотъ тысячъ Евреевъ’ (Азбука Гл. 52); *Данильлѣи Инмаръ поттызы со-куспынъ, что Христось адскѣзъ дунье-ынъ сизимдонъ седминаосълэнъ нумазъ, нильсю* [n’i’l’s’u] *укмыстѣн аръіосъ котыръ, Иерусалимъэзъ вильяскэмъ берѣ.* ’Данилу Богъ открылъ между прочимъ, что Христось явится въ міръ въ концѣ семидесяти седмины, то есть, спустя около четырехъ сотъ девяносто лѣтъ, послѣ возстановленія Иерусалима’ (Азбука Гл. 69–70); *сюдыськѣ* [s’udj’s’ko] ’кормлю’ (Азбука Сар. 13); *Инмаръ тодсѣ соослэсъ сюлэмзэсъ* [s’ulemzes], *Авельлѣи адзит-изъ ваэмъ пэнназъ дзѣцъ мылзэ-кыдзэ, а Каинъ-лы эзъ.* ’Богъ, зная сердца, показаль при семь Авелю знаменіе Своего благоволенія, а Каину нѣтъ’ (Азбука Сар. 26); *Со берѣ, Инмаръ косэмэнъ, Моисей лыкт-изъ Фараонъ азѣ, аслазъ нюненызъ* [n’up’epiz] *Ааронэнъ, курыськынѣи Инмарлэнъ нимынызъ, Еврей калыкэзъ лэзъ шусѣ Египтысьтыдъ.* ’Послѣ, по повелѣнію Божию, явился онъ [Моисей. – Л.И.] къ Фараону, съ братомъ своимъ Аарономъ, и потребоваль именемъ Божиимъ, что бы Евреи были отпущены изъ Египта’ (Азбука Сар. 42);

д) *ы* – через *и*: *Кыкъ ниіосъ Самуильлэнъ кутскізы вураны, утитэк* [ut’itek] *шонеръ судзэ.* ’Два сына Самуила предались лихоимству, и нарушали правосудіе’ (Азбука Гл. 58); *Иисусъ пуксизъ эшакъ чуні-вылэ* [čun’i vjle], *шобыртэмъ дышетскісыіосълэсъ дисьіосынъ.* ’Иисусъ сѣлъ на осла, покрытое одеждами учениковъ’ (Азбука Гл. 96); *Пилатъ косызъ жугынѣи Иисусъсѣ, дисяны Со-вылэ гордъ дисьсѣ, поныны иръ-вылазъ атасъ дзюрзіонгълэсъ изи* [iz’i], *карысѣ-но тачѣ возматызъ Соѣ Иудейіосълы, малпасѣ соинъ поттынѣи соосълэсъ жалямъзэ.* ’Пилатъ велѣль битъ Иисуса, возложилъ на Него багряную одежду, и терновый вѣнецъ, и въ такомъ видѣ показаль Его Иудеямъ, думая тѣмъ привести ихъ въ жалость...’ (Азбука Гл. 102–103); *сизиль* [siz’i’l] ’осень’ (Азбука Сар. 11); *Тазы* [taz’i] *турыкэмъ сямзы пыризъ Иудейской-но иськавынъ Эксэй-улоскы, со пэнна-бонъ тайзъ-но бератсѣ тузкысѣ быризъ.* ’Поелику таже зараза проникла и въ царство Иудейское, то разрушилось и оно, только позже Израильскаго’ (Азбука Сар. 65).

3. Твердость согласного в конце слова, а иногда и в середине – перед падежным окончанием и другими (например, показателем принадлежности), а также вторым компонентом сложного слова – обозначена буквой *ъ*, по правилам русского правописания того времени: *шумъ-по-тонъ* ’радостный’ (Азбука Гл. 12); *Огъ нѣль Инмаръ шедскізы Авраамълы, сизискізы-но лестынѣи Сое аиэнъ унд калыкълэнъ, нимазъ-но луинѣи со понна Инмаръэнъ.* ’Однажды Богъ явился Аврааму, и обѣщаль сдѣлать его отцемъ множества народовъ и быть особенно его Богомъ’ (Азбука Гл. 33); *Священной гожтэмъ беректэмынъ Греческой кыль-вылэ самой ярано-эзъ калыкъ-куспынъ со увапумълэнъ.* ’Священное писаніе переведено на Греческій языкъ, самый употребительный между народами тѣхъ временъ’ (Азбука Гл. 71); *Инмаръ Авраамлы кос-изъ кэлытынѣи атай юртсѣно, выжи-кумзэ-но, и кос-изъ кэцъны тодымтэпала музьеъмъ вылэ, кудзэ аслызъ сизизъ вылазъ улны пэнна.* ’Богъ повелѣль Аврааму оставить домъ, родъ и отечество, и итти въ неизвѣстную землю, которую обѣщаль дать ему въ наслѣдіе’ (Азбука Сар. 33); *Со берѣ кязы басытысѣ Иисусэзъ нуизы Голгофа гурезъ-илэ, отынъ-бонъ киросъ кецятъ пу вылэ ошизы,*

кыкъ курокъ адымилэнь-шоразы. 'Исуса отвели на гору Голгофу, и тамъ распяли на крестѣ, между двумя разбойниками' (Азбука Сар. 111). И др.

4. Наблюдается непоследовательность обозначения удмуртской фонемы э буквой е или ѣ, а также сочетанием **ьэ** после палатальных согласных и буквой э после велярных: *Та сямёнъ одыгъ адымилэнь лубозъ валъ кэнякэ сю аръ веральяны Инмарьлэнь адымиосълэнь-но ужъюсызъ понна*. 'Такимъ образомъ одинъ человекъ могъ нѣсколько сотъ лѣтъ пересказывать о дѣлахъ Божиихъ и человеческихъ' (Азбука Гл. 44–45); *Огпóль, ку соось эзь-шыттэ вузэ, курыттэзъ лесяна: Инмарь косызъ Моисейлы поныны со-пучкы кэчэкэ пусьпузэ, луизъ но со ярано воземлы*. 'Однажды, когда они [Евреи. – Л.И.] не находили воды, кромѣ горькой: Богъ повелѣлъ Моисею положить въ оную нѣкотораго древа, и она сдѣлалась годною къ употребленію' (Азбука Гл. 52); *Дунье лестэмэзъ Инмарлэнь*. 'Сотвореніе міра [Богом. – Л.И.]' (Азбука Сар. 16); *Та скиніяинъ Инмарь юртынь олтарэзъ но выльмъ вэсьмъ чинтынъ, сюсьтыль пукътонэзъ-но, жэекъ-но, нянэзъ вэсяны*. 'Въ скинии также находился олтарь для куренія Фиміама, свѣтильникъ, и трапеза для предложенія хлѣбовъ' (Азбука Сар. 51).

5. Одни и те же формы могут быть написаны и через дефис, и слитно, и раздельно:

а) слова с притяжательными суффиксами, напр.: *Та ковчегъэ пырызъ Ной ась семьяэнызъ, бастызъ-но пудó животълэсь, звѣрыосълэсь, тлуд-бурдоюсылэсь-но, кузэнь кузэнь, кеняюсь-кэ ношь сизымъ кузэнь, медъ соось вильдыяскóзы потопъ берэ*. 'В сей ковчегъ вошелъ Ной съ своимъ семействомъ, и взялъ изъ скота, звѣрей и птицъ по парѣ, а нѣкоторыхъ по семи паръ, чтобы оныя вновь могли развестись послѣ потопа' (Азбука Гл. 28); *Наказать карыса та понна, Инмарь суразъ кыль-зэсь соосълэнь сокэмъ, соось ношь дугдызы валаны огъ огъзэсь, пазясь-но соосызъ воць музьемъти*. 'Въ наказаніе за сіе, Богъ смѣсилъ языки ихъ [людей. – Л.И.], такъ что они перестали разумѣть другъ друга, и разсѣялъ ихъ по всей землѣ' (Азбука Гл. 31); *Санъ карса ұль Ау-дэ-но мумы-дэ-но, зэць шудó-но кúзь-арлыдó-но та музьемъ вылынъ улэмедъ пэнна*. 'Чти Отца твоего и мать твою, да благо будетъ, и да долголѣтень будеши на земли' (Азбука Сар. 49); *Крацінь-беразъ Остэ Исусъ Христось ул-изъ кырынъ нильдонъ нуналъ кэсь возьса вэсяськыса-но, даулашаса шайтанэнь vormызъ сое ась кылынызъ: соберэ лыкт-изъ адымиосъ пэлы*. 'Послѣ крещенія Господь Исусъ Христось провелъ сорокъ дней въ пустынь, въ постѣ и молитвѣ, выдержалъ искушеніе отъ діавола и побѣдилъ его словомъ Божиимъ: потомъ явился въ мірѣ' (Азбука Сар. 90);

б) конструкции с послелогоми: *Энь лэсьты аслыдъ вэсь марькэ сульдэрэнь не нокечено тусъзэзъ, макэмъ инъ вылынъ пыдлонъ, макэмъ музьемъ вылынъ улазъ, макэмъ вуосынъ музьемъ пытыцынь: медадь юбыртскы соослы, медадь-но ұжа соослы*. 'Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею: да не поклонившиися имъ, ни послуживши имъ' (Азбука Гл. 47); *Та заповѣдыосъ гоштэмынь валъ кыкъ скрыжалъ-вылынъ, либо изъ пуль-вылынъ, понэмынь-но завѣтъ кивотэ, лестэмъ дунъ письпулэсь, дурэмынь-но котыразъ зарниэнь, та кивотъ ношь понэмынь валъ Скиніяинъ, либо вырзюно Инмарь церкынъ*. 'Сіи заповѣди написаны были на двухъ скрыжальяхъ, или доскахъ каменныхъ, и положены въ кивотъ завѣта, сдѣланный изъ

драгоцѣннаго древа и обитый золотомъ, а кивотъ сей положень былъ въ Скинии, или подвижномъ храмѣ Божіемъ' (Азбука Гл. 49); *Инмарлэнъ козмáмъ сіотэмэзь Авраамлы, яразъ азла палà вєсь нылызлы-піезлы, зєць-визмозлы, адцскє-кэ-икъ со Іаковъ Исáвэзъно пучкынь*. 'Благословеніе, данное Богомъ Аврааму, переходило къ его потомкамъ, сообразно съ ихъ достоинствомъ, сіе особенно видно въ Іаковѣ и Исавѣ' (Азбука Сар. 36–37); *Вэсяськэмъ прáзникъ пáска азьлà палà луонозэ тодматонъ тусъ вылэмъ, áзъвыль сызэмъ утисъ Кылцін-Инмаръ музьемъ-вылэ васькысá-не берєнь вылэ инмэ тубонъ азязъ ассэ-не вэялò Инмарлы, утины пэнна адымиосызь шайтанъ сурамлэсь-но селыкамлэсь-но*. 'Жертва сія была прообразованіемъ, то есть нѣкоторымъ предварительнымъ образомъ и подобіемъ того, какъ обѣщанный Спаситель міра долженъ былъ принести самого себя въ жертву, для избавленія челоуѣковъ отъ рабства діавола и грѣха' (Азбука Сар. 45); *Куд-изъ улзэмъ берè берєнь инмэ тубсá Аизлэнъ буркы-палáзь пукэ*. 'И взошедшаго на небеса, и сѣдяща одесную Отца' (Азбука Сар. 146);

в) вспомогательный отрицательный глагол с основным: *Инмаръ каргáзь висъэзэ, Каинъ-но со тырысь воць дуньяинъ эзышетты буйгатонъзэ кышкантэмъ интизэ-но*. 'Богъ проклялъ убійцу, и Каинъ послѣ того въ цѣломъ мірѣ не находилъ спокойствія и безопасности' (Азбука Гл. 26); *Господь Инмарьлэнъ нимъзэ токма шоры энъ вєралья*. 'Не приѣмили имени Господа Бога твоего всеу' (Азбука Гл. 47); *Сауль эзь-улъ бенъ Инмаръ эрикъэзья*. 'Но Сауль не исполнилъ воли Божіей' (Азбука Гл. 58); *Энь лұчкасыкы*. 'Не укради' (Азбука Сар. 50); *Өмá-лы-но куд-изъ угъ-оскы вáль Солэнъ улземезлы, оскымтэзэ-пэнна-бонъ кос-изъ солы кыныды-не ұтця яраосмè*. 'Өомѣ, который сомнѣвался о Его [Иисуса. – Л.И.] воскресеніи, Онъ позволилъ даже осязать Свои раны' (Азбука Сар. 116); *Тодсá улъ арня-нуналъ-мè, со нунал энь-ужа аслыды вэсяськысá селыклэсь возькысá, адымилы зєць карсá улъ со нуналэ, квáтъ нуналáды ұжа: а сизимет-ієзь-бонъ арня нуналъ Остэ Инмарэдлы тынáд*. 'Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай и сотворивши въ нихъ вся дѣла твоя: день же седмый суббота Господу Богу твоему' (Азбука Сар. 175–176). Примечательно то, что в Азбуке на глазовском наречии данные формы пишутся и через дефис, и слитно, и раздельно;

г) слова с частицами: *Та бэрысь, котъ Исаакъ ай солэнъ медэ валь козманы Исавъзэ, будзимъзэ кадъ: но, лусá соку синтэмъ, сіотызь Исавъ интиэ ась козманъзэ Іаковлы, та сяэнъ сіотскызь со сылымонлы*. 'Послѣ того, хотя Исаакъ отецъ его и желалъ благословить Исава, какъ первенца: но, будучи въ то время слѣпъ, принялъ Іакова за Исава, и такимъ образомъ благословеніе досталось достойнѣйшему' (Азбука Гл. 37); *Іорданъ шуръ вйазъ вылэ берєнь, кэлтызь-но пыдэсьсэ кэсь, медь лудзь Еврейюсылы потыны соити*. 'Рѣка Іорданъ потекла вверхъ, и оставила сухое дно, чтобы Евреи могли перейти чрезъ нее' (Азбука Гл. 54); *Увачкала-тырысь Инмаръ быръя валь кэнязэкэ шонєрь улысь муртюосъсэ, тырь-но карэ валь соосъсэ аслáзь лулэнызь, медь собсь поттды мукэтъ адымиюсылы Солэнъ эрикъсэ*. 'Издравле Богъ избиралъ нѣкоторыхъ благочестивыхъ людей, и исполнялъ ихъ духомъ Своимъ, дабы они открывали волю Его прочимъ людямъ' (Азбука Гл. 62–63); *Іосифъ тодмáзь соосызь: ассэно тодэмъ карызь соослы: винаватэсь-но соослэсь солы лучкэмъ вузámъ пэнназы прости́ть карызь: дорáзь-но аизыны валсè Египтэ улны этызь*. 'Іосифъ узналъ ихъ [братьевъ

своих. – Л.И.]: открылъ имъ себя: простилъ имъ вину противъ него: и призвалъ ихъ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, въ Египетъ' (Азбука Сар. 40); *Со лэсянà-но вылázь ещó лэкъ-уродь ужзы адыми пэлынь унó тырмизь, соинъ-бонъ ирь-визьзы зéць сюлэмзы визьтэмъ-кадь луизь.* 'Кромѣ сего злыя дѣла между людьми умножились, а отъ того разумъ и совѣсть болѣе и болѣе помрачились' (Азбука Сар. 47); *Иудейиосъ со вапумъ дырря дугдылытэкъ-кадь-икъ яланъ ацсэзэсъ адзизы нóшь-икъ Инмарэзь тодысьтэмъ калыкъ улэ усiónò кадьзэсъ.* 'Впрочемъ Иудеи въ сии времена почти не прерывно видѣли себя въ опасности новаго порабоженія отъ язычниковъ' (Азбука Сар. 77). И др.

6. Несвойственный русскому языку анлаутный *ы-* или *йы-*, как правило, передается буквой *и*: *иргонъ 'мѣдь'* (Азбука Гл. 11); *Соодъ пыртылызы асъ вераэ Еврейиосъсэ-но: таити ношь соодъ иштыло валъ Инмарълэсь дзецкыдъзэ юртсконъзэ-но, язычникъиосъ вормылызы соосъсэ ускытылызы-но астэлы.* 'Они [язычники. – Л.И.] вовлекали въ язычество и Евреевъ: а чрезъ то сии лишались благодати и помощи Божией. Язычники преодолѣвали ихъ, и порабошали' (Азбука Гл. 55–56); *Исусъ Христосъ чэмъ восяскызъ, нимазыкъ уиень, ишикъ интйиень.* 'Исусъ Христосъ часто молился, особенно въ ночное время, въ уединеніи' (Азбука Гл. 87); *Каинъ вожъяскыса ирызь куръ луса-но, виизъ асъ вынзэ Авельэзь.* 'Каинъ изъ зависти и досады, убилъ брата своего Авеля' (Азбука Сар. 26); *Со кенешъсэсъ бонъ тодса Инмаръ наказатъ каризъ та пэнна соосызъ нильдонъ арь иромытыса возьса кырынь.* 'Богъ наказалъ ихъ [евреев. – Л.И.] за сіе четыредесятилѣтнимъ странствованіемъ въ пустынь' (Азбука Сар. 55).

7. По образцу русской орфографии – при обозначении интервокального звуко сочетания *ий* – используется латинская *i*: *зарниасько 'золочу'* (Азбука Гл. 13); *Фомалы, кудыизъ эзьдоскы Солэсъ улземлы, Со косыизъ уччанъ Асъ ярайосъсэ кйинъизъ.* 'Фомѣ, который сомнѣвался о Его воскресеніи, Онъ позволилъ даже осязать Свои раны' (Азбука Гл. 108); *Кватет-йязъ музьемъ вылынъ лулоосыизъ, собере адымизъ-но.* 'Въ шестый [день Бог сотворил. – Л.И.] животныхъ земныхъ, и наконецъ человѣка' (Азбука Сар. 18); *Авель интйэ Инмаръ Адамлы ворд-изъ квиньмет-и пизэ Сифъ нимозэ.* 'Вместо Авеля Богъ даровалъ Адаму третьяго сына Сифа' (Азбука Сар. 26).

8. Встречается буква *ѣ* для обозначения звука *э* в русских заимствованиях, которые по правилам дореволюционной русской орфографии писались через букву *ѣ*, а иногда даже в удмуртских словах (в сарапульском варианте азбуки) в форме входного падежа: *Та ковчегъэ пырыизъ Ной асъ семьяэныизъ, бастыизъ-но пудó животълэсъ, звѣрыосълэсъ, тлудбурддиосълэсъ-но, кузэнъ кузэнъ, кеняиосъ-кэ ношь сизымъ кузэнъ, медъ соосъ вильдыяскóзы потопъ бере.* 'Въ сей ковчегъ вошелъ Ной съ своимъ семействомъ, и взялъ изъ скота, звѣрей и птицъ по парѣ, а нѣкоторыхъ по семи паръ, чтобы оня вновь могли развестись послѣ потопа' (Азбука Гл. 28); *Та понна-но лестыизъ Инмаръ Авраамъэнъ куспázь завѣтъ.* 'Въ чемъ поставилъ Богъ съ Авраамомъ завѣтъ' (Азбука Гл. 33); *Цякласа бонъ Инмаръ нялтасъ асъ зéць-мылыкыдыныизъ, пэрвой селыкамзы бере, сiот-изъ адымиослы осконъ-мозмемзэсъ, пэясъ шайтанлэсъ, селыклэсъ но, воць бѣдалэсъ-но, селыкаменызы лувоноэзь-лэсъ соослы.* 'Впрочемъ Богъ, по милосердію своему, вскорѣ послѣ перваго грѣха, далъ человѣкамъ надежду избавленія отъ прельстителя діавола, отъ грѣха и отъ

всѣхъ бѣдъ, которыя отъ грѣха произошли' (Азбука Сар. 24–25); *Вордскѣмъ-берѣ нильдонѣт-и нуналѣ, Нунѣ дырѣязъ Исусѣзъ Іосифъ Марія-но ваизы церкѣ, азвѣль гоштѣмъ-сяенъ Моисѣй дырѣя Инмарѣ-законѣнъ.* 'Въ четьредесятый день по рожденіи, Младенецъ Исусъ принесенъ Іосифомъ и Марією во храмъ Божій, какъ предписано въ законѣ Божіемъ чрезъ Моисея' (Азбука Сар. 85).

Таковы основные способы написания слов в первых печатных азбуках удмуртского языка. Как отмечено выше, говорить о единообразии в оформлении слов, то есть орфографии как таковой, еще рано. Написание в целом руководствуется орфографией первой печатной грамматики удмуртского языка 1775 г. Однако встречаются уже некоторые отступления в сторону современного удмуртского правописания, например, написание буквосочетания **жы**.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В конце XVIII – нач. XIX вв. в распоряжении удмуртских читателей или переводчиков на удмуртский язык имелись всего лишь небольшие словарики, грамматика «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» и два небольших стихотворения.

2. Некоторые специалисты по истории языков сомневаются в наличии орфографии в ранних письменных памятниках. Так, Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева (Историческая фонетика немецкого языка. – М., Л., 1965. – С. 26), исследуя древненемецкие памятники, отмечают: «Орфография немыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. Мы не найдем в древненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца». Таким образом, орфографии, в строгом понимании этого термина, в древненемецком языке не было. Не было ее, возможно, и в раннеудмуртских памятниках. Но определенная система написания слов и некоторых морфем уже наличествует, а значит можно говорить о несформулированных элементах (правилах) орфографии.

3. Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Глазовскому). 174 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Л. Карпова. Предисл. – Л.М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – С. 387–558]; Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому). 192 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Е. Кириллова. Предисл. – Л.М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – С. 249–439].

4. См., напр.: *Алатырев, В.И.* Введение // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – С. 3–15; *Ившин, Л.М.* Об удмуртской орфографии XVIII века // *Вордскем кыл.* – 2002. – № 2. – С. 57–62; *Тараканов, И.В.* Первой грамматике удмуртского языка 190 лет // *СФУ.* – 1965. – № 3. – С. 229–230; *Тепляшина, Т.И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века. Вып. I / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1965. –

324 с.; *Ее же*. Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова // СФУ. – 1971. – № 2 (VII). – С. 129–139.

5. *Ившин, Л.М.* Предисловие // Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л.Л. Карпова. Предисл. – Л.М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003а. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – С. 5–12; *Его же*. Предисловие // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003б. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – С. 5–10; *Его же*. Об орфографии некоторых сложных слов в памятниках удмуртской письменности // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 89–90. (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН); *Кельмаков, В.К.* Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапульском наречии» удмуртского языка // Вестник удмуртского университета. – 2007. – № 5. – Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та. – С. 17–24.

Поступила в редакцию 25.08.2010

L.M. Ivshin

To the History of Udmurt Orthography

The article deals with the features of orthography of the first printing ABC-books in the Udmurt language. Inconsistency of their orthography is possible to explain by insufficient experience in editing of verbose texts in Udmurt till the books began to be published in 1847.

Key words: the Udmurt Language, literature records, ABC books, orthography.

Ившин Леонид Михайлович,
кандидат филологических наук, младший научный сотрудник,
Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
г. Ижевск
E-mail: leonid-ivshin@rambler.ru

В.И. Рогачев

**О НЕКОТОРЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЯХ МОРДОВСКОЙ СВАДЬБЫ:
БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ**

Рассматриваются принятые в финно-угорском обществе социокультурные нормы в отношении брачного возраста молодежи: подготовка к семейной жизни; социальное становление и трудовое воспитание, обычаи и обряды инициации, критерии физической и половой зрелости, требования к вступающим в брак, возраст брачующихся. Приводятся сравнительный материал из этнографии татар и башкир; статистика возраста вступающих в брак на рубеже XIX–XX вв. – времени стабилизации брачного возраста; этнографические факты и фольклорный материал.

Ключевые слова: финно-угорская среда, семейно-обрядовая культура, брачный возраст, свадебный обряд, терминология родства, фольклор, женитьба малолетних, патриархальные узы, разновозрастный брак, посиделки, время проведения свадеб.

Вопросы, связанные с подготовкой молодежи к свадьбе, определением возраста и времени, как правило, решались в финно-угорской среде родителями. Подготовка шла с детских лет: девочки пребывали на женской половине дома и должны были стать помощницами матери: нянчили младших братьев и сестер, учились прясть, ткать, шить и вышивать, ухаживать за скотом, то есть овладевали всеми трудовыми навыками, необходимыми в замужестве. С 7–8 лет они посещали свадебные вечеринки, где звучали причитания невесты, внимательно прислушивались и запоминали их содержание и затем при всяком удобном случае воспроизводили услышанное. Ролевые игры со свадебными куклами, инсценировки свадьбы в весенние праздники, проходившие с соблюдением всего ритуала, позволяли им не только хорошо выучить свадебные тексты, но и постепенно готовиться к самой церемонии.

Мальчики оставались на мужской половине дома, овладевая посильными мужскими занятиями: ухаживали за скотом, работали с отцом и старшими братьями в поле, помогали при пахоте, бороновании, возили и укладывали в скирды снопы, постигали основы крестьянских ремесел, плотницкого дела. К 18–20 годам они становились полноценными членами семьи, способными выполнять любые работы по дому и в поле.

Возрастная градация и соответствующая терминология, бытовавшая у мордвы, были своего рода определителями дееспособности членов семьи. Так, до 2–3 лет детей звали «потия эйкакш» (эрз.), «потяй идь» (мокш.) – грудной ребенок; в некоторых – местах «човаля» (эрз.), «сеняка» (мокш.) – малыш; от 3 до 7 лет – «эйде» (эрз.), «тетмак» (мокш.); до 14–15 лет – «эйкакш» (эрз.), «идьмор» (мокш.) – взрослый ребенок [1]. Юношей и девушек старше 16–17 лет называли «од цера» (эрз., мокш.) и соответственно «од тейтерь» (эрз.), «од стирь» (мокш.). С этого времени они переводились в разряд молодежи, которая может посещать посиделки, молодежные вечера, игрища, то есть плавно переходили в группу, готовящуюся к свадьбе. Подобное возрастное деление в досвадебном возрасте есть у родственных мордве карелов [2].

К парню, намеревавшемуся жениться, у мордвы, как правило, предъявлялись определенные требования. По некоторым источникам, ему надо было уметь делать борти [3]. Похожие испытания были и у других финно-угорских народов. Так, у карелов Приладожья молодой человек должен был построить клеть или амбар, что становилось серьезным экзаменом как физической зрелости, так и плотницких навыков. А у суоярвских и сегозерских карел парни дарили девушкам прялки собственного изготовления [4], что означало владение навыками столярного дела.

Своеобразным критерием готовности парней к женитьбе служила половая зрелость, показателем которой была физическая сила. В мордовском фольклоре сохранился ряд выражений, указывающих на дееспособный возраст: «Дугакс серяц – паро рвяямс» («Дугою жёлудь – пора жениться»), «Есть сила держать соху – может удержать и бабу» и другие выражения.

Физическая и половая зрелость девушки определялись наличием менструального цикла в течение не менее трех лет, а также оформленной груди [5]. Однако в древности, по утверждению некоторых этнографов, сроки вступления в брак не устанавливались и мордва женила своих сыновей очень рано, о чем сообщает академик П.С. Паллас, побывавший с научной целью в регионах проживания мордвы: «Взрослую девушку соединяют узми брака с мальчиком 6–10 лет» [6]. Указы Правительствующего Сената 1750 г., адресованные духовенству Пензенской епархии, обращают внимание на то, что «...мордва-новокрещенные малолетних своих сыновей 8–10 лет и до 12 лет женят и берут за них девушек 20-ти лет и более...» [7]. Такие случаи были зафиксированы в ряде приходов. В 1761 г. священник села Синдрово Краснослободского уезда венчал «новокрещенских детей несовершеннолетних... а именно: Исаяя Борисова – девяти, Карпа Романова да по мордовски Тремаса Алексеева одиннадцатилетних» [8]. По всей видимости, это (в форме пережитка средневековья) было распространенным явлением и в XVIII в., что отмечается в некоторых источниках [9]. Информация о подобных браках имеется и других исследователей: «Брак считается удачным и счастливым, когда 13-летнего женят на 25-тилетней. Здоровая жена работает в поле, устраивает дом и поддерживает хозяйство» [10]. Разновозрастные брачные пары отмечены в материалах IX ревизии 1750 г. у мордвы-мокши Краснослободского уезда Пензенской губернии [11]. Об этом же пишет И. Г. Георги в своем «Описании всех обитающих в Российском госу-

дарстве народов...»: «Случается, что родители и малолетних еще детей своих помолвляли...» [12]. Следует отметить, что обычай женить малолетних сыновей на взрослых девушках как типологически близкое явление отмечен и у других народов [13]: марийцев, удмуртов, чувашей, коми-пермяков [14].

Известно предположение, что целью названных браков было стремление получить экономическую выгоду: богатый отец старался поскорей женить своего сына, чтобы взять в дом новые рабочие руки. Такие случаи отражены у карелов [15]. Сходный старинный воспроизведен в приладожско-карельской песне о том, как маленького Лаврушу в пеленках женили на такой толстой и великовозрастной невесте, которую даже лошадь не могла везти [16]. Не менее важной причиной женитьбы детей могла быть высокая смертность среди мальчиков. Ранняя женитьба вносила коррективы в неблагоприятную ситуацию: мальчик получал жену-няньку, что обеспечивало ему повседневный уход и сносные условия проживания. Учитывая значительные расходы на свадьбу, можно предположить, что такие покупные браки позволяли себе лишь состоятельные крестьяне.

В фольклорных произведениях мордвы есть примеры, подтверждающие нашу точку зрения. Так, в песне «Одирвань полась вишин» («У невесты муж – малолетка») рассказывается о том, как девушка нянчит в колыбели маленького мужа, который тянется к ее груди: «Люкштядень лавсьсэ рунгозо, ава ёжосо кургозо» («В подвешенной зыбке лежит, к груди матери тянется губами») [17].

Кроме того, у мордвы, соседних чуваш и башкир еще во второй половине XVIII в. отмечается обычай совершения родителями помолвки детей в раннем возрасте. Он происходил так: детей подводили друг к другу, они затевали потасовку, щипали, кусали друг другу уши и др. Считалось, что после этого мальчик и девочка породнились. Схожие церемонии наблюдались у бурят, киргизов [18].

Несколько по иному происходила помолвка детей у мордвы. И.И. Лепехин сообщает следующее: «Во время народного сонмища (сборища людей, праздника. – В.Р.) они (родители. – В.Р.) меняются друг с другом рогами с табаком, говорят: «смотрите добрые люди, что мы между собой сватовья...». Если договор расторгается, то сторона, не выдержавшая договор, платит неустойку от 6 до 12 рублей» [19]. О том же пишет известный популяризатор мордовской культуры К. Милькович, побывавший в кон. XVIII – нач. XIX в. в местах проживания мордвы в Тамбовской и Симбирской губерниях [20]. Похожие случаи, но уже выдачи замуж несовершеннолетних девушек, встречались в татарской среде. В 1766 г. зафиксирован случай женитьбы на несовершеннолетней Абдуллы Масаева из деревни Кривошеева Темниковского уезда [21]. Близкий к мордовскому обычай сватать дочерей за четыре года до их совершеннолетия для гарантии выхода замуж был принят и в сопредельной с Мордовией Рязанщине [22]. Идентичные примеры можно найти у целого ряда народов. Довольно распространены они были на Кавказе, в частности у азербайджанцев [23]. Спонтанные помолвки не обязательно завершались бракосочетанием: по истечении времени, как правило, парень или девушка могли выбрать себе другую пару.

В мордовском фольклоре есть произведения о разновозрастных браках, причем среди песен о свадьбах малолетних мальчиков встречаются и трагические,

в которых молодая жена решается на убийство: «Кудадеень пакся» («Кудадеево поле»), «Дова-баба – солдатка» («Вдова – солдатка»).

Разновозрастные браки не были широко распространены и осуждались, так как согласно народному мировоззрению считалось, что в судьбе людей никто не властен: ни родители, ни мир. А мордва всегда стремилась жить в согласии с утвердившимися нормами. Да и сама языческая философия рассматривала свадьбу как прерогативу земных и небесных покровителей и покровительниц, хранителей рода. Для взрослых членов семейства сдерживающими моментами были боязнь разгневать богов и предков, а также желание не осквернить традицию [24].

В отличие от многих исследователей, В. Н. Майнов отвергает приведенные выше предположения о браках малолетних мальчиков с взрослыми девицами: «...не бывает ничего такого, что давало бы возможность существования подобного обычая в древности» [25].

Накопившиеся проблемы относительно возраста вступающих в брак требовали своего решения. В связи с государственной регламентацией возрастного ценза для вступления в брак постепенно происходит оптимизация этого критерия. Сенатский указ (1775 г.) гласил о том, что юношам можно жениться по достижении 15 лет, а девушкам выходить замуж с 13 лет [26]. В таком же возрасте у русских разрешали играть свадьбу, венчать молодых [27]. Практикуемые ранее попами нарушения возрастных установок постепенно уходят в прошлое, поскольку согласно Указу брак несовершеннолетнего расторгался, а священник терял свой сан и приход. В XIX в. возрастной ценз вырос: парней разрешалось венчать с 18 лет, а девушек – с 16.

На рубеже XIX–XX вв. брачный возраст стабилизируется. По данным 1891–1900 гг., в целом в Европейской России 37,7 % женихов и 57,0 % невест оформили свой брак в возрасте 20 лет и моложе. В следующем десятилетии их соотношение было уже 57,8 и 34,3 % [28].

Данные по уездам Мордовии за 1910 г. показывают, что 60,9 % мордовских женихов и 75,2 % невест были в возрасте 20 лет и моложе; 22,4 и 16,9 % – 21–24 лет; 8,4 и 4,4 % – 25–30 лет; 2,9 и 1,7 % – 31–35 лет и лишь 1,9 и 1,1 % – 30–40 лет [29]. Подобная картина прослеживается и по записям метрических книг трех церковных приходов, расположенных в мордовских селах, за 1911–1917 гг. В 194 вновь образованных семьях 17–18-летних парней было 32,5 %, девушек – 24,5 %; 19–20 лет – соответственно 28,7 и 31,9 %, 21–22 лет – 10,3 и 22,4 % [30]. Далее с увеличением возраста удельный вес мужчин и женщин, играющих свадьбы, сокращается.

Вместе с тем известны и другие факты, когда родители, следуя крестьянской мудрости «Паро товзюро шкань ютазь питнейгады, вадря тейтерь иензэ топодезь мазыйгады» («Хорошая пшеница со временем дорожает, добрая девица хорошеет»), удерживали своих дочерей в семье до 25–30 лет [31]. Вероятно, это объясняется их стремлением удержать молодые рабочие руки в семье. Высказываются предположения, что причиной позднего замужества могла быть забота родителей об укреплении их здоровья, физиологическом созревании. Так, один из ранних исследователей мордвы М. Попов сообщает, что «...у мокши девок не отдают прежде 16-ти лет и в этой поре выходят одни бедные. Богатых же томят до 25–30 лет для того, – говорит мордва, – чтобы копили разуму» [32]. На это указывают и другие источники.

«Одна из особенностей, имеющая антропологическое и биологическое значение, – пишет Н. М. Малиев, – позднее замужество девушек, вступающих в брак с лет 25-ти, даже под 30, чтобы организм окреп и достиг полной зрелости» [33].

На регламентацию брачного возраста влияли также время, процессы демократизации в обществе и в семье, раскрепощение женщины, освобождение ее от традиционных патриархальных уз, расширение ее прав. Постепенно брачный возраст стабилизируется и принимает современные возрастные рамки, узаконенные в юридических актах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Николаев, С.Д. Система родства у мордвы / С. Д. Николаев // Мордва: историко-культурные очерки. – Саранск, 1995. – С. 227.
2. Сурхаско, Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.) / Ю.Ю. Сурхаско. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – С. 43.
3. Митропольский, К. Мордва: Мировоззрения их, нравы и обычаи / К. Митропольский // Мирское слово. – 1877. – № 3.
4. Сурхаско, Ю.Ю. Указ. соч. С. 43.
5. Беляева, Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы / Н.Ф. Беляева. – Саранск: МГПИ, 2000. – С. 19.
6. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П. С. Паллас. – СПб: Тип. при Императ. АН, 1809. – Ч. 1. – С. 112.
7. Евсевьев, М.Е. Мордовская свадьба / М.Е. Евсевьев. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. – С. 360.
8. Евсевьев, М.Е. Мордовская свадьба // Избр. тр.: в 5 т. – Саранск, Мордов. кн. изд-во, 1966. – Т. 5. – С. 322.
9. Смирнов, И.Н. Мордва: историко-этнографический очерк / И.Н. Смирнов. – Казань, 1895. – С. 153–155.
10. Попов, М. Селиксенская мордва-мокша / М. Попов // Санкт-Петербургские ведомости. – 1834. – № 34.
11. Николаев, С.Д. Мордовская семья в середине XIX в. / С.Д. Николаев // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 1990. – С. 135.
12. Георги, И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обычаев, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Георги. – СПб.: Тип. при Императ. АН, 1799. – Ч. 1. – С. 45.
13. Народы Европейской части СССР: в 2 т. – М.: Наука, 1964. – С. 464, 501, 537.
14. Там же. С. 537, 621.
15. Сурхаско Ю.Ю. Указ. соч. С. 44.
16. Евсеев, В.Я. Связи фольклора мордвы и других финно-угорских народов в свете их истории / В.Я. Евсеев // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965. – С. 276.
17. Евсевьев, М.Е. Народные песни мордвы / М.Е. Евсевьев // Избр. тр.: в 5 т. – Саранск, 1963. – Т. 2. – С. 18.
18. Султангареева, Р.А. Башкирский свадебно-обрядовый фольклор / Р.А. Султангареева / УНЦ РАН. – Уфа: Уфим. Полиграфкомбинат, 1994. – С. 36.
19. Лепехин, И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году / И. Лепехин. – СПб.: Тип. при Императ. АН, 1771. – С. 172.

20. Милькович, К. Топографическое описание Симбирского наместничества / К. Милькович // Симбирские губернские ведомости. – 1851. – № 32.
21. Заварюхин, Н.В. Очерки по истории мордовского края периода феодализма / Н.В. Заварюхин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993. – С. 265.
22. Самоделова, Е.А. Рязанская свадьба: исследование обрядового фольклора / Е.А. Самоделова. – Рязань: Статуправление, 1993. – С. 28.
23. Полевые материалы автора. Записано от Замира Джаффарова 1955 г. рожд. в г. Саранске в 2000 г.
24. Майнов, В.Н. Очерк юридического быта мордвы / В.Н. Майнов. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1885. (Зап. РГО: т. XIV, вып. 1.). – С. 34–35.
25. Там же. С. 28.
26. Заварюхин, Н.В. Указ. соч. 265.
27. Русские / под ред. В.А. Александрова и др. – М.: Наука, 1999. – С. 436.
28. Вишневский, А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости / А.Г. Вишневский // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. – М., 1977. – С. 114–115.
29. Мордва: историко-культурные очерки / под ред. В.А. Балашова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – С. 213.
30. Балашов, В.А. Структура семьи и ее уклад / В.А. Балашов // Мордва: историко-культурные очерки. – Саранск, 1995. – С. 213.
31. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. – Т. 4, кн. 1. Пословицы и поговорки. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. – С. 77.
32. Попов, М. Указ. соч. № 34.
33. Малиев, Н.М. Общие сведения о мордве Самарской губернии, их антропологический характер: поздние браки и влияние их на крепость сложения народа. Национальные особенности черепа. [Отдельн. оттиск] / Н.М. Малиев // Протоколы заседаний о-ва Естествоиспытателей при Казан. ун-те. – Казань, 1878. – Т. 9. 1877–1878 гг. – С. 7.

Поступила в редакцию 22.04.2010

V.I. Rogachev

About some ethnographic peculiarities of a Mordovian wedding: marriage age

Sociocultural standards in respect of youth marriage age accepted in Finno-Ugric society are considered: preparation to the family life, socialization and labour nurturing, customs and rites of initiation, criteria of physical and sexual maturity, requirements to those who contracting a marriage, age of bridal couple. Comparative material from the ethnography of the Tartars and the Bashkirs is given.

Key words: Finno-Ugric environment, family and ritual culture, marriage age, wedding ritual, terminology of relationship, marriage of young people, patriarchal bonds, marriage of people of different age, time of weddings holding.

Рогачев Владимир Ильич,

доктор филол. наук, профессор,

ГОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева»

г. Саранск

E-mail: rogachov@mail.ru

УДК 82-95(470.51)

В.Н. Денисов

**К 105-ЛЕТИЮ УДМУРТСКОГО КЛАССИКА
М.П. ПЕТРОВА**

Статья посвящена анализу работы фольклорной экспедиции в составе Я.А. Эшпая, известного марийского композитора, и удмуртского поэта и писателя М.П. Петрова в Удмуртии в марте 1937 г. Экспедиция работала по заданию Фольклорного кабинета Института антропологии и этнографии Академии наук СССР в рамках подготовки сборника «800 песен народов СССР». В результате этой работы с помощью фонографа на восковые валики было записано 152 песни в 14 районах Удмуртской Республики и в 4 сопредельных районах компактного проживания удмуртов.

Ключевые слова: Удмуртия, фольклорная экспедиция, фонограммархив, фонограф, восковые валики, обрядовые песни.

Среди многочисленных фольклорно-этнографических экспедиций, проводившихся на территории Удмуртии в 30-е гг. XX в., экспедиция с участием удмуртского писателя и поэта М.П. Петрова занимает особое место. Это связано не только с тем, что он участвовал в ней как уже достаточно известный деятель национальной литературы, но также и по другим причинам.

В середине 1930-х гг. в Ленинграде в Фольклорном кабинете Института антропологии, археологии и этнографии (*сокращенно ИАЭ*) АН СССР, в составе которого находился тогда Фонограммархив, шла активная собирательская работа по теме «Песенный фольклор народов СССР». Предполагалось подготовить и издать многотомный труд «Песни народов СССР» (в рабочем варианте этот сборник имел название – «800 песен народов СССР»). В связи с этим по всей стране работали свыше 20 песенных экспедиций. Руководил всей работой заведующий Фольклорным Кабинетом, известный музыковед Е.В. Гиппиус, главный редактор всей музыкально-фольклорной серии. Совместно со своей коллегой З.В. Эвальд они подготовили к печати первые шесть томов: песни белорусские, удмуртские, марийские, чувашские, карельские и коми. Но в свет вышел лишь один том – белорусский – в 1941 г. [1]. Выпуск остальных томов был прерван войной и рядом других обстоятельств. Впоследствии удмуртский сборник, вос-

становленный по архивным материалам М.Г. Хрущевой и Р.А. Чураковой, все же был издан в Ижевске спустя много лет – в 1989 г. [2].

Рукописные материалы, связанные с подготовкой этого сборника, а также фонографические валики с записями экспедиций хранятся сейчас в Фонограммархиве Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). По заданию Фольклорного кабинета на территории Удмуртии работали две экспедиции: в марте и июне 1937 г. Первую экспедицию возглавил Яков Андреевич Эшпай – заслуженный деятель искусств Марийской АССР, кандидат искусствоведения, исследователь марийских народных песен. В то время он являлся научным сотрудником МарНИИ и по заданию Фольклорного кабинета ИАЭ АН СССР участвовал в этих экспедициях как профессиональный музыкант и фольклорист. Ему помогал Михаил Петрович Петров, удмуртский прозаик, поэт, драматург, член СП СССР. Отличный организатор, прекрасный знаток удмуртского языка и песенных фольклорных традиций, он также принимал деятельное участие в описании и расшифровке собранного материала. Помимо сотрудников Фонограммархива Фольклорного кабинета и самих собирателей, в расшифровке и редактировании текстов песен были задействованы научный сотрудник Института языка и мышления В.И. Алатырев и сотрудник УдНИИ А.Н. Клабуков.

Вторая экспедиция, в составе которой был научный сотрудник УдНИИ В.А. Пчельников, работала в июне 1937 г. на территории Увинского и Селтинского районов Удмуртской АССР.

Местные газеты того времени время от времени информировали читателей о ходе работы первой экспедиции. Например, газета «Удмурт Коммуна», издававшаяся на удмуртском языке, поместила краткую информацию о начале работы экспедиции ИАЭ в Удмуртии [3]. Газета «Удмуртская правда» 22 марта 1937 г. по тому же поводу сообщила: «По командировке Института антропологии и этнографии АН СССР в Удмуртию прибыл для записи удмуртских народных песен виднейший марийский композитор Я.А. Эшпай. Записанные им песни будут включены в подготавливаемый к 20-летию Октября сборник «800 песен народов СССР». Литературные тексты песен записывает удмуртский поэт Михаил Петров. В Увинском районе Я.А. Эшпай и Михаил Петров записали 40 песен. Вчера они выехали в Алнашский район, где пробудут до 2 апреля» [4]. В следующей заметке «Удмуртская правда» упоминает о том, что всего участниками фольклорной экспедиции записано 143 песни, а также сообщает, что 29 марта Я.А. Эшпай выехал в Москву [5]. Эта же газета 3 апреля 1937 г. дает информацию «Удмуртские песни в сборнике Академии наук» – о том, что экспедицией записано на фонографе 153 удмуртские народные песни. Из них 21 песня отобрана в сборник «800 песен народов СССР», подготавливаемый Академией наук для выпуска к 20-летию Октября. Среди этих песен упоминаются «Та 45 аресме», «Кыткы, дядяй, пар вал'ёстэ», «Вало но возь вылын», «Узы но боры». Сообщается также, что поэт М. Петров на днях выезжает в Ленинград по вызову института для окончательной отделки подстрочников текста песен и сдачи их в редакцию сборника [6].

В архиве Пушкинского Дома хранится папка № 29 с материалами экспедиции Я.А. Эшпая и М.П. Петрова, а также черновиками сборника «800 песен народов СССР» [7]. Рукописные сопроводительные материалы этой экспедиции

заполнены, в основном, рукой М. Петрова. Когда-то во время службы в армии он был писарем и обладал каллиграфическим почерком, поэтому все материалы читаются легко и понятно (см. Приложение 1).

По традиции, принятой в Фонограммархиве, все записанные восковые валики имели напечатанные типографским способом двухсторонние вложения – вкладыши, которые заполнялись после каждой записи. На одной стороне указывались: а) номер записи; б) место записи; в) дата записи; г) тип фонографа и скорость записи. На другой стороне отмечались названия песен или наигрышей, инструмент(ы), фамилии и инициалы исполнителей, их возраст, а иногда профессия или место работы (см. Приложение 2).

Кроме заполнения этих вкладышей, М.П. Петров детально фиксировал сам процесс записи с указанием номера валика, единой нумерацией записанных песен, названием песни (иногда давал перевод названия и краткое содержание на русском языке) или жанра, фамилией, именем и отчеством исполнителя, возрастом, национальностью, профессией и адресом проживания (место рождения). Все эти материалы позволили нам составить подробный список собранных песен, который прилагается в конце статьи.

Коллекция восковых валиков, записанная экспедицией Эшпая-Петрова с 17 по 29 марта 1937 г., состоит из **35** восковых валиков /номер коллекции в Фонограммархиве – **138**, номера-шифры в единой нумерации – с 4310 по 4344/ и включают в себя 153 песни разных жанров. Судя по описи, запись информантов велась на территории современной Удмуртии, Татарстана и Кировской области. По этим описям можно определить маршрут экспедиции, которая с перерывами длилась в общей сложности 12 дней, но география записей весьма обширная. Зная расстояния между населенными пунктами, можно с уверенностью сказать, что за такой короткий промежуток времени (иногда – в течение одного-двух дней) невозможно добраться, например, из центральных или северных районов Удмуртии в Бондюжский (ныне – Менделеевский) район Татарстана или Вятско-Полянский район (ныне – Кизнерский р-н Удмуртской Республики) Кировской области. Кроме того, это был конец марта, начиналось таяние снега, и дороги становились малопроезжими. Учитывая данные обстоятельства, можно предположить, что запись велась в одном месте, а именно: в Ижевске или в другом крупном центре республики. Как раз в это время в столице Удмуртской Республики проводилась декада удмуртского искусства, о чем свидетельствуют газетные материалы тех лет: 5 марта 1937 г. началась декада удмуртского искусства. На нее прибыло более 400 участников: танцевальные, песенные коллективы и народные музыканты со всей республики и некоторых сопредельных районов, где компактно проживают удмурты. В декаде участвовали народные хоры из Мало-Пургинского, Дебесского, Шарканского, Алнашского районов, группа скрипачей из Ижевского района, скрипачи и танцоры из Кеза, хореографическая группа бесермян из колхоза «Васильево» Глазовского района и многие другие самодеятельные коллективы. Участники этого грандиозного события были самых разных возрастов. Например, 73-летний Урасинов из Базезинского района исполнил удмуртские мелодии на старинном музыкальном инструменте «быз», с которым не расстанется уже 53 года. Хор из Увинского района под руководством Е.И. Бобровой, в

составе которого было 25 человек (в основном, колхозники из с. Удмурт-Тукля), исполнил старинные удмуртские песни и инсценировку собственного сочинения «Пёртмаськон» – старинный удмуртский обряд в честь урожая [8].

Все выступления оценивались специальным жюри, в составе которого был и известный композитор Д.С. Васильев-Буглай, долгое время работавший в Удмуртии. В своей статье, опубликованной 11 марта 1937 г. в газете «Удмуртская правда», он отмечал высокий уровень исполнительского мастерства самодеятельных артистов, выступавших в декаде удмуртского искусства. В частности, он писал: «Ансамбль стариков Бalezинского района под аккомпанемент старинного инструмента “быз” показал старую песню-пляску. “Быз” – это инструмент, родственник старинному инструменту Шотландии – “волынке”. В этом выступлении был кусочек старой-престарой деревни, и мне вспомнился не один прожитый день. Искусство бalezинцев необходимо изучить и передать молодежи.

Еще раз нужно отметить выступление государственного ансамбля гусяров. Ансамбль молодой, ему в будущем предстоит большая почетная работа. Но то, что он показал сейчас, уже ценно и интересно. Ведь все мы любим гусли, распространенный национальный инструмент Удмуртии. Его всячески надо культивировать и совершенствовать» [9].

В архиве Пушкинского Дома сохранилась также переписка участников фольклорной экспедиции с Е.В. Гиппиусом и членами редколлегии сборника «800 песен народов России», связанная с процессом собирания фольклорного материала и его отбора для сборника песен. Там, в частности, находятся 6 писем М. Петрова, в которых он рассказывает о ходе работы над собранными материалами и, в частности, о том, что не все сотрудники УдНИИ были согласны с предварительной подборкой песен и пытались критиковать М. Петрова как представителя южных удмуртов за то, что он отбирает для сборника преимущественно южные песни. Однако приведенный ниже список собранных песен этого не подтверждает. Сам же М.П. Петров (в одном из писем) так разъясняет свою позицию: «...Мои же мысли при отборе песен были сосредоточены на одном: отобрать по содержанию и мелодии такие песни (независимо, южные они или северные), чтобы показать подлинное творческое лицо удмуртского народа, во-первых, и чтобы Удмуртия не краснела за эти песни, во-вторых. Это значит отобрать не только гнетущие, заунывные песни, но песни, показывающие неиссякаемую бодрость и веру удмуртского народа, что, несмотря на невыносимый гнет в прошлом, удмуртский народ не только плакал, но этот народ во что-то будущее верил. ...Сборник имеет не только общесоюзное, но и международное значение» [10].

Однако, как показывают архивные материалы, анализ фонографических записей, привезенных первой экспедицией, совместное обсуждение их содержания с работниками УдНИИ и сотрудниками Фольклорного кабинета ИАЭ выявили необходимость дополнительной собирательской работы, реализованной летом того же 1937 г. В.А. Пчельниковым. В результате второй собирательской поездки «...средние областные стили удмуртской народной песни были представлены более широко; однако, наиболее северные областные стили (особенно существенные для исторического изучения удмуртского песенного фольклора) не удалось охватить в необходимой мере» [11].

В дальнейшем в ходе работы над содержанием сборника «800 песен народов СССР» лишь небольшая часть материалов экспедиции Я.А. Эшпая и М.П. Петрова вошла в черновой рабочий вариант этого коллективного труда. Тем не менее, фольклорные материалы, собранные ими, по праву вошли в золотой фонд песенного наследия удмуртского народа. Это еще раз говорит о том, что личный вклад в работу экспедиции, внесенный удмуртским писателем, поэтом, прозаиком и драматургом Михаилом Петровичем Петровым, был огромен, и в этом деле он проявил себя как человек многогранного таланта и широкой эрудиции, полностью посвятивший себя своему народу.

**Список песенного материала,
записанного экспедицией Я.А. Эшпая и М.П. Петрова
в марте 1937 г. на территории Удмуртии***

№ валика в Ф-архиве ИРЛИ, дата записи	№ песни в коллекции, название песни, перевод на русский язык, жанр	Исполнитель, возраст (год рождения), адрес (место жительства или место записи)
1 // 4310 17 марта 1937 г.	1: « Понарь » («Фонарь»); свадебная (проводы невесты). 2: « Султы, туганэ » («Вставай, мой друг»). 3: « Ой, бусы но шор'ёсын » («Ой, среди поля»); рекрутская.	<u>Алатырев Василий Иванович</u> ; дер. Урустамак, Бавлинский р-н Тат. Республики. <u>Петров Михаил Петрович</u> ; 1905 г. Служащий, дер. Монашево, Бондюжский р-н Тат. Республики. <u>Петров Михаил Петрович</u> ; 1905 г. Служащий, дер. Монашево, Бондюжский р-н Тат. Республики.
1 // 4311 18 марта 1937 г.	4: « Писпу пӧлын писпу » («Среди деревьев много деревьев»); сиротская песня. 5: « Лымы тӧды » («Белый снег»; «Снег бел»); лирическая песня.	<u>Хор с. Удмурт-Тукля Увинского района в составе:</u> <u>Боброва Евдокия Ивановна</u> , 55 лет, учительница, с. Ува; <u>Долбежев Павел Анисимович</u> , 60 лет, колхозник, с. Удмурт-Тукля; <u>Чиркова Евдокия Петровна</u> , 26 лет, колхозница; <u>Долбежева Александра Павловна</u> , 16 лет, колхозница; <u>Антонова Елизавета Павловна</u> , 30 лет, учительница; <u>Березкина Анна Спиридоновна</u> , 16 лет, колхозница; <u>Дедюхина Клавдия Алексеевна</u> , 36 лет, рабочая. <u>Хор с. Удмурт-Тукля Увинского района в том же составе.</u>

* В удмуртских названиях песен сохраняется орфография архивных записей.

Продолж.

	6: «Проводы невесты: Кылёд ук, кылёд ук» («Останешься, останешься»); свадебная.	Хор с. Удмурт-Тукля Увинского района в том же составе.
3 // 4312 18 марта 1937 г.	7: «Привод невесты»; свадебная, импровизированная песня без слов. 8: «Великтэм гур» – пасхальная песня без слов. 9: «Убоен-убоен» («Грядями, грядями»); рекрутская. 10: «Та коркалэн шулдырез» («Лишь тогда в избе весело», «Эта избы весела»); лирическая песня.	Хор с. Удмурт-Тукля Увинского района в том же составе. Долбежев Павел Анисимович, 60 лет, колхозник, с. Удмурт-Тукля Увинского р-на Удмуртской Республики. Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе. Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.
4 // 4313 18 марта 1937 г.	11: «Сирота кырзан»; сиротская 12: «Мынэсьтым но туганме» («Моего любимого»); лирическая. 13: «Отй лыктэ съёд пилем» («Там идет туча черная»); лирическая.	Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе. Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе. Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.
5 // 4314 18 марта 1937 г.	14: «Тямыс арес мон луи но» («Когда исполнилось 8 лет»); рекрутская. 15: «Куно гур: Шоче, шоче жоб куазьёсын» («В такую непогодушку»); гостевая. 16: «Тон но учы пи» («И ты соловушек»); сиротская.	Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе. Боброва Евдокия Ивановна, 55 лет, с. Ува Увинского р-на. Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.
6 // 4315 18 марта 1937 г.	17: «Пёртмаськон: Ву дуре потэм» («На берегу выросла»; обрядовая (урожайная) (Обряд урожая). 18: «Пёртмаськон»; обрядовая (Обряд урожая). 19: «Пёртмаськон: Юрт'еро пислегед» («С гнездышком синичка»); обрядовая. 20: «Пёртмаськон»; обрядовая.	Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе. Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе. Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе. Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.

	21: « Улй-улй » («Жил да был») («Жил, жил»); плясовая-лирическая.	<i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i>
7 // 4316 18 марта 1937 г.	22: « Куке но мон вал дыр » («Когда то я был»); тюремная. 23: « Пор'ялоз, пор'ялоз » («Вот закружит»); 24: « Минутэн – кыкен » («Минутой – двумя»); 25: « Вож-вож жужалоз » («Зеленым-зелено зацветет»).	<i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <i>Хор деревни Ува-Тукля в составе:</i> <u>Пашкина Екатерина Егоровна</u> , 40 лет, колхозница, д. Ува-Тукля Увинского р-на; <u>Пашкина Ольга Васильевна</u> , 16 лет, колхозница, д. Ува-Тукля; <u>Киясова Мария Ивановна</u> , 17 лет, колхозница, д. Ува-Тукля; <u>Майорова Мария Матвеевна</u> , 19 лет, колхозница, д. Ува-Тукля; <u>Петрова Екатерина Устиновна</u> , 30 лет, колхозница; д. Ува-Тукля; <u>Петрова Акулина Васильевна</u> , 37 лет, колхозница, д. Ува-Тукля; <u>Чиркова Аграфена Андреевна</u> , 33 года, колхозница, д. Ува-Тукля; <u>Чирков Павел Иванович</u> , 34 года, колхозник, д. Ува-Тукля. <i>Хор деревни Ува-Тукля в том же составе.</i>
8 // 4317 18 марта 1937 г.	26: « Пужым выжие лёгыса » (На корень сосны наступил»); лирическая. 27: « Пёртмаськон: Ой, Микита , Микита»; обрядовая. 28: « Сюан гур: Уг бызь, уг бызь, шукод вал » («Не выйду замуж говорила»); свадебная. 29: « Сюан гур: Милям но апаймы »; («Наша сестра»); свадебная.	<i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i>
9 // 4318 18 марта 1937 г.	30: « Горд Арми » («Красная Армия»); красноармейская. 31: « Та турынэз турнаны » («Это сено косить»); колхозная-трудова. 32: « Ураме но мон потй но » («Выехал я на улицу»); ямщицкая.	<i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i>

Продолж.

	33: « Монэ куштйд, муртэ кутйд » («Меня бросил, другую полюбил»); лирическая.	<u>Пашкина Екатерина Егоровна</u> , 40 лет, колхозница, д. Ува-Тукля Увинского р-на; <u>Петрова Екатерина Устиновна</u> , 30 лет, колхозница, д. Ува-Тукля
10 // 4319 18 марта 1937 г.	34: « Сьод перчатка » («Черная перчатка»); завещание девушки. 35: « Корка но жутй » («Избу строил»); шуточная, хороводная. 36: « Кылёз дыр » («Останется, наверное»); рекрутская. 37: « Котыртй » («Обошел»); песня беглого.	<i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i>
11 // 4320	38: « Малы вордйд мемие » («Зачем родила меня мать»); рекрутская. 39: « Узы меда, боры меда » («Земляника ли, клубника ли»); сиротская. 40: « Эн куректэ » («Не горюйте»); свадебная. 41: « Самовардэ пунктэ али » («Поставь-ка самовар»); шуточная. 42: « Уроме, уроме » («Уром, уром»); шуточная.	<i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <u>Пашкина Ольга Васильевна</u> , 16 лет, колхозница, д. Ува-Тукля; <u>Киясова Мария Ивановна</u> , 17 лет, колхозница, д. Ува-Тукля; <u>Боброва Евдокия Ивановна</u> , 55 лет, с Ува Увинского р-на. <i>Хор с. Удмурт-Тукля в том же составе.</i> <u>Боброва Евдокия Ивановна</u> , 55 лет, с Ува Увинского р-на.
12 // 4321 23 марта 1937 г.	43: « Дунне вылысь пролетар » («Пролетарии мира»); советская. 44: « Ой, тй доры уд пыры, кытчы пырод » («Ой, к кому же зайти, как не к вам»); гостевая. 45: « Султы, туганэ » («Встань, мой друг»); гостевая (вариант песни № 3 (валик № 3)).	<i>Хор с. Водзимонья Вавожского р-на Удмуртской Республики в составе:</i> <u>Скобелева Анна Дмитриевна</u> , 18 лет, с. Водзимонья; <u>Красильникова Наталья Яковлевна</u> , 17 лет, с. Водзимонья; <u>Федотова Анастасия Герасимовна</u> , 19 лет, с. Водзимонья; <u>Зорина Евдокия Алексеевна</u> , 17 лет, д. Зямбай. <i>Хор с. Водзимонья Вавожского р-на в том же составе.</i> <i>Хор с. Водзимонья Вавожского р-на в том же составе.</i>

	46: « Арама кузя » («Вдоль роши»); батрацкая.	<u>Петрова Зинаида Петровна</u> , 8 лет, д. Старая Игра Граховского р-на Удмуртской Республики; <u>Соловьева Анна Филипповна</u> , 18 лет, д. Новые Алнаши Алнашского р-на.
13 // 4322 23 марта 1937 г.	47: « Сюан гур: Анаймы макс сясыка » («Наша сестра маков цвет»); свадебная. 48: « Чор'ялоз атасэд » («Запоет петух»); игровая. 49: « Сопал шур съöрын » («Там за реченькой»); лирическая.	<i>Хор с. Водзимонья Вавожского р-на в том же составе.</i> <i>Хор с. Водзимонья Вавожского р-на в том же составе.</i> <i>Хор с. Водзимонья Вавожского р-на в том же составе.</i>
14 // 4323 23 марта 1937 г.	50: « Чип чип кароз сялаед » («Чип чип закричит рябчик»); охотничья. 51: « Сэрего но сэрего та Пазял... » («Много перекрестков на Пазяльской улице»); рекрутская. 52: « Ой, тй вал-а » («Ой, вы ли были»); гостевая. 53: « Лабырес тыпы кадь мугор вал » («Как крепкий дуб было мое тело»); рекрутская.	<u>Коновалова Екатерина Алексеевна</u> , 32 года, учительница, д. Акашур Можгинского р-на. <i>В том же исполнении (см. № 50).</i> <i>В том же исполнении (см. № 50).</i> <u>Богданова Елена Васильевна</u> , 18 лет, студентка педучилища, д. Кадиково Алнашского р-на.
15 // 4324 23 марта 1937 г.	54: « Оло кырзано, оло öвёл » («То ли петь, то ли нет»); гостевая. 55: « Ойдолэ мыноме шудыны » («Пойдемте играть»); луговая. 56: « Вож бадяр ой кадь ик » («Как стройный клен»); батрацкая. 57: « Чагыр-чагыр дыдыке » («Сизый-сизый голубок»); колыбельная.	<u>Чайников Петр Кузьмич</u> , 23 года, д. Старая Бия Вавожского р-на. <u>Соловьева Татьяна Петровна</u> , 17 лет, д. Чешошур-Уча Можгинского р-на. <u>Соловьева Татьяна Петровна</u> , 17 лет, д. Чешошур-Уча Можгинского р-на. <u>Соловьева Татьяна Петровна</u> , 17 лет, д. Чешошур-Уча Можгинского р-на.
16 // 4325 24 марта 1937 г.	58: « Аслам ик кöлан кеносэ » («Чум, где я спала»); свадебная. 59: « Бусые потыса, малы паймиды » («Выйдя в поле, чему удивились»); лирическая.	<u>Тимофеева Анна Павловна</u> , 17 лет, д. Камышлы Вавожского р-на. <u>Лебедева Мария Никифоровна</u> , 16 лет и <u>Бобкова Екатерина Владимировна</u> , 17 лет, д. Асинер Вятского-Полянского р-на Тат. Республики*.

Продолж.

	60: « Вало но возь вылын » («На лугах Валу»); игровая-хороводная. 61: « Лобзоз » («Полетит»); сиротская. 62: « Чебер но возь вылад » («На красивом лугу»); сиротская.	<i>В том же исполнении (см. № 59).</i> <i>В том же исполнении (см. № 59).</i> <i>В том же исполнении (см. № 59).</i>
17 // 4326 24 марта 1937 г.	63: « Ой, апае » («Ой, сестра»); свадебная. 64: « Чык-чык шуоз чуж учы пи » (Чык-Чык запоеет соловей»); сиротская. 65: « Ой, дауре, дауре » («Ой, ты век, мой век»); скорбь об уходящей молодости.	<u>Ефимова Елизавета Игнатьевна</u> , 47 лет, педагог педучилища, д. Шуньбаш, Кукморский р-н Тат. Республики. <i>В том же исполнении (см. № 63).</i> <i>В том же исполнении (см. № 63).</i>
18 // 4327 24 марта 1937 г.	66: « Льёмпу ваез » («Ветку черемухи»); лирическая. 67: « Ойдолэ потом со корка » («Пойдемте войдем в тот дом»); свадебная. 68: « Туннэ суббота нунал » («Сегодня субботний вечер»); игровая. 69: « Келлян гур » («Проводы невесты»); свадебная.	<i>В том же исполнении (см. № 63).</i> <i>В том же исполнении (см. № 63).</i> <i>В том же исполнении (см. № 63).</i> <i>В том же исполнении (см. № 63).</i>
19 // 4328 23 марта 1937 г.	70: « Вуж картуз » («Старый картуз»); лирические четверостишия. 71: « Гурезь но йылын » («На горе»); лирическая.	<u>Ученицы педучилища:</u> <u>Потапова Наталья Григорьевна</u> , 17 лет, д. Богородское Бемьжского р-на Удмуртской Республики; <u>Зорина Евдокия Алексеевна</u> , 17 лет, д. Зямбай Вавожского р-на; <u>Колесникова Фекла Федоровна</u> , 17 лет, д. Дым-дым Омга Вятско-Полянского р-на Тат. Республики*. <u>Соловьева Татьяна Петровна</u> , 17 лет, д. Чемошур-Бия Можгинского р-на; <u>Ученицы педучилища:</u> <u>Петрова Зинаида Петровна</u> , 18 лет, д. Старая Игра Граховского р-на;

	<p>72: «Укно но дур'ёсад» («На окошечке»); рекрутская.</p> <p>73: «Анае гурзэ эстэм, дыр» («Верно, мать затопила печь»); рекрутская.</p>	<p><u>Красильникова Наталья Яковлевна</u>, 18 лет, с Водзимонья Вавожского р-на. <i>Те же исполнители (см. № 71).</i></p> <p><u>Ученицы педучилища:</u> <u>Соловьева Татьяна Петровна</u>, 17 лет, д. Чешошур-Бия Можгинского р-на; <u>Петрова Зинаида Петровна</u>, 18 лет, д. Старая Игра Граховского р-на.</p>
<p>20 // 4329</p> <p>27 марта 1937 г.</p>	<p>74: «Ой, улмопу сайкытын» («Ой, в тени яблони»); сиротская.</p> <p>75: «Тарарат но ой кароз» («Загакает гусь»); рекрутская.</p> <p>76: «Зарниен но азвесен» («Золотом и серебром»); гостевая.</p> <p>77: «Кильыр-кильыр киялялоз» («Будет с шелестом лететь»); охотничья.</p>	<p><u>Конюхов Никифор Петрович</u>, 32 года, рабочий Ижевского сталелитейного завода, д. Монашево Бондюжского р-на Тат. Республики. <i>Тот же исполнитель (см. № 74).</i></p> <p><u>Фанталов Кузьма Евстафьевич</u>, 60 лет, сторож, д. Сылвай Вавожского р-на. <i>Тот же исполнитель (см. № 76).</i></p>
<p>21 // 4330</p> <p>27 марта 1937 г.</p>	<p>78: «Пеймыт събд тэль шорын» («Среди темного дремучего леса»); рекрутская.</p> <p>79: «Коркам но пырысько» («Войду ли в дом»); бытовая.</p> <p>80: «Ялэ-ка, ялэ-ка» («Нуте-ка, нуте-ка»); плясовая.</p>	<p><u>Березина Мария Павловна</u>, 20 лет, д. Нижний Казес Шарканского р-на и <u>Перевошикова Наталия Александровна</u>, 18 лет, д. Абагурт Балеинского р-на. <i>Те же исполнители (см. № 78).</i></p> <p><u>Студенты ВКСХШ:</u> <u>Березина Мария Павловна</u>, 20 лет, д. Нижний Казес Шарканского р-на и <u>Перевошикова Наталья Александровна</u>, 18 лет, д. Абагурт Балеинского р-на; <u>Трудолюбов Федор Алексеевич</u>, 30 лет, д. Орлово Селтинского р-на; <u>Скобелев Дмитрий Семенович</u>, 39 лет, д. Карсо Селтинского р-на.</p>

	81: « Жыгазе шур дурын » («Под вечер у реки»); сиротская.	<u>Перевощикова Наталья Александровна</u> , 18 лет, д. Абагурт Бalezинского р-на.
22 // 4331 27 марта 1937 г.	82: « Милям вал'ёс » («Наши кони»); трудовая обрядовая. 83: « Жуа меда та сюлмы » («Горит ли мое сердце»); о тяжелой доле. 84: « Кыдёкысь, кыдёкысь » («Издалека, издалека»); рекрутская. 85: « Раненой солдат » («Раненый солдат»); 86: « Чиль-чиль чиялоз » («Ярко заблестит»); 87: « Э, мугоры, мугоры » («Э, тело, мое тело»).	<u>Трудолюбов Федор Алексеевич</u> , 30 лет, д. Орлово Селтинского р-на; <u>Скобелев Дмитрий Семенович</u> , 39 лет, д. Карсо Селтинского р-на. <u>Губкина Дарья Павловна</u> , 18 лет, д. Кизеково Алнашского р-на. <u>Скобелев Дмитрий Семенович</u> , 39 лет, д. Карсо Селтинского р-на; <u>Шкляева Татьяна Яковлевна</u> , 23 года, д. Я-бодья Якшур-Бодьинского р-на. <i>Те же исполнители (см. № 84).</i> <u>Скобелев Дмитрий Семенович</u> , 39 лет, д. Карсо Селтинского р-на. <i>Те же исполнители (см. № 84).</i>
23 // 4332 27 марта 1937 г.	88: « Етйн » («Лён»); колхозная. 89: « Укно улам улмопуэ » («Под окном моим яблоня»); комсомольские частушки. 90: « Эш'ёсы но шунсько вал » («Думал товарищи»); лирические песни. 91: « Ньыльгур'ёс » («Четверостишное»); лирические. 92: « Ойдо мыном » («Давай поедем»); рекрутская.	<u>Васильева Лена Васильевна</u> , 18 лет, колхозница, орденоска и <u>Шутова Ирина</u> , 20 лет, колхозница, стахановка, д. Сибы Можгинского р-на. <i>Те же исполнители (см. № 88).</i> <i>Те же исполнители (см. № 84).</i> <i>Те же исполнители (см. № 84).</i> <u>Фанталов Кузьма Евстафьевич</u> , 60 лет, сторож, д. Сылвай Вавожского р-на.
24 // 4333 28 марта 1937 г.	93: « Шур виялос » («Речка течет»); шуточная. 94: « Мардай, мардай »; гостевая.	<u>Будина Августа Васильевна</u> , 25 лет, студентка пединститута (Иж), с. Лем Дебесского р-на. <i>В том же исполнении (см. № 93).</i>

Продолж.

	<p>95: «Арама кузя» («Вдоль роши»); батрацкая (вариант песни № 46).</p> <p>96: «Учы чирдэ четлык'ёсын» (Соловей поет в клетке); лирическая.</p>	<p><i>В том же исполнении (см. № 93).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 93).</i></p>
<p>25 // 4334</p> <p>28 марта 1937 г.</p>	<p>97: «Ой, машина» («Ой, машина»); песня арестантов.</p> <p>98: «Сюан гур» («Свадебный напев»); проводы невесты.</p> <p>99: «Салдат гур»; рекрутская (без слов).</p> <p>100: «Кызы меда лыктйды» («Как вы приехали»); гостевая.</p>	<p><u>Лопатина Галина Ивановна</u>, 21 год, д. Порозово Шарканского р-на.</p> <p><u>Харин Михаил Федосеевич</u>, 27 лет, рабочий завода и Харин Иван Степанович, 25 лет, красноармеец, д. Солдырь Глазовского р-на.</p> <p><u>Баженов Григорий Максимович</u>, 28 лет, д. Удм. Лем Дебесского р-на.</p> <p><u>Харины</u> (см. № 98) и <u>Баженова Анна Максимовна</u>, 28 лет, д. Солдырь Глазовского р-на.</p>
<p>26 // 4335</p> <p>28 марта 1937 г.</p>	<p>101: «Турнан» («Сенокос»); трудовая сенокосная (песня импровизированная без слов).</p> <p>102: «Ныл келян» («Проводы невесты»); свадебная (без слов).</p> <p>103: «Пумитан» («Встреча»); свадебная (без слов).</p> <p>104: «Ныл келян» («Проводы невесты»); свадебная (без слов).</p> <p>105: «Кыдёкысь тэль съёрысь» («Издалека из-за леса»); гостевая.</p> <p>106: «Йырпыд сётон» («Поминка»); обрядовая – поминки.</p> <p>107: «Сюан гур»; свадебная (без слов).</p>	<p><i>В том же исполнении (см. № 100).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 100).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 100).</i></p> <p><u>Лебедев Василий Андрианович</u>, 34 года, служащий, из д. Гозношур Вятско-Полянского р-на Кировской области**.</p> <p><i>В том же исполнении (см. № 104).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 104).</i></p> <p><u>Баженова Анна Максимовна</u>, 28 лет, служащая, д. Солдырь Глазовского р-на.</p>
<p>27 // 4336</p> <p>28 марта 1937 г.</p>	<p>108: «Куно гур»; гостевая.</p> <p>109: «Тулысэд но вуоз» («И весна придет»); охотничья.</p>	<p><u>Лебедев Василий Андрианович</u>, 34 года, служащий, д. Гозношур Вятско-Полянского р-на Кировской области..</p> <p><i>В том же исполнении (см. № 108).</i></p>

	<p>110: «Куно гур»; проводы гостей (без слов).</p> <p>111: «Улмо чебер вал ке лусал» («Если б был конь в яблоках»); четверостишные песни.</p> <p>112: «Узы бичан но тодмое» («Друг, с которым я землянику брала»); лирическая – расставание.</p> <p>113: «Пар вал кытки» («Пару запряг»); красноармейская (песня времен гражданской войны).</p>	<p><u>Баженова Анна Максимовна</u>, 28 лет, служащая, д. Солдырь Глазовского р-на.</p> <p><u>Колесников Семен Петрович</u>, 30 лет, служащий, с Алнаш Алнашского р-на.</p> <p><u>Баженова Анна Максимовна</u>, 28 лет, служащая, д. Солдырь Глазовского р-на;</p> <p><u>Колесников Семен Петрович</u>, 30 лет, служащий, с Алнаш Алнашского р-на.</p> <p><i>В том же исполнении (см. № 111).</i></p>
28 // 4337 28 марта 1937 г.	<p>114: «Ой, улмоен жынйн (?) ук» («Яблочко с половиной»); молодежное, четверостишное.</p> <p>115: «Ой, асьмеос кадь» («Ой, как мы»); гостевая.</p> <p>116: «Бадяр чурит» («Крепок клен»); лирическая.</p> <p>117: «Каллен кулэ» («Надо тише»); гостевая.</p> <p>118: «Гырыны потон» («Выход на пашню»); трудовая (без слов).</p>	<p><u>Колесников Семен Петрович</u>, 30 лет, служащий, с Алнаш Алнашского р-на.</p> <p><i>В том же исполнении (см. № 114).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 114).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 114).</i></p> <p><u>Хохрякова Вера Васильевна</u>, 23 года, работница пуговичной фабрики, из д. Пустополье Дебесского р-на.</p>
29 // 4338 29 марта 1937 г.	<p>119: «Импровизация без слов»; рекрутская.</p> <p>120: «Ой, улмопу салкымын» («Ой, в тени яблони»); сиротская.</p> <p>121: «Кыче чебер» («Как красиво»); колхозная.</p> <p>122: «Дунне, дунне» («Белый свет»; дума.</p> <p>123: «Кытки, дядяй» («Запрягай, отец»); рекрутская.</p>	<p><i>В том же исполнении (см. № 118).</i></p> <p><u>Виноградова Васса Кирилловна</u>, 27 лет, д. Гондырево Алнашского р-на.</p> <p><i>В том же исполнении (см. № 120).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 120).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 120).</i></p>
30 // 4339 29 марта 1937 г.	<p>124: «Учы чирдон арамаос» («Та роща, где живет соловей»); сиротская.</p>	<p><u>Виноградова Васса Кирилловна</u>, 27 лет, д. Гондырево Алнашского р-на.</p>

Продолж.

	<p>125: «Тй уд лыктэ» («Вы не приедете»); гостевая.</p> <p>126: «Ой, Кузь урама кузя» («Ой, вдоль длинной улицы»); гостевая.</p> <p>127: «Сьöd буям герые» («Соха, крашенная в черный цвет»); трудовая.</p> <p>128: «Тöды медло» («Пусть белее будет»); лирические частушки.</p>	<p><i>В том же исполнении (см. № 120).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 120).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 120).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 120).</i></p>
<p>31 // 4340</p> <p>29 марта 1937 г.</p>	<p>129: «Кузь сюреслы эн пайме» («Длинной дороги не бойтесь»); гостевая.</p> <p>130: «Котырес, котырес возьёсыд» («Круглый, круглый луд»); плясовая.</p> <p>131: «Шундыен толэзен» («Солнце и месяц»); гостевая.</p> <p>132: «Та куатьгон вить аресме» («Эти шестьдесят пять лет»; скорбь об ушедших годах.</p> <p>133: «Учы пи ке луысал» («Если б я был соловушка»); гостевая-молодежная.</p> <p>134: «Сюлэм вылам зйбиськи» («Склонившись на грудь»); батрацкая.</p>	<p><u>Виноградова Васса Кирилловна</u>, 27 лет, д. Гондырево Алнашского р-на.</p> <p><i>В том же исполнении (см. № 129).</i></p> <p><i>В том же исполнении (см. № 129).</i></p> <p><u>Садовников Василий Евдокимович</u>, 23 года, д. Удмурт-Тоймобаш Алнашского р-на.</p> <p><u>Виноградова Васса Кирилловна</u>, 27 лет, д. Гондырево Алнашского р-на.</p> <p><i>В том же исполнении (см. № 133).</i></p>
<p>32 // 4341</p> <p>29 марта 1937 г.</p>	<p>135: «Мако бакча» («Маков огород»); песенная мелодия.</p> <p>136: «Сюан гур»; свадебная мелодия.</p> <p>137: «Эктон гур»; плясовая.</p> <p>138: «Горд Арми» («Красная Армия»); песенная мелодия.</p>	<p><u>Ансамбль гусяров в составе:</u> <u>Чекин Василий Максимович</u>, 51 год, колхозник, д. Сырьезь Алнашского р-на; <u>Романов Василий Романович</u>, 56 лет, 56 лет, колхозник, д. Варали Алнашского р-на; <u>Коровин Ипатий Абрамович</u>, 53 года, колхозник, д. Пуро-Можга, Мало-Пургинского р-на; <u>Липин Василий Григорьевич</u>, 24 года, колхозник, д. Завьялово Ижевского р-на.</p>
<p>33 // 4342</p> <p>29 марта 1937 г.</p>	<p>139: «Ой, машина» («Ой, машина»); мелодия песни.</p> <p>140: «Ойдолэ мыноме шудыны» («Пойдемте играть»).</p>	<p><u>Ансамбль гусяров в том же составе (см. № 135).</u></p>

	141: «Шуточная». 142: «Ялэ-ке, ялэ-ке» («Нуте-ка, Нуте-ка»); плясовая.	
34 // 4343 29 марта 1937 г.	143: «Бӱрысь гур» («Проводы неветы»); свадебная мелодия. 144: «Эктон гур»; плясовая. 145: «Пор эктон гур»; марийская плясовая. 146: «Пор сюан гур»; марийская свадебная. 147: «Эктон гур»; плясовая. 148: «Кырзан гур»; песенная мелодия. 149: «Эктон гур»; плясовая.	<i>Австрийские гусли:</i> <u>Липин Василий Григорьевич</u> , 24 года, колхозник, д. Завьялово Ижевского р-на. <i>В том же исполнении (см. № 143).</i> <i>Гусли обыкновенные:</i> <u>Романов Василий Романович</u> , 56 лет, 56 лет, колхозник, д. Варали Алнашского р-на. <i>В том же исполнении (см. № 145).</i> <u>Коровин Ипатий Абрамович</u> , 53 года, колхозник, д. Пуromo-Можга, Мало-Пургинского р-на. <i>В том же исполнении (см. № 147).</i> <i>В том же исполнении (см. № 147).</i>
34 // 4344 29 марта 1937 г.	150: «Кырзан гур»; песенная мелодия. 151: «Эктон гур»; песенная мелодия. 152: «Та турынез турнаны»; («Эту траву косить»); колхозная-трудовая.	<i>Ансамбль гусяров в составе:</i> <u>Чекин Василий Максимович</u> , 51 год, колхозник, д. Сырьезь Алнашского р-на; <u>Романов Василий Романович</u> , 56 лет, 56 лет, колхозник, д. Варали Алнашского р-на; <u>Коровин Ипатий Абрамович</u> , 53 года, колхозник, д. Пуromo-Можга, Мало-Пургинского р-на; <u>Липин Василий Григорьевич</u> , 24 года, колхозник, д. Завьялово Ижевского р-на. <i>В том же исполнении (см. № 150).</i> <u>Петров Михаил Петрович</u> , 30 (?) лет, д. Монашево Бондюжский р-н Тат. Республики.

* Деревни Асинер и Дым-дым Омга входили в состав Вятско-Полянского р-на Кировской области, а не Татарской Республики. В 1939 г. они вошли в состав вновь образованного Кизнерского р-на Удмуртской АССР.

** Сейчас д. Гозношур также находится в Кизнерском р-не Удмуртской Республики.

Описание к фоновалику № 4310;
коллекция Я.А. Эшпая, М.П. Петрова
(ФАП № 29: заполнено рукой М. П. Петрова).

р. 4310

Валик №1.

Н.Н. песен

1. "Фонарь" (Ашур) Аварская. Пролог квеста.
~~Песня о мыльце и кувшине. Песня говорит~~
~~на поют и вспоминающие.~~
~~Песня, что у него сердце вылазит~~
~~оттуда, но сердце не вылазит никуда.~~

Записана от Алайберева
Василия Ивановича, д. Уре-
тамак, Бавлинский р-н,
Татарской Р-н.

2. "Султы туган" ("Ватавай, мой друг").

Песня "Ватавай, мой друг" поет женщина,
будя утром спящего гостя. В песне говорится
о том, что "уже и соловьи пропели, уже рас-
свечивает, а он (гость) все еще спит". Певца,
будя любимого гостя, предлагает угостить его
старым вином, которое она хранила с
девушкой вора.

Напев: Петров Михаил
Петрович, 1905 г., служащий,
из д. Монашево, Бондюжского
р-на, Татарской Р-н.

3. "Ой, буеи но шор'ёван" ("Ой, среди поля"). Рекрутская песня

Эта песня пелась рекрутом, когда он выходил из
родительского дома. Краткое содержание: "Среди поля
ветвистая соена, что ни хвоя, то роса. Среди деревни
сын бедняка, что по речнице едет. Среди поля
стояли три береза, одну срубили - осталось две, не
стали постель, мама дорогая, я уеду, останется
проза и милая..."

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белорусские народные песни / Под ред. Е. Гиппиуса, сост. З. Эвальд. – М.-Л., 1941.
2. *Гиппиус, Е.В., Эвальд, З.В.* Удмуртские народные песни. – Ижевск, 1989 (подготовка к изданию Р.А. Чураковой и М. Хрущевой).
3. Наукаослэн Академизылэн экспедициез Удмуртиын // Удмурт Коммуна. – 1937. – № 65 (20 марта).
4. В Удмуртию прибыл марийский композитор Я.А. Эшпай // Удмуртская правда. – 1937. – № 66 (22 марта).
5. Для сборника «800 песен народов СССР» // Удмуртская правда. – 1937. – № 75 (2 апреля).
6. Удмуртские песни в сборнике Академии наук // Удмуртская правда. – 1937. – № 76 (3 апреля).
7. ФАП № 29 (Фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский Дом), Папка № 29).
8. Шулдыр нунал'ёс // Удмурт Коммуна. – 1937. – № 45 (6 марта).
9. Замечательный смотр // Удмуртская правда. – 1937. – № 57 (11 марта).
10. ФАП № 29. Л. 134.
11. ФАП № 29. Л. 310.

Поступила в редакцию 05.10.2010

V.N. Denisov

On the occasion of the Udmurt classic M.P. Petrov 105th birthday

The article is devoted to the analysis of the folklore expedition to Udmurtia in March 1937, which was headed by J.A. Eshpai (well-known Mari composer) and M.P. Petrov (Udmurt poet and writer). The expedition followed the instructions of the Folklore Department of the Institute of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR. As a result of it 152 folk songs from 14 districts of the Udmurt Republic were recorded on wax cylinders and in the same way similar recordings were made from 4 neighboring districts inhabited by the Udmurts.

Key words: Udmurtia, folklore expedition, phonogram archive, phonograph, wax cylinders, ceremonial songs.

Денисов Виктор Николаевич,

кандидат филологических наук, доцент, Учреждение Российской академии наук

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН,

координатор международного проекта по сохранению звуковых архивов

С.-Петербург–Ижевск

E-mail: vicnicden@gmail.com

В.М. Ванюшев

**ОПЫТ ВОЛЬНОГО ПЕРЕВОДА НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК
РУССКОЯЗЫЧНОГО СОЧИНЕНИЯ М. ХУДЯКОВА
«ИЗ НАРОДНОГО ЭПОСА ВОТЯКОВ...»**

Излагаются принципы перевода автором статьи незавершенного сочинения Михаила Худякова с русского на удмуртский язык, обогащения его национальным колоритом, усложнения структуры текста введением автора-повествователя. Ставится и весьма актуальный в литературоведении вопрос «перевод» и «авторский текст».

Ключевые слова: народный эпос; книжные формы национального эпоса; национальное самосознание; перевод; авторский текст, историко-культурные традиции; глобализация; самосохранение народов.

В удмуртском литературоведении всё увереннее проявляет себя осознание того, что в кон. XX – нач. XXI вв. наступила новая, третья по счету, «эра эпоса». Одно за другим из печати вышли произведения, на книжном уровне возвращающие читателям художественно переосмысленные сюжеты древних народных историко-культурных и богатырских сказаний удмуртов: «Дорвыжы» [6; 7; 8; 10], «Донды батыр, солэн пиосыз но Уйпери сярысь кузьмадёс-кырзан» [5], «Тангыра» [9], «Век Кылдысина=Кылдысинлэн даурез» [3]. К числу авторских, литературных форм удмуртского эпоса относят и поэму «Удмурт Выжы книга» автора данных строк [2]**.

Интерес к своему эпосу проявляется с новой силой и у других финно-угорских народов. В Карелии и Финляндии торжественно отмечены 150- и 160-летие бессмертной «Калевалы». В Мордовии А.М. Шаронов воссоздал героический эпос «Масторава» на родном и русском языках. В Республике Коми переведена на

* Работа выполнена в рамках Интеграционного проекта УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте (XVIII – нач. XX в.).

** Воссоединение времен и эпох – о творчестве В.М. Ванюшева и поэме «Удмурт Выжы книга» // www.finno-ugry.ru/educres/educenter_udsu/museum

родной язык и опубликована «Биармия», написанная К.Ф. Жаковым на русском языке в начале XX в. В наши дни издана двуязычная книга марийского эпоса «Югорно», созданная А.Я. Спиридоновым на русском языке и переведенная на родной язык А. Мокеевым. Каждое из этих произведений получило широкий читательский интерес и высокую научную оценку.

Наше внимание сосредоточено на сочинении М. Худякова, воссозданном под названием «Дорвыжы». «Дор» – это родина и образ, вбирающий в себя не только место рождения и проживания человека, но и все духовные начала народа, а «выжы» – родство поколений, корни этноса, уходящие в глубь веков.

Потребность в обращении к историко-культурным традициям, заложенным в эпических народных сказаниях, как известно, пробуждается в переломные моменты истории этноса. Народные сказания удмуртов о богатырях-героях, воплощающих физическую и духовную силу народа, его эстетические и нравственные идеалы, сложились, по всей вероятности, в IX–XIII вв., с преодолением феодальной раздробленности, когда у удмуртов возникли условия для формирования своего государственного образования, кстати, прерванные нашествием монголо-татар на русские земли и миграцией иноязычных пришельцев на территорию Волго-Камья.

Рассуждая о романтизме как универсальном мироощущении, объединяющем своими особыми качествами такие, казалось бы, весьма далекие во времени и в пространстве явления, как французская литература XVIII в. и удмуртский народный эпос, русский археолог, этнограф и фольклорист Михаил Георгиевич Худяков в 1920-е гг. объяснил этот феномен одинаковыми условиями, породившими его, а именно: психологическим неприятием сложившихся обстоятельств. «Прошлое всегда кажется милым, прекрасным, – писал он. – Результаты одни и те же: Руссо восхвалял «первобытное состояние», вотяки (удмурты. – В.В.) воспевали счастливый век Кылдысина» [8, с. 8]. В качестве сил, порождающих романтическое настроение, он обозначает «всякую эпоху, вырвавшуюся из какого-либо морального переворота, в переходные моменты сознания». Поставив вопрос, какой же сильный моральный переворот испытали тогда удмурты, Худяков отвечает: «Утрату национальной свободы, утрату своей родной земли». И, размышляя об альтернативе решения дальнейшей судьбы этноса, ученый продолжает: «Наиболее вероятным путем является переход вотяков в состав русского народа, постепенная утрата национальных особенностей и слияние, ассимиляция с русскими <...> Но, быть может, возможен и иной какой-нибудь выход? Может быть, скованное суровой действительностью сознание вотяков сумеет разбить свои цепи, сбросить оковы и вырваться на простор новой жизни?». Он связывает такой выход с революцией 1917 г.: «И теперь в вотской поэзии зазвучали иные – добрые, здоровые, жизнерадостные мотивы» [8, с. 12], приводя в пример поэзию Кузубая Герда, в частности его поэтический сборник «Крезьчи» («Гусляр»), выпущенный в 1922 г.

Между тем в удмуртской культуре созревала вторая волна «эры эпоса» – интерес к эпическим традициям на уровне книжной культуры, пробудившийся в кон. XIX – нач. XX вв., когда миссионеры-просветители, деятели народного образования, историки, этнографы записали в народе и в различных изданиях

опубликовали тексты народных сказаний – главным образом северных и средних удмуртов. Большинство этих публикаций состоялось не в оригинале, а в русском, можно сказать, вольном переводе исследователей-полевиков, большей частью пользовавшихся услугами местных толмачей. Тем не менее, этот огромный историко-культурный акт дал толчок к следованию примеру Элиаса Лённрота, в середине XIX в. создавшего по материалам подобных записей книжный, авторский свод эпоса «Калевала». В начале XX в., следуя традициям Лённрота, М. Худяков и удмуртский поэт Кузубай Герд, будущий разносторонний ученый, создавали авторские эпические полотна на основе народных сказаний. Эта работа Герда, как и многие другие его труды, изъяты при его аресте в период сталинского террора, до сих пор не найдены. Сочинение же Худякова «Из народного эпоса вотяков. Песни, сказания» в виде незавершенной рукописи было обнаружено в 1960-е гг. в архивных фондах публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге (тогда – Ленинграда).

Работа М. Г. Худякова была воссоздана по сохранившимся черновикам, можно сказать, реконструирована поэтом и фольклористом Даниилом Яшиным. Пробная публикация ее в сборнике научных статей УдНИИ в 1986 г. [6] не вызвала особого интереса даже среди национальной интеллигенции. И лишь в к. 1990-х – нач. 2000-х гг. были осознаны губительные для национальных культур плоды глобализации, на фоне свертывания властными образовательными структурами обучения на удмуртском языке, ведущего к вымыванию национального сознания у подрастающего поколения и в итоге – к ликвидации этноса. Дошло до того, что ЮНЕСКО отнесла удмуртский язык к числу исчезающих. В этих условиях ряд удмуртских писателей, будто к спасательному кругу в океане, обратился к истокам национального сознания.

Имея в виду отдельные произведения, в сюжетных построениях которых используются некоторые мотивы народных сказаний (например, трагедии Е. Загребина «Эштэрэк» и П. Захарова «Эбга»), всё же началом новой «эры эпоса» в удмуртской литературе можно считать возрождение названного сочинения Михаила Худякова. В 2004 г., продолжив текстологическую работу Даниила Яшина и преодолев немалые препоны со стороны властных структур и некоторых общественных организаций (включая, к сожалению, и правление Союза писателей Удмуртии), автору данных строк удалось выпустить отдельной книгой под названием «Дорвыжы» вольный перевод на удмуртский язык эпического полотна Худякова. Мы, как и Кузубай Герд, исходили из той же логики, которую П. Домокош сформулировал следующим образом: «...Герд и сам занимался обдумыванием плана <...>, собиранием воедино эпических песен <...>, ведь он отлично знал, что может значить, если сделать общим достоянием народный эпос» [4, с. 126]. Рассчитывая на силу воздействия глубинной философии эпоса, я осознавал, что полифония, многоцветность и многозначность национального художественного слова в произведении, созданном Худяковым на основе русских переводов не самого высокого уровня, во многом были утрачены. Поэтому, не стремясь к точному следованию русскому тексту Худякова, я искал наиболее близкие к удмуртскому национальному восприятию мира аналоги метафоризации

описанных картин, игру слов, звуков, усиливающих эмоциональную сторону повествования. В таких случаях текст нередко удлинялся за счет большей конкретизации и детализации обстановки, действий, размышлений повествователя. Словом, перевод приобретал вольный характер и, как отмечают рецензенты [см., напр., 1], наполнялся признаками не переведенного, а оригинального произведения на удмуртском языке. Менялась интонация, идущая от ритмики и внутренней структуры предложений. Это особенно заметно при сопоставлении его с переводом, осуществленным филологом и поэтом Виктором Шибановым, задавшимся целью точной передачи особенностей худяковского сочинения на другом языке.

Во «Вступлении» текста Худякова, например, читаем:

*В том краю, где реки быстры,
2 где река Чепца синееет,
3 где в лесах живут медведи,
4 где отважно-смелы люди,
5 там возникли эти песни,
6 эти древняя легенды,
7 эти славная сказанья.*

[8, с. 31].

В переводе В. Шибанова фрагмент почти во всём близок к оригиналу:

*Кытын шуръёс дырто жингрес,
Кытын Чупчи бызе чагыр,
Тэльын гондыр улэ данак,
Кытын калык дйсьтйсь но сзэь, –
Отын кылдо та кырзәнъёс –
Та ваикала дауркылъёс,
Паймымонэсь кылбур мадьёс.*

[3, с. 5].

В обратном переводе это выглядит следующим образом:

*Где реки спешат звонко,
Где Чепца бежит сине,
Где народ смелый и шустрый, –
Там возникают эти песни –
Эти древние сказания,
Удивительные поэтические повествования.*

Но подобные придаточные предложения, тем более целый каскад их, не характерны для удмуртской речи. Сразу видно, что это сказано не удмуртом, а привнесено в удмуртское повествование со стороны. Удмурт просто, без придаточных предложений обрисует ситуацию, а потом скажет, что событие происходило именно тогда, что и сделано в вольном переводе:

*Та палан – визыл шуръёс,
Чупчимы чагыръясъке,
Тэльёсын трос гондыръёс,
Калыкед нош кышкасьтэм.
Тйнь отын та кырзәнъёс*

*Кылдйзы, кузь веранъёс,
Жингыртйсь мадён кыльёс.
[8, с. 31].*

Подобные различия наблюдаются на всём протяжении двух переводов. Сопоставим еще один фрагмент – начало первой главы сочинения Худякова. В оригинале оно звучит следующим образом:

*Времена, когда возникли,
Сонм богов, земля и небо,
Скрыты в сумраке столетий,
Их не знает наша память.*

*5 И когда возникли страны,
где растут сосна и ели,
где текут лесные реки, –
уже были и смотрели
на прекрасные долины,
на луга, леса и горы
боги мудрости и света.
[8, с. 33].*

Точный перевод В. Шибанова и здесь сохраняет сложноподчиненную связь в предложениях [см.: 3, с. 7].

В нашем переводе этот фрагмент звучит следующим образом:

*Со вакыт ни кыдёкын –
Вапумъёс пушкы выйиз.
Йырсазьмы сое уг тод.
Кылдйллям гинэ соку
Дуннелы инъет – Ин, Му.
Адскиллям ни шаеръёс,
Пужьмо, кызо тэльёс,
Дун вуо, яго шуръёс.*

*Та югыт дуннемылэн,
Йырсазьлэн но визь-нодлэн
Утисьсы-вордйсьёссы
Сэзь, визьмо синмынызы
Учкиллям ни выльысен
Возь выльысь, гурезьёссысь
Улонлэсь жэутйськемзэ.
[8, с. 33].*

Не отходя от сути оригинала, мы стремились по-своему раскрыть события, происходившие при возникновении Неба, Земли, просторов, лесов и рек. Используются характерные для удмуртского языка неочевидные формы глаголов – «кылдйллям» (прибл.: «оказывается, возникли»), «адскиллям» («оказывается, показались»), «учкиллям» («оказывается, смотрели»), которые придают повествованию, с одной стороны, удмуртский национальный колорит, с

другой – более точную семантическую окрашенность – *возникли*. Но субъект речи (повествователь) этого не мог видеть, а узнал из косвенных источников. Встречаются существительные с притяжательными суффиксами «*мы*», также характерными для удмуртского языка («дунне*мы*лэн» от «дунне*мы*=*наш* белый свет»), выражающие по-родственному теплое отношение к обозначаемым явлениям. В стремлении к благозвучию используются конечные парные рифмы («соку» – «Ин, Му»), хотя в оригинале рифмы не соблюдаются; звучит лексическая анафора («Дуннелы» (белому свету) – «Дун вуо» (чистоводные), на ассоциативном уровне приближая друг к другу эти высокие понятия. В тех же строчках заметна концентрация звонких согласных *д, ж, з, л, м, н*, создающая заметную возвышающую звукопись.

С помощью подобных средств родного языка в переводе усиливается субъективная, эмоциональная сторона содержания эпического повествования. Больше, чем в оригинале, на передний план выходит образ повествователя. Достигается это, главным образом, двумя способами: добавлением строк, выражающих прямое отношение повествователя к происходящим событиям, и – более подробными описаниями, национально окрашенной детализацией внутреннего и внешнего движения сюжетного ряда. Так, во фрагменте, повествующем о горе, вызванном смертью Селта батыра, строки: «Много лет он долгих прожил / много пользы сделал людям, / и народ весь в горе плакал / безутешно повторяя...» – выполняющие лишь познавательную функцию, получают дополнительную эмоциональную окраску за счет введения нового субъекта действия и фоники: здесь не только народ плачет-выговаривает, но и, пораженный этой вестью, лес стоит, умолкший, с горестным видом прислушивается к тому, что говорят люди [8, с. 102]. Масштабы горя, сила переживаний, вызванных им, возрастают. Как бы эхом распространяется в пространстве оно – с помощью звучных слов «*бёрдэ*» («плачет» народ) и «*бырдаса*» («выпучиваясь» льются слезы), составляющих содержательно значащую внутреннюю рифму. Здесь же, передавая слова горестного плача людей о том, что уж не будет у удмуртов таких батыров, какими были сыновья некоего Чуньы, почти дословно приводимые Худяковым из известного источника полевых записей своих предшественников, переводчик добавляет: «Кин меда утёз-поттоз на / Шуг-секытысь удмуртэз?» (Кто же теперь уберезет, вытащит удмуртов из трудных ситуаций?). В микросюжете, повествующем о том, что в местах трудных, но победных боев с иноплеменными пришельцами удмурты проводят поминки-куяськоны, переводчик от имени повествователя добавляет к информационным строкам осмысливающие слова заклинательного характера: «Пусть знают погибшие / Что они не забыты!» [8, с. 102].

Подобные изменения и добавления направлены на дополнительное осмысливание событий давно минувших дней с точки зрения сегодняшних тревог и забот удмуртского этноса. Вслед за автором сообщая, что после той ожесточенной битвы случилось еще одно столкновение с пришельцами, переводчик добавляет слова, выражающие, пожалуй, главную суть нелегкой истории народа: «За право владения этими землями, за право распахивать и засеивать их, разводить пчел, растить детей – одним словом, за право жить» [8, с. 103]. Ведь и само осмысление

эпических сюжетов, сложенных далекими предками, направлено на то, чтобы найти новые силы для преодоления современных отрицательных тенденций, ради жизни и процветания родного народа.

Исходя из изложенных принципов и результата нашей работы над эпосом, некоторые коллеги полагают, что это не столько перевод, сколько новое осмысление сюжетного ряда сочинения Худякова, и предлагают публиковать как авторский труд с указанием: по М.Г. Худякову.

В заключение выражаю благодарность Еса-Юсси Салминену и другим коллегам за подготовку и издание на финском языке нашей с Даниилом Яшиным общей работы над сочинением Худякова, то есть над удмуртским эпосом [см. 10]. Низкий поклон им и дальнейших успехов в подобной благородной работе – в укреплении братских культурных связей финно-угорских народов! Через Интернет и книжное издание любой финноязычный читатель может теперь познакомиться с удмуртским героическим эпосом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Атаманов, М.Г.* Удмурт батырлыко эпослы шумпотыса / М.Г. Атаманов // Удмурт дунне. – 2005. – 2-тй февраль.

2. *Ванюшев, В.М.* Удмурт Выжы книга (Иднакарын) = Как будто Книга бытия (На Иднакаре): поэма / Василий Ванюшев; пер. на рус. яз. А.И. Демьянова. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. – Удм., рус.

3. *Век Кылдысына=Кылдысинлэн даурез* / пер. худ. текста на удм. яз. В.Л. Шибанова. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – Рус., удм.

4. *Домокош, П.* История удмуртской литературы / Петер Домокош; пер. с венг. В. Васовчик. – Ижевск: Удмуртия, 1993.

5. *Перевозчиков, А.А.* Донды батыр, солэн пиосыз но Уйпери сярысь кузьмадэскырзэн / Анатолий Перевозчиков. – Ижевск: Удмуртия, 2006.

6. *Худяков, М.Г.* Песнь об удмуртских батырах (из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания...) / Худяков М.Г.; публ. подгот. Д.А. Яшин // Проблемы эпических традиций удмуртского фольклора и литературы: сб. статей. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1986. – С. 97–135.

7. *Худяков, М.Г.* Дорвыжы: удмурт батырлыко эпос / Михаил Худяков; зуч кылысь эркын берыктіз Воръявай Василей (В.М. Ванюшев). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

8. *Худяков, М.Г.* Дорвыжы: удмуртский героический эпос / Михаил Худяков; редакция и комментарии В.М. Ванюшева и Д. А. Яшина; сост., предисл., пер. на удм. яз. В.М. Ванюшева. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – Удм., рус.

9. *Ээрати Гавир Микаль.* Тангыра: кузьмадэс / Михаил Атаманов. – Ижкар: Удмуртия, 2008. – 320 б.

10. *Hudjakov, M.* Dorvyzy: Udmurttien kansalliseepos // Mihail Hudjakov; Toimittajat: Daniil Jasin ja Vasil Vanjusev, suomenkielisessa teoksessa Esa-Jussi Salminen. Kuvittaja: Vjatseslav Mihailov. Suomennos: Esa-Jussi Salminen, Jorma Vakkuri. – Paino www.lulu.com [2009].

Поступила в редакцию 14.09.2010

V.M. Vanushev

**An experience of loose translation of the Russian-language work by M. Khudyakov
“From folk epos of the Votyaks...” to the Udmurt language**

In the article translation principles (from the Russian language to the Udmurt language) of the unfinished work by Mikhail Khudyakov are shown, enrichment of its national colour, complication of the text structure by introducing the author-narrator. The actual in modern study of literature question “translate” and “not translate” is asked.

Key words: folk epos, bookish forms of national epos, national self-consciousness, historical and cultural traditions, globalization, self-preservation of nations.

Ванюшев Василий Михайлович,

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник отдела филологических исследований,
Учреждение Российской академии наук
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
г. Ижевск
E-mail: vorjavaj@e-izhevsk.ru

УДК 821.511.131-3

С.Т. Аркеева

**УДМУРТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА
1920–1930-Х ГОДОВ***

Исследованы виды и формы проявления сказочного начала в удмуртской новеллистике 1920–1930-х гг. Выявлены некоторые специфические черты удмуртской литературной сказки данного периода и обозначены факторы, обусловившие ее идейно-художественное своеобразие. Проанализирован ряд текстов, в которых, наряду со сказочной эстетикой, фигурируют черты других жанров.

Ключевые слова: удмуртская литературная сказка 1920–1930-х гг., детские сказки, сказки для взрослых, сказочная поэтика, художественный синтез, народно-поэтическая основа литературной сказки.

Удмуртская новеллистика 1920–1930-х гг. многожанрова. В этот период писатели ведут поиски жанровых форм, которые бы соответствовали новому материалу. Такие авторы, как Кузубай Герд (К. Чайников), Мих. Прокопьев, Сарман Педор (Ф. Корнилов), Айво Иви (И. Векшин), Д. Пинь (Д. Баженов) и некоторые другие, обращаются к сказке. «Общественная жизнь эпохи призвала на службу народный жанр, способный говорить с каждым на языке рода о насущном и значительном, – пишет М.П. Гецевичюте. – Именно сказка, издавна общепризнанный и доступный всем жанр, могла особенным доверительным тоном подсказать мудрое и верное решение целому народу и каждому человеку – и в этом ее специфическая функция» [3, с. 42–43]. Среди произведений, созданных на данном этапе, можно выделить сказки для детей и для взрослых, сказки поэтические и прозаические, литературные обработки народных сказок и собственно авторские сказки.

В 1919 г. Кузубай Герд, продолжив традицию Г.Е. Верещагина, автора первой удмуртской литературной сказки «*Зарни чорыг*» («Золотая рыбка»), создает поэму-сказку «*Гондырьёс*» («Медведи»), поэтика которой подробно и обстоятельно рассмотрена в статье Г.Н. Шушаковой [13].

* Публикация осуществляется при поддержке РГНФ, № проекта 10-04-80404 а/У.

В том же году издан известный по библиографическим источникам сборник сказок Мих. Прокопьева «Дунне: Нылтислы выжыкыльёс» («Мир: Сказки для детей»), но сама книга пока, к сожалению, не обнаружена.

Адресована детям и книга сказок «Выжыкыльёс» (1927) Сарман Педора. Хотя Сарман Педор указан как составитель сборника, но, на наш взгляд, входящие в него тексты являются авторскими обработками народных сказок о животных. Остановимся на некоторых из них более подробно.

В сказке «Лудкечен зичыен» («Заяц с лисой») использован сюжет, соответствующий СУС 43 [12, с.57]. Однако, во-первых, автор контаминирует разные типы сюжетов; во-вторых, в качестве героев у него выступают другие звери; далее, в сказках проявляется откровенно дидактическое начало, педагогическая направленность; и самое главное доказательство литературности его сказочных произведений – стиль. Рассмотрим один пример из сказки «Лудкечен зичыен»: «Куспазы таёс тупаса-тэрыса туж зеч улйллям. Огзы доры огзы ялам куное ветлыса, сиыса-юыса улозы вылэм» («Между собой они жили дружно-согласно, очень хорошо. Жили, все время навещаясь друг к другу в гости, угощая друг друга»). Автор использовал выражение «сиыса-юыса улозы вылэм» («ели-пили вместе»), являющееся формульным воплощением близкородственных, дружественных отношений в удмуртском сознании. Помимо этого, здесь одна мысль передается не одним выражением, а с помощью ряда дополнительных объяснений, что не характерно для народной сказки. То и дело прорывается, открыто проявляется голос повествователя, его отношение к персонажам: «Зеч-а уло, урод-а, соизлы судья ум луэ. Азьланьын кызыы улэмзэс адзёмы» («Хорошо ли, плохо ли живут, тому судьями не будем. В дальнейшем увидим, как живут»). При этом он может использовать субъектно-притяжательную форму: «милям зичымылэн» («у нашей лисы»). Налицо южный диалект автора, а также включение авторских неологизмов, например, «кужмояськыса»: «Атаслэн тазыы кужмояськыса вераськемезлы лудкечлэн серемыз гинэ потэ» («Разговор петуха, представляющего себя таким сильным, вызвал у зайца только смех»). Автор вводит в ткань повествования удмуртские народные пословицы: «...кёт висьы-тозь, пыд мед висёз» («...чем душа будет болеть, пусть лучше ноги заболят»). В сказке встречаются совершенно вольные авторские вставки: «Атас табанез сииз-сииз но, гадьыз пилиськиз. Лудкеч соку ик, олоктысь буртчин шедьтыса, атаслэсь гадьэз буртчинэн кышьяз» («Петух ел-ел табани, и зоб лопнул. Заяц в сей момент, найдя неизвестно где шелк, залатал зоб петуха шелком»).

Сказка «Гондырен чибинен» («Медведь с комаром») начинается с пословицы, с сентенции: «Кужымтэм муртэз эн серекъя, лябзэ зйбыны эн юртты, шуиллям. Таёе вераськоньёс куддыръя ужен зэмаца вуыло» («Над слабым человеком не смейся, слабого подавлять не помогай, говорят. Такие разговоры иногда подтверждаются на деле»). Дальнейшая сказочная история развивается в подтверждение данной мысли. Иной раз в тексте обнаруживаются калькированные обороты: «Гондырлы ож ялэм» («Объявил медведю войну»). Для данной сказки характерно многократное использование приема градации: «Чибинь гондырлэн йыр тышказ пуксе, син пушказ пыре, пель йылаз мертче, пель пушказ но пырыны вуэ» («Комар садится на макушку медвежьей головы, лезет в глаза, впивается в

кончик уха, успеваает и в ухо влететь»); «Гондыр ѓжыт зуркалскем, быжыныз шоналтэм, мугорзэ но вырзэйтэм» («Медведь немного встряхнулся, махнул хвостом, двинул туловищем»); «Гондыр ѓбабьяськем, сэрапалляськем, тийяськем, погылляськыса но туртскем» («Медведь царапался, брыкался, надрывался, и перекатываться пробовал»). В этих примерах многообразны жестовые глаголы. Для усиления эмоционального фона автор использует вопросо-ответную форму: «Кинлэсь бен соёс кышкаллям? – Чибиньлэсь!..» («Кого же они испугались? – Комара!..»). Как можно заметить, в этих сказках Сарман Педор предстает знатоком сюжетно-стилевых особенностей народной сказки и индивидуальным художником, владеющим богатым, образным языком.

В целом, оригинальных сказок для детей в этот период создано очень мало. Возможно, повлияла общая ситуация в литературе, когда «в 20–30-х гг. группа критиков-вульгаризаторов под предлогом защиты детей от влияния буржуазной идеологии, от мистицизма и суеверия объявила вредным любое использование фантазии и вымысла в детских книгах. Была сделана попытка наложить запрет на произведения народного творчества, в частности на сказку. Еще большее недоверие этим критикам внушала современная сказка, прежде всего произведения Чуковского» [5, с.726]. Однако же мало сказок и для взрослых. Символична полемика между удмуртскими писателями Д. Баженовым и А. Клабуковым. В статье «Выжыкыллы удмурт гуртэ сюрес сётано» («Сказке надо дать дорогу в деревню») Д. Баженов пишет о том, что сказители в деревне пользуются популярностью, они легко завладевают вниманием слушателей. А значит, сказка обладает большим потенциалом воздействия на людей [2]. А. Клабуков категорически с ним не согласен: «Выжыкыл вылын кыдёке уд кошки. Гуртэ выжыкыллы сюрес сётса курадзонэз ик ѓвёл. <...> ѓвёл. Выжыкылэн модейтыны кулэ ѓвёл. «Гудырие» но, книгаосы но зеч «приключени» веросьёс гождяно. Сюжето, валамон кыло мед луоз» («На сказке далеко не уедешь. Даже не стоит мучиться давать сказке дорогу в деревню. <...>. Нет. Не стоит связываться со сказкой. И для «Гудыри» (газета «Гром». – С.А.), и для книг надо писать хорошие приключенческие рассказы – с увлекательным сюжетом, понятным языком») [1]. Что же настораживало таких авторов, как А. Клабуков? Скорее всего, писатели опасались быть обвиненными в приверженности к архаике, к национальным обычаям и традициям, что подразумевало оторванность от реальной социальной действительности.

Тем не менее, элементы сказочной эстетики проникают в удмуртскую новеллистику, и наиболее восприимчивым к ней, как нам представляется, был Айво Иви (И.Г. Векшин). К примеру, в 1920 г. в газете «Сюрло» («Серп») публикует художественный материал о персонаже по имени Лутоня, который явился к удмуртам, чтобы спасти их от ненасытного, прожорливого чудища-червя. Лутоня призывает объединиться и коллективно противостоять хтоническому существу: «Огазе кариське, валче кариськыса гинэ асьмелэн улон-вылонмес шудо кареммы луоз» («Только объединившись, мы сможем сделать нашу жизнь счастливой»). Вероятно, здесь в завуалированной форме высказывается идея о национальном единении удмуртов, звучит призыв покончить с национальной разобщенностью. Для выражения своей позиции Айво Иви привлекает образ героя из русских народных сказок – образ Лутонюшки. Традиционно этого сказочного персона-

жа характеризуют ум, смекалка, мудрость. В произведении Айво Иви Лутоня наделен учительной силой, однако он не может изменить ситуацию, и виной тому – пассивность удмуртов: «*Ӧз оске солы удмуртъёс, ӧз кылзйське, азьло сямен ик курадзо, азьло сямен нумырез судо...*» («Не поверили ему удмурты, не послушались, как и раньше, страдают, как и раньше, кормят чудище-червя...»). Дело, наверно, и в том, что, находясь в позиции эпического героя (батыра, богатыря), сказочный персонаж Лутоня «не имеет тех магических сил, которыми по определению наделен мифологический герой» [9, с. 267]. Налицо аллегоричность, притчеобразность повествования, в котором персонаж сказочного происхождения задействован в новом сюжете и новой ипостаси – ипостаси Учителя.

В начале 1930-х гг. Кедр Митрей трактует этот литературный опыт Айво Иви в резко-негативном ключе, усматривая в образе «червя» (*«асярбак нумыр»*) ненависть Айво Иви к Советской власти. Кедр Митрей не приемлет общенациональной идеи И. Векшина и противопоставляет ему классовый подход. Писатель призывает пролетариат активнее обращаться к сокровищнице устного народного творчества, поскольку, по его мнению, националисты используют фольклор в своих целях [6, с. 92–94].

Сказочная поэтика более явно и зримо присутствует в новеллистике второй половины 1920-х гг. В сказке Д. Баженова *«Сезыи вииз»*, 1926 («Овес убил») элемент необычности вынесен уже в заглавие. Очевидна цель, преследуемая автором, – привлечь внимание читателя. Сюжет таков, что герой по имени Кочонь Иван убирает на своем поле овес и ругает его за то, что не удался. Неожиданно один стебель овса вырастает в человеческий рост, у него появляется человеческое лицо, и он высказывает хозяину нелицеприятную правду о нем: как плохо он ухаживал за посевами и т.д. Герой потрясен таким чудом, и, когда овес, жестикулируя, нечаянно ударяет его по лбу, он с испугу умирает. Необычная история, в которой представлен сюжет чудесного превращения, звучит от имени сказителя, который всячески стремится доказать, что поведанная история реальная, а не вымышленная. Это характерная ситуация для подобного рода произведений удмуртской прозы.

В сказке Айво Иви *«Букро»*, 1928 («Куколь») растения тоже разговаривают между собой: сорняки и овес доказывают, кто из них приносит большую пользу. Доводы лебеды и василька имеют ложный характер, и в их репликах сквозит авторская ирония. Аргументы овса – реальные, однако корова, к которой обращаются за разрешением спора, съедает овес, и сорняки торжествуют. Таким образом, в отличие от традиционных сказок, произведение заканчивается на пессимистической ноте.

В рассмотренных сказочных историях герои-растения и герои-животные наделяются даром речи, чтобы пристыдить нерадивых людей. Авторы создали своеобразные воспитательные сказки, чтобы в занимательной форме преподнести людям нужный, полезный «агротехнический» опыт. Язык сказки используется для того, чтобы акцентировать внимание на каждодневных проблемах. Наряду с изданием специальных брошюр [4], литература участвует в реализации задач чисто утилитарного характера.

Для удмуртской литературной сказки данного периода актуален вопрос, касающийся взаимодействия, «сращения» с другими жанрами.

Рассмотрим в этом аспекте рассказ Айво Иви «Предвик» (1928). Этимология слова «предвик» не совсем ясна. Однако из контекста понятно, что речь идет о некоем начальнике, «старосте», возможно, о **председателе волостного исполкома**. Особенность повествовательной структуры в том, что в рассказ «вмонтирована» бытовая сатирическая сказка. Согласно «раме», участник литкружка Сяськан по просьбе руководителя и остальных кружковцев читает свое сочинение – современную сказку о *предвике* («туала выжыкыл нерге» – нечто, похожее на современную сказку).

Сяськан якобы читает (озвучивает) написанное (имитация письма), таким образом, дается установка на слушание «письма». На самом деле, Сяськан – герой-рассказчик, воспроизводящий не письменную, а устную речь. На это есть прямые указания, типа: «...мон верай ини уга...» («...я уже говорил...»); «*Нош ик верасько...*» («Снова говорю...»). А также – многочисленные повторы, короткие предложения, характерные для эмоциональной устной речи. И – разного рода внефабульные отступления. Так, непосредственной истории, случившейся с *предвиком*, предшествует внефабульное предисловие о нравах начальников, берущих взятки. Причем, очевидна ирония рассказчика относительно сущности данного порока: берут, потому что дают. Оправдательный момент связан и с тем, что данный порок рассматривается как наследие дореволюционного прошлого.

История, рассказанная молодым литкружковцем, служит подтверждением того, что человек способен освободиться от своих недостатков, только пройдя через «чистилище» стыда. Случай связан с тем, как *предвик* получил от солдатки «подарок» в виде поросенка. После обильного угощения, поздним вечером он едет домой на лошади и заранее страшится глубокого лога, который, по слухам, связан с нечистью. Герой настолько скован и напряжен от страха, что в хрюкании и повизгивании поросенка ему слышится издевательское «пред, пред», «ви-и-ик, ви-и-ик», и он теряет сознание. Как оказалось, поросенок вылез из мешка и убежал, а *предвик* принял его за нечистую силу («*пёртмаськись*»). Осмысливая случившееся, герой испытывает стыд за необоснованный страх. Когда жена спрашивает, где подарок, он раздраженно отвечает, что не берет подарков. Так «фантастический» случай излечил его от порока.

Слушатели выражают недоверие истории, рассказанной Сяськаном: мол, вряд ли ей поверят, если ее напечатать в журнале, вопреки тому, что автор сочинения изначально предупредил о ее сказочном характере и уточнил, что она не совсем получилась: «*выжыкыл выллем*», «*выжыкыл нерге*» (похожее на сказку, нечто вроде сказки). Сяськан говорит, что историю про *предвика* слышал от соседей, то есть в конце признается, что история реальная, и *предвик* – реальный человек. Автор как будто непременно стремится нарушить сказочное пространство. В.Я. Пропп справедливо отмечает: «Сказка – в основе своей небывальщина. Сказки же, перешедшие в литературу, приобретают характер новелл, т.е. таких повествований, которым приписывается некая достоверность» [11, с. 13]. На наш взгляд, рассказ «Предвик» представляет собой синтез таких жанровых образований, как сказ, бытовая сатирическая сказка, анекдот, быличка.

Сказка Айво Иви «*Ваишала дырья*», 1930 («В старину») повествует о странствиях героя-старика в поисках «*пелляськись*» («знахаря») по имени Культур

по отчеству Революци, исцеляющего от глазной болезни. В произведении изначально представлена традиционная волшеббно-сказочная ситуация недостачи, нарушения гармонии: «...кы́че ке одйг гуртын кы́че ке одйг пересь удмуртлэн синмыз висъыны кутскем» («...в одной какой-то деревне у одного какого-то старика-удмурта начали болеть глаза»). При этом связка «*пелляськись* (знахарь) по имени Культур Революци» предстает по своей сути оксюморонной и выдает в герое наивного простака, сказочного глупца.

В пути старик ориентируется на «умных людей», которые подсказали бы ему дорогу к цели. Перед тем как заговорить со встречными, он решает вопрос, умный это человек или глупый, и только потом формулирует главную проблему: где найти Культур Революци? Критерий ума у героя специфически-крестьянский – это способ обработки земли: с помощью «*геры*» (деревянного плуга), на его взгляд, обрабатывают землю умные люди, с помощью железного «плуга» – глупые. «Перевернутые» представления героя об умном человеке выдают в нем приверженца устоявшегося, традиционного, а также служат проявлением игрового начала, сопровождающего все повествование.

Персонажи, которые встречаются на пути старика, это – человек в очках («*тияла синмо адями*» – букв.: человек со стеклянными глазами), человек с большим кожаным портфелем («*кунулаз солэн чумолё зёкта ик сурон песьтэрез*»), человек с тростью («*чибориё бодыен адями*»). Все они дают старику необходимые ориентиры для поиска «Культур Революци». Сопровождающие их «аксессуары», думается, отражают народные представления об умном человеке.

Старик, ищущий Культур Революци, из сельсовета отправляется в волость («*волось*»), из волости – в уезд («*уезз*»), из уезда – в область («*облась*»). Обозначенные топоры, на наш взгляд, означают препятствия на пути сказочного героя. С другой стороны, принцип ступенчатого расширения пространства, возможно, служит цели разоблачения нарождающегося советского бюрократизма, бумажной волокиты, ибо в каждом случае на вопрос героя о том, где найти «Культур Революци», ссылаются на отсутствие необходимой инструкции и рекомендуют обратиться в более высокую инстанцию.

Эффект сюжетной развязки заключается в несовпадении искомого и найденного. Вместо «*пелляськись*» («знахаря») старику предлагают плуг, который, оказывается, и означает «Культур Революци». Опосредованная цепочка вырисовывается следующим образом: с помощью плуга как более современного орудия труда легче сохранить здоровье (здоровые глаза), а значит это и есть Культурная Революция. Конечно, главное в рассказе – это метафорический подтекст, указывающий на человека, который прозревает, познает истину.

Автор использует сказочный зачин и сказочную концовку, например: «*Та выжыкылзэ мон, – коть оскоды, коть уд, – одйг кылзэ но ачим ой малпа: кызьы кылй, озьы ик верасько! Верасьлы – ымаз вей, кылзйсьлы – асьтэос малпалэ*» («В этой сказке я, – хоть верьте, хоть нет, – ни одного слова не выдумал: как услышал, так и рассказываю! Рассказывающему – похвала (букв.: в рот масла), слушателю – сами подумайте (придумайте)»). В продолжение всего повествования подчеркивается неопределенность пространственно-временных координат происходящих событий: «*Кема-а, өвёл-а, пыдын-а, валэн-а, оло чугун сюресэн-а*

со мынэм – вераны кема, куке огчебер нунал пересъмы волосе вуэм» («Долго ли, коротко ли, пешком ли, на лошади ли, может быть по железной дороге они поехал – рассказывать долго, когда в один прекрасный день наш старик прибыл в волость»). Рассказу присуща черта изустности, создающаяся с помощью разнообразных повторов, инверсии: «*Бёрдэ пересъ, куруктэ пересъ...*» («Плачет старик, горюет старик...»). Кроме того, рассказчик постоянно употребляет «не» («мол», «дескать», «говорят»): прием, с одной стороны, указывающий на услышанность истории, с другой, – на ее достоверную недостоверность (недостоверную достоверность). В ткань сказочного повествования введены заклинания, пословицы и поговорки как прямое выражение народных идеалов и практической мудрости: «*Сю куасьмыку, инмысь пилемлы но шумптоно шуо ук*» («Говорят, во время жажды и облаку на небе радуются»).

На наш взгляд, это произведение с просветительской направленностью жанрово представляет собой рассказ с элементами волшебной сказки, в котором очевидно присутствие сказовых интонаций, сказочно-сказовой стилистики. Характерно, что в финале автор вновь доказывает явность, очевидность рассказанной истории: сказочный герой буквально трансформируется в реального персонажа, которого знал и видел сказитель-рассказчик. Условность снимается, нейтрализуется за счет актуализации достоверности истории.

Айво Иви создает новые формы с опорой на эстетику и поэтику народной сказки. Таким путем, например, он добивается занимательности сюжета. Используя традиционно-сказочные приемы, привычные для народного восприятия, автор не только развлекает своего читателя, но и учит. В его произведениях малой прозы фольклорная стилизация и сказовое начало сочетаются с письменно-книжной литературной традицией.

В начале 1930-х гг. писатели проявляют себя как ценители и собиратели фольклора. В 1934 г. была организована экспедиция. В УдНИИ хранятся рукописные фонды сказок, собранных М.И. Ильиным, И.Т. Дядюковым, Д.И. Корепановым и др.

Заметим, что писатели публиковали отдельные сказки в периодических изданиях, не акцентируя внимания на том, что это не авторские сказки, а народные, хотя и с указанием информанта. Например, это характерно для И. Гаврилова [7]. Практически в каждом номере журнала «*Кылбурет удысын*» за 1934 год публикуются народные сказки, в том числе собранные Д. Корепановым [10]. Авторские сказки возрождаются только в 1950-е гг., в частности, в творчестве И. Гаврилова.

Итак, в 1920–30-х гг. мы наблюдаем попытку удмуртских прозаиков передать сущность социальных процессов через стилистику агитационно-пропагандистских, дидактических сказок. Во всех произведениях, обозначенных авторами как сказки, наблюдается теснейшая связь с действительностью, с общественно-политической и социально-бытовой реальностью. Задача, решаемая авторами, – дать полезный совет, научить жить и хозяйствовать по-новому.

Одной из самых характерных черт является противопоставление старого и нового; заблуждения человека относительно нового образа жизни подвергнуты сатирическому смеху. Сильны и ощутимы сказовые интонации, создающие

эффект достоверности повествуемых событий. Наблюдается аллегоричность, притчеобразность повествования.

Каковы причины обращения писателей к сказке и сказочной эстетике? Конечно, прежде всего – традиция, привлекательность формы, востребованность народным сознанием. Важно и то, что сказочный жанр позволяет скрыто, не напрямую, отметить недостатки, критически обрисовать ситуацию, героя и т.д. М.Н. Липовецкий справедливо подчеркивает: «Сказочная традиция в данном случае необходима как наиболее демократичный и созвучный авторскому замыслу знак народной культуры, народного сознания в целом» [8, с. 77]. И все-таки сказочный жанр в контексте удмуртской новеллистики 1920–30-х гг. занимал скромное место. Сама атмосфера послереволюционного десятилетия не была «сказочной». Кроме того, сказка, с ее классической установкой на недостоверность, фантастичность и т.д., по-видимому, не совсем подходила для решения тех идеологических задач, которые ставились перед писателями в этот период: она уводила от реальности. Как правило, сказочные элементы растворялись в произведениях, созданных в других жанрах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Багай Аркаш*. Озы меда? = Так ли? // Гудыри (Гром). – 1928. – 4 мая.
2. *Баженов, Д.* Выжыкыллы удмурт гуртэ сюрес сётоно = Сказке надо дать дорогу в деревню // Гудыри (Гром). – 1928. – 29 января.
3. *Гецевичюте, М.П.* Жанровый секрет сказки // Словесность и современность. Материалы научной конференции 23–24 ноября 2000 года. Пермь. В 3-х частях. Часть 1. Литературоведение. – Пермь, 2000. – С. 37–45.
4. *Ильин, М.* Музьем кыедан сярсы = Об удобрении почвы. – Казань, 1920. – 20 с.; *Ильин, М.* Пеньлэн пайдаез = Польза золы. – Казань, 1920; *Русских, П., Усков, П.* Зегуд сиись нумыр но соин нюръяськон = Осимой червь и борьба с ним. – Ижевск, 1926. – 40 с.; *Ашальчи Оки*. Мар тодиз трахома сярсы Карпа агай = Что узнал дядя Карп о трахеме. – Ижевск, 1930. – 32 с.
5. История русской литературы XX века (20–50-е годы): Литературный процесс. Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. – 776 с.
6. *Корепанов, Д.* Ортчем сюресэз выльдан = Обновление пройденного пути // Кылбурет удысын. – 1934. – № 9–10. – С. 92–94.
7. «Кызы поп инме тубиз» = «Как поп на небо поднялся»). Сказка // Кылбурет удысын. – 1934. – № 7. – С. 39–41; «Визьтэм но пушмули» = «Глупец и лесной орех». Сказка // Кылбурет удысын. – 1934. – № 7. – С. 36–38.
8. *Липовецкий, М.Н.* Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 184 с.
9. *Мелетинский, Е.М.* Поэтика мифа. 3-е изд., репринт. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с.
10. «Попен работникеныз» = «Поп с работником» // Кылбурет удысын. – 1934. – № 11–12. – С. 105–107; «Кырныж вузчи» = «Торговец-ворон» // Кылбурет удысын. – 1934. – № 11–12. – С. 108–109; «Егит поп» = «Молодой поп» // Кылбурет удысын. – 1934. – № 8. – С. 63–64.
11. *Пропт, В.Я.* Русская сказка. – М., 2000. – 416 с.
12. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. – Л.: Наука (ЛО), 1979. – 437 с.

13. Шушакова, Г.Н. Взаимосвязь фольклорных и литературных элементов в поэме Кузубая Герда «Гондырьёс» («Медведи») // Кузубай Герд и современность: материалы Междунар. науч.-практич. конф. (31 марта – 2 апреля 2008 г., г. Ижевск). – Ижевск: ООО Информационно-издательский центр «Бон Анца», 2008. – С. 159–164.

Поступила в редакцию 16.09.2010

S.T. Arekeeva

An Udmurt literary fairy tale of 1920-1930s

Kinds and forms of fairy-tale principles in Udmurt novels of 1920–1930s are studied. Some specific features of the Udmurt literary fairy tale of this period are revealed and factors caused its idea and artistic originality are emphasized. A number of texts has been analyzed where features of other genres appear together with fairy-tale aesthetics.

Key words: Udmurt literary fairy tale, children's fairy tales, fairy tales for adults, fairy-tale poetics, artistic synthesis, folk and poetic base of literary fairy tale.

Ареева Светлана Тимофеевна

кандидат педагогических наук, доцент,

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

E-mail: sveta.arekeeva@gmail.com

О.М. Мельникова

**АРХЕОЛОГИЯ НА СТРАНИЦАХ
«ВЯТСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»***

Развитие региональных историко-научных и историографических исследований требует обращения к источникам, которые не столь часто становятся предметом специального изучения. Один из них – «Вятские епархиальные ведомости», на страницах которого поднимались различные вопросы развития археологии, в том числе связанной с изучением истории финно-пермских народов Вятской губернии.

Ключевые слова: история археологических знаний, археология финно-пермских народов, православные священники об археологии.

Развитие историко-научных и историографических знаний о региональной археологии требует постоянного приращения источников, в которых отражен сложный путь развития науки. Особенно это важно при изучении истории археологии в российской провинции, где существовали иные, отличные от столиц, пути, формы и способы развития научного знания.

Вт. пол. XIX – нач. XX вв. в Вятской губернии – время, когда археология начинает приобретать собственные региональные очертания благодаря подвижнической деятельности представителей разных сословий. В основе их интереса к древностям лежали разные мотивы, отличается и мера их вклада в развитие науки. Среди тех, чья деятельность способствовала становлению и развитию провинциальной археологии, были православные священники.

В имперский период развития страны священнослужители были представителями немногочисленного просвещенного слоя. Это позволило духовным лицам оставить свой след и в такой специфической области знания, как археология. В советское время их роль в археологической науке была незаслуженно «забыта», хотя значительная доля профессиональных историков (в том числе и

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ грант №10-01-80107а/У «Пастыри о пастве: археология и этнография финно-угорских народов Камско-Вятского региона на страницах православной периодической печати».

археологов) в России вт. пол. XIX – нач. XX вв. вышла из среды духовенства. Достаточно назвать имя выдающегося российского археолога В.А. Городцова, не имевшего университетского исторического образования, но окончившего Рязанскую духовную семинарию. Духовные семинарии по уровню образования и финансирования были соизмеримы тогда с гимназиями. Поэтому не случайно русское духовенство стало важным источником формирования гуманитарной (творческой и научной) интеллигенции в России [1].

Одним из главных направлений развития церковно-исторической науки в России была церковная археология, получившая широкое общественное развитие: в губернских и провинциальных городах создавались комиссии, комитеты, общества, занимавшиеся охраной, описанием, изучением, реставрацией местных церковных древностей и даже попытками их археологических раскопок. Такие исследования осуществлялись и в Вятской губернии и были органичны для деятельности священнослужителей, хотя для многих из них и неочевидны. Церковная археология стала предметом интереса небольшой части священнослужителей, и потому это направление деятельности православной церкви требует специального историко-научного изучения.

Не менее интересной и весьма специфичной для духовных лиц представляется их работа в области первобытной, дописьменной археологии, связанной с изучением древностей, оставленных предками финно-пермских народов края. Обращение к этой сфере деятельности могло быть мотивировано исключительно любопытством перед неизвестным. Но, одновременно, в этом был и профессиональный интерес: миссионерская деятельность требовала не только численного приращения сторонников православной веры, но и понимания поступков, действий обращенной в христианство финно-пермской паствы, в том числе и через сохранившиеся археологические древности, исследование которых, естественно, носило во многом случайный характер. Как отмечает специалист в области российской провинциальной историографии В.А. Бердинских, «гуманитарная нацеленность полученного образования, функции регистратора течения времени в приходе (рождений, браков, смертей), наличие в приходской церкви архива – все это делало приходского священнослужителя сельским историком поневоле, влияло на его мировоззрение, круг занятий. Близость и сопричастность ко всем крестьянским праздникам превращала его в определенной мере в этнографа, превосходно знавшего все местные обычаи и обряды. В определенном смысле слова, русское православное приходское духовенство было потенциально со-словием историков» [2].

Среди различных историко-научных источников, в которых отразилась археологическая деятельность как служителей церкви, так и светских лиц, следует назвать специальное церковное издание «Вятские епархиальные ведомости», выходившее в губернии с 1863 по 1918 год.

В России «Епархиальные ведомости» были официальным церковным изданием. Но в своей структуре они всегда содержали и неофициальную часть, в которой регулярно печатались статьи и документы исторического и краеведческого характера: обозрения поездок архиереев, их дневники, содержавшие описание приходов, характеристику священнослужителей, дневники, отчеты о

миссионерских поездках, этнографические заметки, относящиеся к местному населению, исторические статьи о епархиальных учреждениях, духовно-учебных заведениях [3].

По примеру соседних епархий «Вятские епархиальные ведомости» выходили два раза в месяц и имели два отделения: официальное и духовно-литературное (неофициальное). В последнем предполагалось, в том числе, давать особо интересные исторические и статистические сведения о Вятской епархии [4]. Издание готовилось в недрах Вятской семинарии и распространялось по подписке во всех духовных правлениях, духовно-учебных заведениях, монастырях, соборах и церквях епархии [5].

Будучи в большинстве мест губернии единственными просвещенными людьми, священнослужители активно интересовались историей своей паствы. Специфика социального поведения и мотивов, определяющих их групповой менталитет, предопределила особенности содержания их исследований в области археологии. Безусловно, для большинства из них археологические исследования носили стихийный любительский характер. Однако в них со всей очевидностью видна степень влияния церковно-исторической науки. Не случайно среди деятелей вятской археологии мы видим не только священников, но и светских деятелей, получивших духовное образование.

Так, епископ Сарапульского викариатства Мефодий (в миру М. М. Великанов), бывший в 1909-1914 гг. ректором духовной семинарии в Санкт-Петербурге, и В.Г. Ананьин, наблюдатель церковно-приходских школ в Сарапуле, стали одними из учредителей авторитетного «Общества изучения Прикамского края». Выпускник Вятского духовного училища А.М. Васнецов станет впоследствии действительным членом Московского археологического общества, а в 1906 г. – его председателем. А.С. Верещагин, одна из наиболее ярких фигур вятской провинциальной историографии, родился в семье дьякона, закончил Вятскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию. Он преподавал в Вятской духовной семинарии и был смотрителем Вятского духовного училища. А.С. Верещагин – один из инициаторов создания Вятской ученой архивной комиссии, редактор ее «Трудов», автор более 40 работ по истории древней Вятки. Г.Е. Верещагин – священнослужитель, православный миссионер, наряду с этнографией удмуртов, интересовался и археологическими древностями. Исследованиями в области церковной археологии был увлечен Я.Ф. Мултановский, учившийся в Вятской духовной семинарии и затем служивший в сельских церквях Яранского уезда Вятской губернии. Священник г. Яранска Ф.П. Мышкин оставил о себе память как собиратель коллекций каменных орудий в Ситкинской и Водозерской волостях Яранского уезда. И.М. Осокин, за плечами которого была и Вятская духовная семинария, и Казанская духовная академия, проявил интерес к церковной археологии и к древностям финно-пермских народов края. Одна из наиболее значимых фигур в истории археологии Удмуртии, Н.Г. Первухин окончил Московскую духовную академию, что, несомненно, способствовало глубине его изысканий в области археологии древних удмуртов. Выпускник Вятской духовной семинарии А.А. Замятнин преподавал в Елабужском духовном училище, был членом ВУАК, оказывал помощь в создании Церковно-археологического

музея в г. Вятке. За плечами профессионального археолога П.И. Кротова, председателя комиссии Общества археологии, истории и этнографии по составлению археологической карты Казанской губернии, была Вятская духовная семинария. Ее выпускником был также будущий член-корреспондент АН СССР этнограф Д.К. Зеленин [6].

В.Д. Емельянов, выпускник Вятской семинарии и Петербургской духовной академии, преподавал историю в Вятском женском епархиальном училище, являлся наблюдателем епархиальных церковных школ. В 1905–1912 гг. он – редактор «Трудов» ВУАК. Обучение в Петербургском археологическом институте позволило ему в статье «О необходимости изучения Вятского края в археологическом отношении» профессионально акцентировать внимание на изучении дохристианских древностей населения края: «ВУАК имеет своей прямой задачей облегчение трудности исследования истории края путем собирания документов, сосредоточения их в своем архиве для хранения и удобства пользования желающим заниматься изучением их. Она печатает сообщения по первобытной археологии: о местонахождении городищ, могильников, их систематических или случайных раскопках, о случайных находках предметов каменной, бронзовой и железных эпох. Тяжелое материальное положение ВУАК заставляет нас обратиться ко всем интересующимся историей и стариной края объединиться вокруг ВУАК для дружного изучения их, для собирания и хранения предметов старины, с просьбой к просвещенному обществу, городам и земствам придти на помощь материальными средствами для организации музея древностей и расширения деятельности ВУАК» [7]. В.Д. Емельянов указывал, что «собирание и сохранение памятников местной истории есть дело общества, сознательно и с интересом относящегося к жизни своих предков. О ранней истории Вятки почти нет письменных источников, поэтому велика необходимость археологических исследований и музея как хранилища источников материальных» [8].

В полиэтничной Вятской губернии актуальным был интерес к истории «инородческого населения»: «вотяков, черемис, чувашей» во всех отношениях. Изучение археологических древностей удовлетворяло и собственное любопытство к древней истории родного края, поскольку священники Вятской губернии имели по большей части местные корни, были представителями, в том числе, финно-пермских народов. Сочетание пастырского долга с родиноведческим интересом позволило им включить в круг своих профессиональных обязанностей и археологические изыскания.

Поэтому в «Вятских епархиальных ведомостях» уделяется внимание различным проблемам археологии местных народов, развитию археологии как научного направления и конкретным аспектам изучения и интерпретации археологических памятников Вятской губернии.

В одном из номеров за 1910 г. анонимный автор в статье «Важность прошлого» горячо доказывает значимость археологии. Цитируя своего коллегу из «Псковских епархиальных ведомостей», он ставит актуальные задачи археологического изучения Вятского края: «Каждая переживаемая человечеством эпоха находится в непрерывной связи с прошлым, настоящее наше духовное развитие имеет свои корни и основания в глубине веков, в наследии других народов. К сожалению, среди современников

приходится слышать, что заниматься изучением прошлого – значит напрасно тратить время, что археологические находки мертвы и бесполезны. Очевидно, эти люди забывают, что для творческой мысли науки нет существенной разницы между живым и мертвым, между прошлым и настоящим. По закону причинности из мертвого возникает живое, и настоящее есть следствие, результат прошлого. От прошлого к настоящему идет бесконечная цепь явлений, друг друга обуславливающих, друг от друга зависящих, – и нельзя вынуть звена этой могучей цепи, чтобы настоящее не зависело от прошлого, будущее от настоящего, действительность от истории, новое от памятников старины... И общественные науки, от развития которых зависит в значительной степени и общественное устройство, черпают материал в науках исторических и археологических. Историк, археолог останавливается перед прошлым, как бы задавая вопрос: «Скажи нам, прошлое, как устроить настоящее и что ожидает нас в будущем?» [9].

Другой важный взгляд, изложенный в «Ведомостях» отражает понимание значения археологии как науки: «Историк, изучающему прошлую судьбу Вятского края, должны быть особенно дороги так называемые вещественные памятники старины, по которым можно судить, как жили прежде наши предки, какие обычаи они имели, как одевались, как обставляли свои жилища и прочее. Но еще, пожалуй, важнее проследить высшие запросы их души: их верования, религиозные обряды» [10]. Для ответов на столь широкий спектр вопросов, анонимный автор предполагает исследовать разнообразный круг археологических источников: «В разных местах России, в том числе, и в Вятской губернии, встречаются до сих пор остатки древних городищ, курганы и могилы, и добытые из них путем раскопок предметы: оружие, монеты, металлические вещи, украшения, сосуды и прочее проливают свет на доисторический быт обитателей Восточной Европы» [11].

В статье обращено внимание на такой важный момент в их изучении, как методический: «Нужно быть специалистом, чтобы судить правильно о старинных вещах, разбираться в разных вопросах, связанных с археологической ценностью. Поэтому для лиц, интересующихся родной стариной, но не занимавшихся ранее археологическими изысканиями, необходимы некоторые указания» [12].

Эти указания нашли отражение в статье, посвященной роли, задачам и полномочиям Императорской археологической комиссии и ее взаимоотношениям с православной церковью в деле изучения археологических памятников [13].

Интересно, что занятия археологией для священнослужителей воспринимаются авторами заметок в «Ведомостях» как деятельность в рамках единой мировой археологической науки, хотя и с российской спецификой. В одной из работ указывается: «Западный мир давно сознал, какое важное значение для развития ума, современной науки и искусства имеет изучение прошлых эпох. Он смотрит на дело изучения старины, не как на забаву от безделья богатых людей, но как на серьезное дело. Там при университетах открываются кафедры. Новая наука быстро завоевала себе почетное место среди прочих высших наук, так что скоро стала ощущаться потребность для изучения старины, в целых самостоятельных учебных заведениях. И вот в Западной Европе образовалась целая сеть археологических институтов. Идет оживленная работа ученых: всюду направляются

геологи, археологи, историки. Изучаются памятники давно прошедших эпох, исследуются пласты земли. Музеи Лондона, Рима, Берлина, Парижа заполняются ценными коллекциями с последних раскопок в Египте, Палестине, Индии. Открыты Иерихон, Троя и Микены. Так прилежно работают ученые запада: англичане, французы, итальянцы и германцы. У нас в России работают только отдельные личности, труды которых известны ученому миру. Но сделанное – капля в море в сравнении с предстоящими грандиозными трудами. Много памятников седой старины в нашем отечестве не исследовано совсем. Много гибнет дорогих памятников, благодаря невежественному и даже намеренно злому отношению к ним обывателей. Поэтому большую службу может сослужить родной старине духовенство, если оно, объединившись, выяснило бы на местах, какие в их приходах имеются достопримечательности, и приняло участие в их сохранении от расхищения и разрушения» [14].

Авторы статей, знакомые с археологией, подчеркивают сложный, кропотливый характер этой исследовательской деятельности, требующей трудолюбия и выносливости: «Собирание сведений о древностях при обилии предметов, подлежащих изучению, требует продолжительных разъездов, массы утомительных мелочных справок, так что одному лицу, например, заведующему музеем, не под силу выполнить этот труд. Требуется широкое содействие интересующихся родной стариной лиц, которые сочувствовали бы делу и могли бы оказать ему пользу. Вятское духовенство, к счастью, зарекомендовало уже себя с этой стороны» [15].

Среди тех, кто активно проявил себя как археолог-собиратель сведений о древностях (как церковно-археологических, так о древних обитателях края), на страницах «Ведомостей» особо упомянуты различные деятели: «О. А. Чемоданов известен своими находками каменного века; о. Николай Блинов – своими научными трудами по этнографии, истории и статистике края (историч. Очерк Сарапула, языческий культ вотяков и др.) и проч. Можно указать о. Яковлева (религиозные обряды черемис), протоиерея Вишневого (из записок о религиозных верованиях чуваш), о. Рекеева (из чувашских верований и преданий). Прот. Никитниковым в Вят. Епарх. Вед. помещено несколько археологических описаний» [16].

Особый интерес к древностям обитателей Вятского края, отразившийся на страницах «Вятских епархиальных ведомостей», проявил смотритель Вятского духовного училища И.М. Осокин (1864–1921). Во время церковно-археологической экскурсии по церквям Слободского уезда в июле 1914 г. он исследовал археологические памятники, которые находились на территории церквей. Так, в его описания попали четыре археологических памятника – Никульское (известное сейчас как Никульчинское. – *О.М.*), Спасо-Подчуршинское, Шестаковское, Слободское городища. В описаниях памятников автора особенно привлекают укрепления городища: естественные (овраг, река) и искусственные (вал, ров) [17]. Более подробный отчет о поездке был опубликован им позднее на страницах «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» [18]. Для археологов весьма интересно сравнить публикации в разных изданиях, казалось бы, на одну и ту же тему. В этом сравнении могут обнаружиться отдельные разночтения и

проявится движение исследовательской мысли от одной публикации к другой, что, несомненно, полезно для понимания зарождения научного знания.

Изучение изданий, подобных «Вятским епархиальным ведомостям», полезно в уточнении современной археологической карты Удмуртии. Так, в одной из заметок за 1890 г. в историческом описании с. Укан Глазовского уезда приводятся сведения об археологических памятниках удмуртов. «Здесь по правому берегу р. Чепцы были уже поселения крупные – городища, как-то видим из названия “Учка-кар” (около д. Кушман Люмской волости, в 20 верстах от с. Укан), “Гурья-кар” (деревня Базезинской волости), “Пор-кар” (местность гористая около села Укана), “Ука”. Существует предание, что на берегу р. Лекмы где находится село Укан, на высоком берегу жил языческий князь по имени “Ука”, от чего будто бы и произошло название села Укан... Вотяки спокойно среди дремучих лесов и вблизи рек Чепцы и Лекмы могли заниматься звероловством, рыболовством, пчеловодством – последним особенно успешно по обилию тогда леса липового. В сей местности существовало идолопоклонство, что можно указать на места погребения умерших вотяков-язычников – кладбища “шай-выл”, которые как памятники язычества сохранились вблизи рек Чепцы и Лекмы... И вот здесь в лесах, Вотьяк-язычник, свободно умилялся злого духа – Кереметя, обильными приношениями из царства животных и пернатых. Деревня Кычинская находилась ближе к реке Лекме (саженной на 500). Как признаки старого жилья, указывают погребные и овинные ямы; на сих местах находили серебряные вещи: браслеты (поскэс), кольца» [19].

Конечно, первобытная археология на страницах «Вятских епархиальных ведомостей» представлена весьма скромно по сравнению с церковной археологией. Однако она дает представление о том, как постепенно формировались и изменялись исследовательские интересы священнослужителей. В сочетании с этнографическими свидетельствами сведения «Ведомостей» дополняют наше представление об исследовательском интересе к финно-пермским народам губернии. Соединенные с историко-антропологическим анализом и изучением работ по истории финно-пермских народов, выполненных православными священниками, они позволят осмыслить методологию исследований, оценить их реальный вклад в становление археологической науки в провинции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бердинских, В.А. Уездные историки: российская провинциальная историография. – М., 2003. – С. 224.

2. Там же. С. 225.

3. Троицкий, А. Православная энциклопедия //URL: <http://www.pravenc.ru/text/190001.html> (дата обращения 30.04.2010).

4. Вятские епархиальные ведомости. – 1863. – № 1. – С. 5–6.

5. Берестова, Е.М. «Вятские епархиальные ведомости» как источник информации о церковной жизни. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle> (дата обращения 27.01.2010)

6. Мельникова, О.М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Биобиблиографический словарь-справочник. – Ижевск: УдГУ, 2007. – 118 с.

7. ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 268.
8. Там же.
9. Вятские епархиальные ведомости. – 1910. – № 33. – С. 132–133.
10. Вятские епархиальные ведомости. – 1910. – № 24. – С. 695.
11. Там же.
12. Там же.
13. Вятские епархиальные ведомости. – 1912. – № 31. – С. 779–786.
14. Там же. С.1033–1034.
15. Там же. С.700.
16. Там же.
17. *Осокин, И.* Отчет о церковно-археологической экскурсии по церквям Слободского уезда в июле 1914 г. // Вятские епархиальные ведомости. – 1915. – № 16. – С. 487–488.
18. *Осокин, И. М.* Отчет о церковно-археологической экскурсии по церквям Слободского уезда в июле 1914 г. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. 1. – 1915. – С. 17–27.
19. *Шерстенников, А.* Исторические сведения о селе Укан и Уканском приходе Глазовского уезда // Вятские епархиальные ведомости. – 1890. – № 4. – С. 88–91.

Поступила в редакцию 09.09.2010

О.М. Melnikova

Archeology on the pages of “Vyatka eparchial sheets”

Development of regional historical, scientific and historiographic studies requires the access to the sources which become an object of a special study not so often. One of them is “Vyatka eparchial sheets” where different questions of archeology development which was also connected with the study of Finno-Perm people of Vyatka province were asked.

Key words: history of archeological knowledge, archeology of the Finno-Perm people, orthodox priests about archeology.

Мельникова Ольга Михайловна,

доктор исторических наук,

профессор кафедры археологии и истории первобытного общества,

ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

г. Ижевск

E-mail: lvovich@udm.ru

УДК 39

А.Е. ЗАГРЕБИН

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕКСТ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ:
АВТОРСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ***

В статье рассматриваются особенности этнографических описаний народов Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху Просвещения на примере сочинения Г.Ф. Миллера «Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков» (1756 г.).

Ключевые слова: просвещение, этнография, текст, автор, политическое письмо, акустическая экзотика.

Просветительские преобразования в области «книжного учения» находили благожелательный отклик со стороны как прозападно настроенной русской элиты, так и самого Запада, интеллектуальные круги которого с интересом следили за превращением жителей самых отдаленных уголков Московии в население регулярного устроенного светского государства [1]. Один из последовательных сторонников этой линии, русский историк и политик В.Н. Татищев считал важнейшей задачей правительства просвещение народов Урало-Поволжья и Сибири. С одобрением он отзывался о Швеции, где «... для лапландцев книги на их языке напечатаны». И продолжал: «Лапландцы, что у нас и гораздо дичее, нежели Мордва, Чюваша, Черемиса, Вотяки, Тунгусы и прочие», и последних «весьма легче научить». Он предлагал создать сеть школ для изучения «нужнейших языков» (в Санкт-Петербурге, Казани, Оренбурге, Астрахани, Архангельске, Тобольске и т.д.) [2].

Одну из таких миссионерских школ при Зилантовском монастыре в Казани посетили в 1733 г. участники Великой Северной экспедиции профессора Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин, причем последний описал ее устройство с поистине свифтовским сарказмом [3]. В более сдержанных формах путешественники восприняли

* Статья подготовлена в рамках Интеграционного проекта Президиума Уральского отделения РАН № 09-И-7-2001 «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте (XVIII – начала XX в.)».

информацию о миссионерских проектах казанских властей, предполагавших учредить еще четыре школы для обучения будущих проповедников христианства среди инородческого населения губернии. Иронию ученых можно списать на их молодость, но при желании в ней можно разглядеть зарождающееся в ученом сообществе сомнение в способности государственных органов, с их жесткостью и механицизмом, придать импульсы развития и обновления традиционному обществу. Тем не менее, при всем несовершенстве обучающих технологий миссионеров, практическая значимость их опытов проявляется в приобщении ранее бесписьменных народов к книжной культуре [4]. Так, текст эпического сказания, обычая и обряда начинал сосуществовать с текстами Закона Божьего и закона государственного.

Первым отечественным историком, обратившимся к возможностям периодической печати, был Герард Фридрих Миллер (1705–1783) [5]. Приехав в Россию начинающим ученым, он старался привнести в нарождающийся российский академизм дух европейского свободомыслия и «журнализма», предложив совмещение строгого научного знания с популярной формой изложения. Определяющую роль в этом стремлении сыграло редактирование им в 1728–1730 гг. «Санкт-Петербургских ведомостей» с «Примечаниями» на русском и немецком языках [6]. Умение подать новости, интерпретировать светские толки и при этом постепенно приобщать общество к восприятию культурной информации пригодится ему при дальнейшем вращении в элитарных и интеллектуальных кругах.

Научная командировка за границу подтолкнула Г.Ф. Миллера к внедрению еще одной новации, а именно: издания, начиная с 1732 г., специализированного исторического журнала «Sammlung Russischer Geschichte / Собрание российских историй» [7]. Публиковавшийся на немецком языке, журнал был одной из немногих в стране легальных трибун отечественной просвещенческой мысли и средством распространения достоверных сведений о России среди читающей европейской публики.

На волне признания Г.Ф. Миллер предложил реализовать в стране широкую программу популяризации исторических знаний, согласно которой необходимо было писать труды по отечественной истории, публиковать уже написанные, комментировать выходящие за рубежом книги о России, а также всячески поощрять местных энтузиастов, работающих над историко-географическими описаниями отдельных регионов, что было особенно ценно для развития этнографии. Он регулярно предоставлял место для публикаций такого рода в редактируемых им с 1755 г. «Ежемесячных сочинениях к пользе и увеселению служащих», где печатались работы П.И. Рычкова об Оренбургском крае и другие регионоведческие штудии [8]. Должность государственного историографа предоставляла ему свободный доступ ко всем необходимым источникам, но и принуждала занимать весьма взвешенную позицию, учитывающую мнение носителей властных полномочий. Несмотря на бдительность недоброжелателей и природную осторожность, профессору Миллеру удалось найти, вернее, самому создать канал для трансляции собственного видения острых вопросов современности – при помощи периодических изданий. Одной из важных проблем российской истории, потребовавшей от него определения гражданской позиции, стала тема

крепостничества, рассматриваемая в контексте просветительской дискуссии о свободе и несвободе человека.

Достижением Г.Ф. Миллера в области этнографии стала публикация материалов его полевых исследований в ходе Великой Северной экспедиции 1733–1744 гг., известных как «Описание трех языческих народов, а именно черемисов, чувашей и вотяков». Работа была опубликована в «Ежемесячных сочинениях...» в 1756 г., то есть 23 года спустя после знакомства автора с Урало-Поволжским регионом и его жителями [9]. Не случайно сам путешественник просит читателей: «... чтоб ему в вину ставлено не было, ежели перемены такая примечены будут, о которых он в толь давнем расстоянии ныне проведать не мог» [10].

В структурном отношении текст Г.Ф. Миллера из восьми глав на первый взгляд представляет собой сравнительно-этнографическое описание в духе европейской литературы об экзотической ойкумене, получившей распространение в эпоху Просвещения. Стилистическая и языковая символика текста фиксирует расположение автора по отношению к описываемым событиям и артефактам, позволяя установить тщательное наблюдение за его движением в исследуемом пространстве. А самому повествованию придает необходимую образность, привязку к месту и времени, в свою очередь, предоставляя возможность автору описать результаты своих поисков в «... гладких нейтральных и надежных словах» [11]. Слово ученого, наряду с констатацией эмпирического материала, также проявляется в отрывках, определяемых Р. Бартом в качестве «политического письма», заявляющего о коренной причастности автора к конкретному социальному слою или, проще говоря, принуждая его вставать на сторону тех, в чьих руках власть [12]. Особые отношения с властью в целом станут одной из характерных черт в организации полевых исследований в России, и горизонт языка, с помощью которого интерпретировались полученные сведения, будет служить своеобразной меткой-ярлыком социальной благонадежности. Миллеровский текст в этом отношении почти безупречен, оговаривая авторские дерзания соображениями государственной пользы. Вместе с тем, Г.Ф. Миллер не мог не позаботиться о форме изложения, учитывая, что его публикация должна была послужить и увеселению. Таким образом, произведение в идеале должно было совместить академичность стиля и увлекательность языка, при этом автор должен был недвусмысленно подчеркнуть научную правоту своих рассуждений.

«Описание...» вбирает в себя этническую территорию марийцев, чувашей и удмуртов, определяемую автором с помощью нескольких ключевых топонимов и гидронимов. Во-первых, это административный центр губернии – Казань. Во-вторых – бассейн р. Волги (в случае с удмуртами делается оговорка, указывающая на тяготение их поселений к реке Вятке), организующей одомашненное, но до поры скрытое от непосвященного наблюдателя пространство, ибо: «множество находящихся в сих местах лесов есть тому причиною, что все вышепомянутые народы жилища имеют или в лесах, или между лесами, и к поселению своему выбирали такая места, что каждая деревня построена при нарочитой реке, или речке, или озере...» [13]. Склонность путешественника к рациональному восприятию и освоению окружающего проявляется в специальном абзаце, посвященном региональным мерам расстояния: «Между Волгою и Камою реками по

дороге от Казани до Осы, и от Осы до Соликамской и до Чердыня, расстояния мест числятся не верстами, как обыкновенно в России, но Чумкасами» [14]. При этом слово «Чумкас», как и многие другие выделяемые по смыслу понятия и термины, пишется автором с большой буквы, что может указывать на «выделенность» этого нового понятия из общего повествовательного контекста, как и на общую «выделенность» региона из общероссийской пространственно-географической среды. В связи с этим, очевидно, неслучаен в тексте следующий отрывок: «Можно Чумкас без дальнейшей ошибки сравнить с немецкой милею, коих 15 содержится в градусе Экватора» [15].

Поселенческая структура трех описываемых народов рассматривается в связи миграционными процессами в крае, где чересполосное расселение уже давно стало реальностью, и лишь удмурты «...столь не обходительны, что с помянутыми народами сообщения не имеют, но живут везде особо» [16]. Миллер замечает также, что к названиям некоторых деревень удмурты «...прибавляют слово Пилга, а к другим не прибавляют, чему они причины показать, ни слово Пилга изъяснить не могут: но только объявляют, что оныя места их предками так прозваны» [17]. Осмелюсь предположить, что родовое имя «Пельга», действительно нередко встречающееся в этнокультурном ареале удмуртов, дает некий намек на отмеченную автором «не обходительность» удмуртов [18]: в условиях усиливающейся миссионерской деятельности русской православной церкви составные элементы традиционной религии по возможности скрывались [19]. Соответственно, консервация могла иметь место и в тесно связанной с ней поселенческой структуре.

От наблюдателя не укрылось вялое течение урбанизационных устремлений «трех языческих народов в Казанской губернии», которые, в отличие от татар, не живут вместе с русскими ни в городах, ни в слободах. Тем не менее, структурообразующий импульс государства, строящего иерархическую вертикаль посредством приобщения к городской культуре, находит свое отображение в системах власти, где имперский интерес сочетается с элементами местного самоуправления: «Все вышеописанные народы состоят в команде у градских командиров; но им дозволено выбирать из своей братьи сотников, выборных, старост и десятников для суда и расправы в их деревнях...; а буде явится кто в важном каком преступлении, то такого отсылают в город за караулом» [20]. Рядом с модернистскими тенденциями Г.Ф. Миллер отмечает распространенную у марийцев и удмуртов традицию к перемене места жительства по причине неудовлетворенности ранее сделанным выбором. С несвойственной для него легкостью он выводит ее из «бродячего» прошлого народов, правда, с некоторой долей «кажимости» пишет, что «...сие обыкновение переселения с места на место осталось еще от древних Гамаксобитов, которому последуют и ныне во всем Калмыки, Мунгалы и другие кочующие народы» [21].

Природно-географический и хозяйственный детерминизм служит для автора свидетельством наличия определенной рациональности в жизнеустройстве местных народов, в частности, в определении размеров и численности своих поселений. Таким образом, культурный ландшафт представляется Г.Ф. Миллером как освоенная еще с давних пор территория, весьма неравномерно удостоенная

историческими памятниками. В «Описании...» практически отсутствует тема любования местными красотами, но ощущения сухости также нет, поскольку автор с самого начала берет на себя роль проводника, ведущего читателя по логически осваиваемому пространству. Спокойное и пластичное повествование может объясняться еще тем, что анализируемый текст был опубликован более чем через двадцать лет после осуществленного путешествия.

Лирика, если в этом тексте вообще допустимо говорить об этом, содержится в тех отрывках, где автор дает антропологическую характеристику местным народам, в особенности представительницам женского пола. Примечательно, что для определения этнического образа, автор использует не просто традиционный в таких случаях сравнительно-сопоставительный подход, а вводит своего рода оценочные коэффициенты. Татары и Финны, словно два полюса, между которыми заключена антропометрия «трех языческих народов Казанской губернии». Г.Ф. Миллер пишет: «Черемисы и Чуваши много походят на Татар...», «А Вотяки могут уподоблены быть Финнам потому что волосы на голове и в бороде почти у всех рыжие, напротив чего у Черемисов и Чувашей оне большей части темно-русые» [22]. Интересно, по каким признакам автор соотнес удмуртов и их дальних языковых родственников, живущих, в отличие от татар, за тысячи километров от исследуемого региона? Рост, цвет и форма глаз – все является подчиненным по отношению к доминанте, которой выступает цвет волос. Следующая сентенция автора, касающаяся этнического образа, происходит из сферы более этнопсихологической нежели антропометрической: «У Вотяков примечается, что они пред прочими народами весьма упрямы и тем, равно как внешним видом, много сходствуют с Финскими крестьянами» [23].

Определяющими являются два структурно-опозиционных блока авторского утверждения о том, что «мужской пол у сих народов носит платье почти такое же, как Русские крестьяне», тогда как женское платье серьезно дифференцировано по возрастным и статусным категориям. Данное наблюдение, не раз подтвержденное затем записками других путешественников XVIII в., указывает не только на большой консерватизм женского костюма, но и на большую социальную мобильность мужского населения края, чья одежда раньше испытывает на себе процессы стандартизации и унификации. Тот факт, что неким усредненным образцом в воспроизводстве основных элементов мужского костюма чувашей, марийцев и удмуртов становится одежда русских крестьян, может также интерпретироваться как проявление этнической мимикрии, связанной с желанием мужчин успешно функционировать в политически господствующей инокультурной среде. Выезд в город, на ярмарку, обращение к властям легче было осуществлять во внешней оболочке социальной благонадежности, и в формировании благожелательного образа одежда играла не последнюю роль.

Говоря далее о женской одежде, автор пишет, что наилучшее платье принадлежит замужним женщинам, но в качестве доминанты их облика он однозначно выделяет головной убор, сравнительно-сопоставительному описанию вариантов которого отведено едва ли не 2/3 главы. Женский головной убор в представлении Г.Ф. Миллера – это не только этнодифференцирующий признак, но и важнейший элемент женской чести, без которого замужняя женщина не воспринимается как

носительница наивысшего статуса в женской иерархии. Автор приводит любопытное наблюдение, сделанное им в удмуртских селениях: «Дивиться должно, что при приезде к Вотякам посторонняго человека, хотя и поздно ночью, однако жены их пробудившись от сна слезят с печи не в ином каком, как в вышепомянутом головном уборе, что неоднократно случалось мне видеть» [24]. Кроме того, как явление типологического сходства он подмечает протекание у трех описываемых народов обрядов перехода девушек в женское состояние, когда в ходе свадебной церемонии происходит торжественная замена круглой девичьей шапочки или платка на головной убор замужней женщины, чаще всего конусовидной формы [25].

Имперский дух эпохи проявлялся порой самым неожиданным образом, подчеркивая растущий разрыв между двумя профилирующими линиями культуры. Крестьянское, простонародное, инород(ное)ческое все чаще воспринималось и анализировалось пишущими сквозь призму мифов и церемоний европеизирующегося российского дворянства [26]. Национальные особенности становились ближе и понятнее, если их удавалось соотнести с почерпнутыми из книг универсальными ценностями, формулами плац-парадов и экзотическими вещами, увиденными на карнавалах.

Маркирование пищевых предпочтений населения края начинается автором с интригующего высказывания о том, что больше всего любят они лошадиное мясо [27]. Чем можно объяснить такой оборот, нет ли здесь элемента завораживающей непосвященного читателя экзотики? Для народов, издавна ведущих оседлый образ жизни и традиционное земледельческое хозяйство (правда, с изрядной долей присваивающих элементов и лесных промыслов), эта форма питания выглядит, на первый взгляд, не совсем логично. Думается, что ответ заключен в последующих отрывках, где автор указывает: «Свиной хотя по примеру татар обыкновенно у себя не водят, однако бывая в городах, свиной у русских есть не отрицаются. А вотяки и охоту к свинине оказывают...» [28]. Известное в Европе еще с давних пор понимание всех восточных владений России как Татарии не могло не повлиять на мировосприятие Г.Ф. Миллера, использующего характеристики татаро-мусульманской культуры в качестве основного сравнительного элемента системы жизнеобеспечения описываемых этнических общностей региона. В этом случае удмурты, менее склонные придерживаться пищевого запрета на свиное мясо, видятся им как народ, в наименьшей степени испытывавший тюркское влияние. Что касается склонности к употреблению лошадиного мяса, то некий намек на происхождение этого обычая автор дает в главах, посвященных язычеству, в частности, в отрывках описывающих обряды жертвоприношений, где жертвенным животным часто выступает лошадь [29].

Впервые столкнувшись с практически полным отсутствием привычных ему письменных текстов, за исключением довольно скудной архивной переписки, Г.Ф. Миллер осознает, что весь прежний опыт неэффективен и это расшатывает его уверенность. Признаться себе в этом трудно, поэтому автор с горечью восклицает: «Все сии народы препровождают житие свое в крайнем невежестве. Нет у них ни писем, ни книг...» [30]. Неслучаен интерес Миллера к надписям на татарском и армянском языках, обнаруженных им на развалинах столицы древнебулгарского государства [31], а также пристальное внимание к трудам

предшественников – итальянца А. Гванини, голландца Н. Витсена, и в особенности немцев – А. Олеария и Ф.И. Страленберга, в разное время побывавших в восточных областях России.

Скрывая постигнутою его неудачу в попытках собрать местные исторические предания, Г.Ф. Миллер пишет: «Сперва думал было я получить от них какия нибудь хотя неясные и с баснословными обстоятельствами смешанные известия о состоянии их в древние времена, о происхождении их, о прежних их жилищах, о бывших у них войнах, и о прочем, что надлежит до их истории: но без успеху» [32]. Причины неудачи он видит в консервативно устроенных механизмах передачи исторической памяти, отвергающих все, что не связано с «языческим законом». Но далеко не с первого взгляда и, наверное, даже не со второго, открывается полевому исследователю сложный и многослойный мир религиозных верований и мифологических представлений этноса.

Заслуга и пионерская позиция Г.Ф. Миллера в освещении этого сюжета заключается в том, что он попытался вдумчиво подойти к выявленному им краеугольному камню региональной идентичности (рассмотрение дохристианских обычаев и обрядов марийцев, чувашей и удмуртов занимает около 60 % в объеме текста «Описания...»). Конечно, его дескрипция, под общим механистичным влиянием ранней компаративистики, излишне схематизирована: «У всех трех языческих народов языческой закон один, и обряды притом почти сходны» [33], но в целом она не препятствует развитию основной авторской мысли, к которой Миллер исподволь приводит заинтересованного читателя. Местная история существенным образом отличается от модели, принятой в европейской книжной традиции. Это не текст хронографа или послания, это текст живого разговорного языка, текст религиозного обряда и, наконец, это текст этнографического факта и артефакта. Постигание местной истории невозможно осуществить лишь силой разума, поэтому встреча с этнографической реальностью чрезвычайно важна для человека науки, давая ему возможность почувствовать себя первооткрывателем, казалось бы, уже давно известных истин, возвращая способность восприимчиво относиться к окружающему миру.

М.М. Бахтин писал, что «автор должен быть, прежде всего, понят из события произведения как участник его, как авторитетный руководитель в нем читателя» [34]. В данном случае слово автора реализуется не только в способности «расколдовывания» для читателя малоизученного мира «трех языческих народов», но и в новизне самого подхода к исследуемому пространству. Труд Г.Ф. Миллера стал по сути первым опытом историко-географической и хозяйственно-культурной классификации народов края. Представленная точка зрения основывается на рассмотрении этнических культур в пределах культурного ландшафта, ранее освоенного местными народами и ныне осваиваемого путешественником. Подчеркиваемый автором синкретизм встреченных им культур найдет впоследствии немало критиков, особенно со стороны приверженцев лингвистического подхода, но и своих сторонников, справедливо указывающих на явления региональной идентичности и природно-экологической детерминированности. Правда, неясно осознавал ли сам автор принципиальную новизну своего подхода и степень собственного противопоставления авторитетам.

Как автор «Описания...» Г.Ф. Миллер держит в руках две книги – труды А. Олеария и Ф.И. Страленберга, сверяя по ним свой путь. Взятые в дорогу, по всей видимости, из академической библиотеки, они стали в буквальном смысле его проводниками на необъятных пространствах Восточной России [35]. С их помощью автор взвешивает личные наблюдения на образовавшихся историографических весах и тем самым пытается добиться объективизации фактов. Миллеровское отношение к работам предшественников различно еще по той причине, что имевшиеся в его распоряжении тексты различны по своей языковой природе и по способности передавать авторскую мысль. Письмо А. Олеария нуждается скорее в комментировании, тогда как письмо Страленберга, практически его современника, уже достойно критики. Или, как замечает М. Фуко, критика судит и профанирует язык, комментарий фетишизирует текст [36]. Профессор Миллер, таким образом, пытается удержаться в рамках эрудитской традиции, предлагающей цитирование и комментирование текстов [37]. В этом отношении он часто отходит от воспринятой фольклорно-этнографической новизны в пользу аналитической весомости и критической направленности.

Давлению красочной эмпирики автор пытается противопоставить давно и прочно усвоенный постулат – верить, а тем более доверять можно лишь письменному тексту, в качестве которого здесь выступают труды предшественников и письменные памятники древности. Здесь мы видим ученого – представителя письменной культуры, оказавшегося в нестандартной ситуации «акустической экзотики» [38]. Вместе с тем, присущая Г.Ф. Миллеру острота исследовательского чувства позволила ему понять, что успех научного предприятия зависит также от умения работать в пограничных областях (по)знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: *Левин, Ю.Д.* Английский журнал «Московит» (1714) // Восприятие русской культуры на Западе. – Л., 1975. – С. 7–23.

2. Цит. по: *Степанов, Н.Н.* В.Н. Татищев и русская этнография // Труды института этнографии АН СССР. – 1956. – Т. 30. – Вып. 1. – С. 79.

3. «Мы страстно хотели видеть его и скоро увидели: это была машина, имеющая вид цилиндра, на которой висел сюртук. Она имела голову с узким лбом, острым носом и бледными щеками. Около этой машины, которая вслед тем была выдана за философа, стояли чувашские, черемисские, мордовские, калмыцкие и татарские мальчики, которые этой машиной ежедневно наставляемы были в философии. Хотя они еще немного умели по-русски, но машина эта ухитрялась как-то вместе с языком (русским) сообщать им философию». Цит. по: *Харлампович, К.* Известия И. Гмелина о Казани и казанских инородцах (1733) // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 1904. – Т. 19. – С. 260.

4. См., например: *Красильников, А.Г.* Этапы аккомодации удмуртской культуры к письму // Первой удмуртской грамматике 225 лет. – Ижевск, 2002. – С. 175–180.

5. *Алпатов, М.А.* Неутомимый труженик. О научной деятельности академика Г.-Ф. Миллера // Вестник Академии наук СССР. – 1982. – № 3. – С. 115–117.

6. *Алпатов, М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XVIII – первой половины XIX в. – М., 1985. – С. 19–27.

7. *Примаковский, А.П.* Первый научно-популярный журнал в России // Вестник АН СССР. – 1955. – № 5. – С. 64.

8. *Матвиевский, П.Е., Ефремов, А.В.* Петр Иванович Рычков (1712–1777). – М., 1991. – С. 53, 115–116.

9. *Загребин, А.Е.* Г.Ф. Миллер и его «Описание трех языческих народов в Казанской губернии...» // *Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien.* – 2005. – Bd. 3. – S. 92–104.

10. *Миллер, Г.Ф.* Описание трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих, при Императорской Академии наук. – СПб., 1756. (июль) – С. 34.

11. *Фуко, М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994. – С. 160.

12. *Барт, Р.* Нулевая степень письма // Семиотика. – М., 1983. – С. 315.

13. *Миллер, Г.Ф.* Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 36.

14. Там же. С. 37.

15. Там же.

16. *Миллер, Г.Ф.* Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 38.

17. Там же. С. 39.

18. *Атаманов, М.Г.* По следам удмуртских воршудов. – Ижевск, 2001. – С. 82–85.

19. *Владыкин, В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994. – С. 275–283.

20. *Миллер, Г.Ф.* Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 40.

21. Там же. С. 39.

22. *Миллер, Г.Ф.* Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 41–42.

23. Там же. С. 43–44.

24. *Миллер, Г.Ф.* Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 47–48.

25. Пожалуй, самое оригинальное сравнение данного типа головного убора, встречающегося как у западно-финских, так и у восточно-финских народов, было сделано русским путешественником Ф.О. Туманским, работавшим в конце XVIII в. среди води и ижоры в Ингерманландии и проводившим такую аналогию: «пайкас» вожанок – «шапка подобная гренадерским...». См.: *Шлыгина, Н.В.* Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. – М., 1986. – С. 215.

26. См., например: *Уортман, Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – М., 2002. – Т. 1. – С. 390–434.

27. *Миллер, Г.Ф.* Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 49.

28. *Миллер, Г.Ф.* Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 49.

29. Культ коня, с давних пор распространенный среди народов Волго-Камья, за долгие годы своего существования, вероятно, приобрел и бытовые реминисценции, касающиеся пищевых и вкусовых предпочтений, не исключая, впрочем, возможных инноваций со стороны тюркской традиции. См., например: *Худяков, М.Г.* Культ коня в Прикамье // Известия Государственной академии истории материальной культуры. – 1933. – Вып. 100. – С. 251–280.

30. *Миллер, Г.Ф.* Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 54–55.

31. Там же. С. 36.

32. Там же. С. 55.

33. *Миллер, Г.Ф.* Описание трех языческих народов в Казанской губернии... С. 119.

34. *Бахтин, М.М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб., 2000. – С. 225–226.
35. *Андреев, А.И.* Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. 1. – С. 61.
36. *Фуко, М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. С. 113–114.
37. *Барз, М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. С. 308.
38. *Загребин, А.Е.* Автор и авторитет(ы) в «Описании трех языческих народов в Казанской губернии...» Г.Ф. Миллера // Семиозис и культура. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 1. – С. 101.

Поступила в редакцию 30.09.2010

А.Е. Zagrebin

The Ethnographical Text and the Project of Enlightenment: authors interpretation

The article is devoted to the problem of specific in ethnographical description the people of Middle Volga and Pre-Ural region in the time of Enlightenment.

Key words: Enlightenment, ethnography, text, author, political writing, acoustical exotic.

Загребин Алексей Егорович

доктор исторических наук, профессор,
Учреждение Российской академии наук

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
г. Ижевск

E-mail: zagreb72@izh.com

И.Б. Семакова

**О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННЫХ
СМЫЧКОВЫХ ХОРДОФОНОВ ФИННО-УГОРСКИХ
И СОСЕДНИХ С НИМИ НАРОДОВ**

Статья посвящена проблеме развития традиционных фрикционных хордофонов (смычковых инструментов) на материале музыкальной инструментальной культуры финно-угорских народов России, Финляндии и Эстонии с учетом аналогичных традиций народов Центральной Азии. Круг рассматриваемых вопросов определяется структурно-технологическими и функциональными аспектами, как то: наличием в культуре каждого из народов корпуса хордофонов и количественным отношением занимаемых в нем фрикционных хордофонов; описанием традиционных смычков и особенностей их строения, влияющих на архитектуру инструмента и исполнительскую традицию на нем; наличием в конкретных этнических культурах традиций подставок под струны и рассмотрением возможных путей становления этой важнейшей с позиций развития традиции изготовления фрикционных хордофонов и музицирования на них.

Ключевые слова: фрикционные хордофоны, смычок, подставка, технология изготовления.

Одной из характеристик современного российского, как части мирового, поликультурного пространства является стремительное возрождение и распространение традиционных музыкальных инструментов и исполнительства на них. В целях более глубокого общетеоретического анализа этих явлений необходимо изучить некоторые маркеры в культуре прошлого. Объектом исследования избраны традиционные смычковые музыкальные инструменты или, иначе, традиционные фрикционные [1] хордофоны [2].

Библиография этого вопроса обширна. Среди важнейших отметим труды по сбору и классификации традиционных музыкальных инструментов В. Майиона [3], Э.М. Хорнбостеля и К. Закса [4], исследования французского историка Э.Э. Виолле-ле-Дюка [5], русского и советского музыканта Н.И. Привалова [6], финляндских музыковедов О. Андерссона [7], А.О. Вяйсянена [8], Р. Ниемине-на [9], историка музыки Ирландии А. Брафорда [10], советского исследователя В.П. Даркевича [11], практическую и теоретическую деятельность российского реконструктора музыкальных инструментов В.И. Поветкина [12], исследователя

и мастера смычков из Австралии С.В. Муратова, музыковед из Казахстана Г.Н. Омаровой [13] и других.

В последние годы появилось много разработок темы на примерах региональных инструментальных традиций. Прежде всего, это методически важные работы И.В. Мациевского (С.-Петербург) и его соратников – П.И. Чисталева (Сыктывкар), В.И. Яковлева (Казань), В.Н. Демина (Улан-Удэ), О.М. Герасимова (Йошкар-Ола), С.Н. Кунгурова (Ижевск) и других. И все-таки, на этом фоне необходимо выделить принципиально новые концептуальные изыскания о хордофонах тувинцев, выдвинутые В.Ю. Сузукей (Кызыл–С.-Петербург) [14], а также исследователя исламской музыкальной культуры, в частности арабских хордофонов, Т.М. Джани-Заде (Москва) [15].

Немецкий исследователь В. Бахманн в монографии «Die Anfänge des Streichinstrumentenspiels (Истоки исполнительства на струнных инструментах» [16]), рассматривающим этнокультурные процессы до XIII вв., вслед за К. Заксом доказательно сформулировал постулат о том, что смычковые хордофоны появились в Европе в IX–X вв. в результате их заимствования европейцами у народов Центральной Азии с последующей технологической и исполнительской адаптацией к местным условиям использования и эстетики. Заимствование это было не прямым, а опосредованным – через арабскую цивилизацию. Болгарский архитектор и историк Слави Дончев, как и его соплеменники И. Венедиктов, П. Добрев, Й. Вылчев и другие, придерживаясь исходной позиции В. Бахманна в вопросе развития этнокультурных процессов в Европе, все-таки уточняет, что иным путем заимствования культурных явлений мог быть путь через Византию [17].

В результате проделанной работы автор пришел к суждению о том, что для описания конкретной инструментальной традиции, имеющей в своем инструментальном корпусе **фрикционные хордофоны**, необходимо прояснить ряд структурно-технологических и функциональных характеристик. Нам представляются маркирующими следующие аспекты проблемы [18]:

– наличие в исследуемой локальной инструментальной культуре **корпуса хордофонов**, объем этого корпуса **и объем** каждой его **структурной группы**, в том числе специфические инструменты с несколькими межгрупповыми характеристиками и с позиций каждой их структурных групп, и как уникальное явление [19];

– **строение смычка** или смычков, **материалы**, из которых они изготовлены, формы смычков, **строение игровой/фриктурирующей части смычка** (полотно, пучок или что-то иное), **длину и ширину игровой части** волоса (или иного материала, например, кожи, пеньки и пр.), максимальную **высоту отстояния древка** смычка **от** его **фриктурирующей поверхности**;

– способы удержания смычка в руке исполнителя – так называемая **хватка смычка**, которая может быть явлением и историко-культурным (отражает конкретную историко-культурную эпоху), и этническим (с позиций нормативов этнической моторики и организации движения им);

– **наличие, структурные и функциональные особенности подставки (подставок)** под струны, позволяющей смычку быть подвижным в своей фрикционной практике;

– *особенности материалов струн и организация процесса звукоизвлечения;*

– *наличие, материалы изготовления и форма верхней деки* инструмента и способы ее крепления к основному резонатору и взаимодействия с ним.

Рассмотрим некоторые из маркеров подробнее.

1. Корпус хордофонов

В силу неравномерной современной изученности этнических и/или региональных инструментальных традиций финно-угорских и соседних с ними народов этот маркер не является в настоящее время показательным. На основе работы П.И. Чисталева [20] можно утверждать, что на территориях проживания коми народа выявлено не менее 11 хордофонов, из которых фрикционных – 2 (сигудоки с различными резонаторами и шейками). В традиции карельского народа автору работы известно не менее 13; фрикционных – 4 (йоухиканнель, хиуканнель – как тип, – вирсиканнель, скрипка). В традиционной культуре финнов количество хордофонов не менее 10, из них фрикционных – 4 (сходны с карельской традицией). У марийцев эта статистика – 5 и 2 (ковыж или жия кобыз – без резонатора и с резонатором) [21], у удмуртов – 8 и 3 (кобыз/кубыз или крезь смычковый, гудок и скрипка) [22], у мордвы – 2 и 1 (скрипка – гарьзе) [23], у хантов – 6 и 2 (нин-юх, кугель-юх) [24], у манси – 7 и 3 (кугель-юх, нин-юх/нинг-юх, нерыпъ/нэрнэ-ив) [25], у эстонцев – от 4 и 2 фрикционных хордофонов [26] (хиуканнель, скрипка). На фоне присутствия фрикционных хордофонов практически у всех финно-угорских народов России и Фенноскандии особняком стоит инструментальная традиция вепсов. По сведениям автора, это единственный народ, который помнит о трех хордофонах, но все они являются щипковыми. Во время экспедиций Карелии, Ленинградской и Вологодской областей упоминают о скрипке, но не называют ни одного владельца инструмента или игрока на нем.

Таким образом, предварительные подсчеты количественного состава корпуса хордофонов финно-угорских народов России, Эстонии и Финляндии могут показывать следующее:

– корпус хордофонов указанных народов (кроме венгров, ливов, води, ижоры) номинально составляет от 69 инструментов;

– корпус фрикционных хордофонов у финно-угров (кроме венгров, ливов, води, ижоры) номинально составляет 23 инструмента, то есть третью часть от корпуса номинально выявленных хордофонов;

– наибольшее номинальное число фрикционных хордофонов в настоящее время выявлено у карелов, финнов, удмуртов и манси;

– фрикционные хордофоны вообще не выявлены у вепсов;

– сомнение об аутентичности в традициях мордвы вызывает единственный фрикционный хордофон – скрипка. Не исключено, что скрипка либо заменила ранее существовавший аутентичный хордофон мордовского народа (так произошло, например, у марийцев, чувашей, татар, финнов, карелов, эстонцев и др. народов), либо была заимствована и адаптирована в собственной этнокультурной среде в достаточно позднее время;

– фрикционные хордофоны карелов и финнов, хантов и манси возможно рассматривать как явления региональных традиций именно в конкретной группе корпуса хордофонов, распространенных у каждого из народов;

– вероятно, вышеизложенное суждение может быть достаточно верным в отношении фрикционных хордофонов хантов, манси и коми народов;

– сходная ситуация может присутствовать и в Поволжье, объединяя традиции изготовления фрикционных хордофонов марийцев, удмуртов, а также чувашей, татар и ряда соседних народов.

2. Строение и модернизация смычка

Смычок фрикционных хордофонов финно-угорских народов имел две известные науке типологические формы. В настоящее время широко распространены смычки скрипичной группы струнных хордофонов. Однако сто лет назад смычок представлял собой согнутое в дугу и пружинящее древко из гибкого дерева, чаще осины, рябины, ели, можжевельника; на обоих концах – на так называемой «головке» (отдаленный от исполнителя конец смычка) и на противоположном, близком к исполнителю, конце смычка, в пазах-зарубках был закреплен пучок прямых прямоствольных волос из хвоста коня. Сходной по материалам структурой обладают и смычки «скрипичного» типа. Конский волос обладает суперэластичностью, хорошей силой отдачи и подпружинивания, а также квадратным поперечным сечением [27]. К конскому волосу, отбираемому для изготовления смычка, предъявлялись определенные требования, прежде всего, к цвету, плотности [28], длине, прямоствольности и др. По мнению современных специалистов, для изготовления смычка мастеру необходимо было подготовить пучок из 105–130 волос [29].

Специфика строения лучкового, более архаичного по строению, смычка следующая: малая длина волосяного пучка и древка смычка, высокий прогиб древка относительно волосяного пучка, малый вес смычка – обеспечивают его «слабость» и малую пружинность самого древка, а далее – «слабость» натяжения волоса и высокую степень охвата волосяным пучком нескольких струн инструмента одновременно при минимуме энергетических затрат со стороны исполнителя. Смычком такой конструкции из инструмента возможно было извлекать только в достаточно быстром темпе лишь негромкие звуки. При уменьшении скорости движения смычка сцепление его волосяного пучка со струнами уменьшается, в результате чего проявляется эффект «щелканья» струн, колебания которых становятся во многом произвольным. Щелчки, сливаясь воедино, образуют неприятный звуковой скрип. Преодолеть звуковой скрип и щелчки струн возможно только одним способом – быстрым темпом ведения смычка по струнам. Это обеспечивает лучший контроль смычка за произвольным колебанием струн, то есть скорость движения смычка и струн, движущихся навстречу волосяному пучку смычка, выравнивается относительно друг друга. В этих обстоятельствах исполнитель должен быстро и часто водить смычком по струнам, что могло обеспечить только очень короткую траекторию движения смычка. Таким образом, в этом технологически сложном процессе колебания струн определяют скорость и амплитуду движения смычка.

Возможно, именно этой технологической особенностью объясняется факт преобладания в исполнительских традициях на смычковых хордофонах финно-угров наигрышей подвижного характера в сравнении с темпом наигрышей, исполняемых на хордофонах иных групп (щипковых, ударяемых). Модернизация смычков йоухикко в кон. XIX – нач. XX вв. была вызвана, на наш взгляд, тенденцией увеличения на хордофонах числа струн, в том числе на хордофонах смычковых, где увеличение шло с одной до двух (например, в мансийском нерыпе/нэрнэ-юхе), с двух до трех (практически повсеместно) и даже до четырех, как в эстонском (и шведском) хиуканнеле; желанием усиления динамики звучания инструмента; вследствие некоторых конструкционных изменений и других причин. Модернизация шла в направлении удлинения волосяного пучка в смычке с одновременным удлинением древка смычка и уменьшения высоты изгиба древка смычка. В результате таких конструктивных изменений практически во всех традициях финно-угорских народов России, Финляндии и Эстонии сформировались смычки, близкие по строению классическим скрипичным.

Две группы смычков отличаются друг от друга коренным образом. В первой группе эффект пружинности лучкового смычка в несколько раз ниже пружинности смычка скрипичного типа. Подобный эффект обычно сказывается на натяжении игрового волосяного полотна: у волосяного пучка натяжение более слабое в сравнении с «выпрямленным» волосяным полотном смычка скрипичного типа, а древко смычка «вытягивает» игровое полотно за счет прогиба древка в сторону игрового волосяного полотна.

Второй тип смычка менее энергозатратен для исполнителя: для получения достаточно громкого звука с его помощью требуется меньший нажим на смычок рукой исполнителя в сравнении со смычком лучкового типа. Звук, извлекаемый из инструмента, более громкий по динамике, более продолжительный по времени. Игровым пространством в смычке скрипичного типа является почти все волосяное полотно, в то время как в лучковом смычке его игровая поверхность невелика.

Наблюдения о технической ограниченности волосяной игровой поверхности лучкового смычка подтверждают наблюдения за постановкой правой руки исполнителя, а также об этом свидетельствует и вес смычка. Нормативный вес обычного скрипичного смычка при длине изделия в 74–75 см составляет 57–65 граммов. При анализе выяснилось, что смычки обоих типов фрикционных хордофонов финно-угорских народов изготавливаются из разных пород деревьев: на лучковый смычок мастера отбирают более гибкие и легкие по удельному весу рябину, осину и другие лиственные деревья, а также можжевельник. Для древка смычков скрипичного типа использовались в основном ель, сосна и осина. И все-таки настоящим скрипичным смычкам – более тяжелым по весу, пружинящим при игре, с плоским волосяным полотном – самодельные смычки обоих типов не могут соответствовать ни по одному из своих параметров [30]. Самодельные смычки скрипичного типа являются смычками с заимствованной внешней формой классического скрипичного смычка, но все-таки они далеки от строения настоящих скрипичных смычков. Однако даже описанные выше изменения в конструкции традиционных смычков в финно-угорских инструментальных тра-

дициях, несомненно, улучшили и качество звука фрикционных инструментов, и исполнительскую технику на них.

Механизм взаимодействия сцепления струны и смычка определяет и саму амплитуду движения смычка. Момент начала движения колеблющейся струны является моментом мгновенной остановки и «зависания» движения смычка, а затем возврата его к исходному положению. В лучковых смычках эта амплитуда в силу «слабости» древка и волосяного полотна настолько мала, что смена движения смычка происходит на 1–3 (4) звука в быстром темпе. Амплитуда движения смычка скрипичного типа большая в сравнении с лучковым смычком и позволяет извлекать из йоухикко даже небольшие пассажи, что ведет к развитию виртуозной и кантиленой техники на инструменте.

Изменения конструкции смычка вылилось в процесс изменения исполняемого на традиционных смычковых инструментах репертуара, который становился все более громким по звучанию, быстрым по темпам, а возможно, и более виртуозным по мелодике. В свою очередь, конструктивные изменения смычка потребовали от исполнителей и изменения техники игры, в частности, изменения постановки рук, корпуса, манеры держать инструмент. У этого процесса есть и обратная зависимость: более виртуозный репертуар требовал от мастеров изменений в конструкции и смычка, и самого инструмента. Путь совершенствования традиционных инструментов привел, на наш взгляд, к почти полному вытеснению их в кон. XIX–XX вв. из практики традиционного музицирования, а возникшую нишу тут же заполнили технически и конструктивно более зрелые европейские скрипки. Этот процесс наблюдается практически у всех финно-угорских и соседних с ними народов.

Рассмотрим подробнее некоторые особенности традиционной для начала XX в. хватки смычка, а также ряда деталей посадки исполнителей. Смычок архаичный, как и современный смычок, обязательно должен быть рассчитан с позиций его устойчивости в игре, то есть – иметь определенную длину, зависящую от степени натяжения волосяного пучка, вес и не должен перекручиваться в руке исполнителя – его центр тяжести не может смещаться при игре. По нашим наблюдениям, центр тяжести в архаичном дуговом смычке должен располагаться ближе к руке держащего его исполнителя. Такая специфика дугового смычка обуславливает и специфику исполнительской техники – игры музыканта не дальше точки золотого сечения (0,618 от длины волоса в пучке смычка). Структура современного смычка предполагает, что рабочей поверхностью является длина всего волоса. Это позволяет значительно разнообразить тембр и динамику звука инструмента, а также улучшить исполнительскую артикуляцию.

Правая рука исполнителя при игре современным смычком свободна и находится достаточно далеко от корпуса музыканта. Запястье способно совершать множество дополнительных движений. При игре архаичным смычком правая рука исполнителя находится достаточно близко к корпусу, предплечье и локоть исполнителя слегка отведены в сторону. Для достижения звука лучшего качества исполнитель вынужден вести смычок преимущественно «сверху вниз и вперед-назад» как при пилении в одиночку небольшой пилой, то есть преимущественно используя кисть руки.

Техника игры смычком основана на небольшом (мелком) толчке/импульсе и его отдаче, которые могут быть повторены бесконечно много раз. Музыкальный инструмент при такой смычковой технике только слегка приподнят над левым коленом музыканта и как бы «отвернут» от него «на ребро», или, в целях уменьшения нагрузки на правую руку, исполнитель левой рукой и коленом левой ноги направляет сам инструмент навстречу игровому пучку/полотну смычка. Левая рука исполнителя – предплечье и локоть находится при этом на уровне предплечья и локтя правой руки. Хватка смычка исполнителем, как и положение руки со смычком исполнителя – явление историко-культурное. Способ удержания современного скрипичного типа смычка с колодкой происходит от древнего способа удержания смычка в сжатом кулаке – ладонью вниз. Однако кулак музыканта расслаблен настолько, чтобы возможно было увеличить пространственный объем кулака за счет разведения пальцев и изменения угла наклона кисти руки. Эта исполнительская смычковая техника требует свободы движения плечевого и локтевого суставов, освоения музыкантом маховых движений достаточно широкой амплитуды как «на весу» руки, движения «на весу сверху вниз (и наоборот) – вбок». Указательный палец правой руки исполнителя приобретает направляющую функцию, большой, мизинец – удерживающую, а средний, безымянный и, отчасти, указательный пальцы в кистевой хватке предназначены для регуляции силы давления смычком на струны инструмента.

Хватка смычка архаичного смычка отличается от описанной выше современной хватки. Так, например, в традициях исполнительства на карельских йоухикко Ю. Вилланен из Саворанта (д. Вуокала) держит дуговой смычок [31] таким образом: выпрямленный указательный палец лежит полностью на древке смычка; безымянный палец за счет сгибания-разгибания натягивает волосяное полотно смычка путем образования на нем волосяной петли. Остальные пальцы – большой, средний и мизинец удерживают смычок. Кисть руки исполнителя чуть развернута вовне и «провалена» в запястье. Ю. Вайтинен из Импилахти (д. Хунттила) даже на скрипичном смычке демонстрирует старинную хватку. Он закладывает средний и безымянный пальцы между древком и волосяным полотном. Вероятно, именно эти пальцы регулировали некогда натяжение волосяного полотна архаичного дугового смычка. Подушечка первой фаланги большого пальца дает импульс и направляет движение смычка по заданной траектории. Указательный палец придерживает древка смычка; мизинец в хватке не участвует (возможно, что и он вместе со средним и безымянными пальцами регулирует натяжение волосяного пучка смычка). Хватка смычка определяет траекторию его движения – преимущественно сверху вниз и технику игры на инструменте, при которой исполнитель обеспечивает достаточно равномерное соприкосновение смычка со струнами инструмента. Кисть правой руки исполнителя движется преимущественно по траектории «вниз-вверх» (от большого пальца к мизинцу). Близка описанной хватка смычка Ф. Праччу, тоже из Импилахти (д. Койринойя). Отличие его хватки от хватки Ю. Вайтинена состоит в том, что регулирование натяжения волосяного пучка он «выполняет» средним пальцем. Возможно, что рука исполнителя крупнее руки Ю. Ваттинена, поэтому захватить новый ему скрипичный смычок привычным способом не получилось. Хватку

смычка Пекки Ламберга из г. Сортавала также можно отнести к рассматриваемому типу традиционной для карелов северного Приладожья.

Мы обратили внимание, что способ хватки дугового традиционного смычка карельскими исполнителями на йоухикко имеет аналоги с этническим способом удерживания повода лошадей. Наездник, сидя верхом на лошади, пропускает поводья в кулаки между мизинцем и безымянным пальцем – с одной стороны, и между большим и указательным пальцами – с другой каждого из кулаков. Кулаки обеих рук при этом располагаются как бы «вертикально», то есть ногтями друг другу. Таким образом, свободными остаются у наездника указательный, средний и безымянный пальцы, в то время как мизинцы и большие пальцы рук выполняют направляющую и регулирующую функции поводьев лошади. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в способе удержания фрикционного инструмента правой рукой исполнителя. Исходя из этого, становится возможным прояснить вопрос о стабильной исполнительской первой позиции левой руки исполнителя или, реже, в первой и второй позициях [32].

Положение рук музыканта в карельском способе удержания смычка, на наш взгляд, является и физиологичным, и одним из самых древних в мировой истории. Наиболее архаичный способ хватки смычка до сих пор культивируется традиционными исполнителями на кобызе и его этнических версиях Центральной Азии. Они располагают руку со смычком ладонью вверх. В этом положении лучевая и локтевая кости руки располагаются наиболее оптимально – параллельно друг другу. При способе хватки смычка европейскими музыкантами «ладонью вниз», распространившемся, как минимум, с XI в. [33] лучевая кость перекрещивает локтевую, а мышцы правой руки оказываются растягиваемыми в не самом удобном, с позиций физиологии, положении. Тем самым, рука со смычком не способна быстро и легко двигаться. При этом пальцы образуют, почти что, замкнутое кольцо вокруг колодки (или древка) смычка, то есть находятся в положении как при захвате и перенесении небольших объектов. Рука исполнителя может двигаться преимущественно в горизонтальном направлении с небольшими отклонениями вверх и вниз. Если смычок удерживать в правой руке в положении «бокком кверху», как например, у музыкантов манси, руки находятся в удобном положении относительно друг друга, а сама рука легко, без дополнительных усилий, может двигаться сверху вниз под небольшим физиологичным углом к корпусу исполнителя. Локтевая и лучевая кости при этом находятся в параллельном положении друг к другу.

Некоторые выводы раздела о смычке традиционных фрикционных хордовых финно-угорских народов России, Эстонии и Финляндии таковы:

– на протяжении нескольких столетий конструкция смычка подвергалась постепенной модернизации в сторону эргономической и энергозатратной минимизации;

– изменения конструкций смычка в сторону его «классичности» неизбежно приводит к изменениям в исполнительской смычковой технике исполнителей-финно-угров: от естественной хватки смычка «ладонью вверх» (типичной для исполнителей на смычковых хордовых народов Центральной Азии и соседних территорий) и «сбоку» (ладонью влево) ведут к изменениям в посадке исполните-

лей и способах удержания инструментов – от опоры на левое колено к удержанию инструмента бедрами ног; к включению в технологию игры всего корпуса исполнителя; модернизация конструкции смычка определялась изменением функций фрикционных инструментов, которые вели к формированию общественной потребности в усилении динамики звука, виртуозности в исполнительской технике, что, в свою очередь, вело к большей публичности исполнительской практике на фрикционных инструментах. И, свою очередь, модернизация смычка вела к изменению тембров звучания традиционных инструментов, их «уплощению». Необходимость возврата к тонкости в слуховой детализации тембров инструмента – путь к увеличению количества струн, прежде всего бурдонирующих, на фрикционных хордофонах и усилению эффектов в наложении их обертоновых рядов. Это определяло подвижки в настройке инструментов, которые были особенно явными в традициях хантов, манси, карелов, удмуртов, коми и других народов – от терцово-квинтовых настроек к кварттовым, а затем – и к квинтовым.

Таким образом, модернизация смычков фрикционных хордофонов финно-угров ведет к постепенному изменению как самого инструмента и исполнительской техники на нем, так и к изменению общественной функции инструмента, то есть к включению смычковых инструментов в бытовую обиход финно-угорских народов.

3. Подставка фрикционных хордофонов финно-угорских народов

Данная проблема является одной из ключевых к пониманию путей эволюции фрикционных хордофонов в целом. Она имеет много аспектов и требует отдельного рассмотрения. Имеющаяся информация о фрикционных хордофонах уникальна с позиций мировой практики: автору неизвестно ни одной цельной исследовательской работы ни о подставках хордофонов как необходимой конструктивной их составляющей, ни о процессах развития этой важнейшей детали конструкции инструмента. Остановимся на этом вопросе тезисно.

Подставка является центральной маркирующей и определяющей структурой в проблеме крепления струн на инструменте, определения их мензуры и передачи звуковых колебаний от звучащей струны на резонатор.

При сборе музыкальных инструментов в музейные коллекции подставка в этих инструментах загадочным образом часто отсутствует. Так, например, произошло с коллекцией йоухикко в Национальном музее Финляндии. Реставрация инструментов не могла быть адекватной, так как сведений о «родной» инструменту подставке и ее местоположении на инструменте не было. Исследование темы позволило автору предположить, что не во всех карельских йоухикко были подставки: не исключено, что их функцию могли выполнять струнодержатели. И, тем не менее, какими сведениями о подставках мы располагаем?

В ходе археологических открытий музыкальных инструментов подставки в них практически всегда отсутствуют. Исключение составили находки эстонских и удмуртских археологов: у эстонцев обнаружилась подставка хордофона из янтаря, у удмуртов – костяная. На материале вепсской и карельской инструментальных традиций автору известны костяные подставки щипковых хордофонов в инстру-

ментах детской (и не только) практики. Это – подставки на лаудах и гусельлаудах (дощечные цитры), обнаруженных в северовепсской и карельской людиковской традициях. Их функция – приподнимание струн над собственно корпусами инструментов. Звучание таких инструментов не может претендовать ни на тембровый колорит, ни на устойчивую динамику, ни на подвижность исполнительской техники. Лауды и гусельлауд скорее являются ритмическими шумовыми инструментами.

Относительно подставок информативно наиболее богата традиция хордофонов коми. Так, например, сходные с карельским и вепсским инструментами коми инструменты сигудок пöв при имеющихся четырех кишечных струнах имеют две подвижные подставки. П.И. Чисталев пишет: инструмент «настраивается с помощью натяжения струн при закреплении их в щелях и передвижения струнных подставок» [34]. Во втором типе инструментов с наличием элементов формирования резонаторной чаши на корпусе инструмента тоже с названием сигудок пöв, подставки устанавливаются уже в специально вырезанные на корпусе пазы, а настройка хордофона производится только натяжением струн. Подобные явления в инструментальной культуре коми можно продолжать. Так, например, на ударяемом хордофоне брунган каждая из 4–7 струн (их может быть и больше, и меньше) обладает собственной подставкой-брусочком. В смычковых хордофонах сигудок подставка одна для всех 2–3 струн. Она крепится на плоскую или «слегка выпуклую еловую дощечку с двумя резонаторными отверстиями-голосниками» [35]. Появление в этнической традиции изготовления хордофона с общей подставкой типа «мостик» под струны и неподвижно крепящейся на выпуклой верхней деке, свидетельствует о процессах европеизации хордофона и приобретения им прогрессивных с позиций звукообразования и расширения технических возможностей инструмента под влиянием европейской скрипки. И тем не менее, такие детали, как кожаный петлевой струнодержатель, небольшая шейка инструмента, особенности оформления колкового крепежного механизма и оформление головки инструмента не как завитка (характерно для скрипки), а как схематично выполненной головки лошади, – это указатели того, что традиция смычковых хордофонов у коми народа пришла в северные таежные леса иным, не европейским путем. Однако, на родине смычковых хордофонов – в Центральной Азии, подставки под струны в обозреваемом прошлом были цельными и мосто-подобными по форме. Именно в таком виде фрикционные хордофоны были заимствованы кочевыми народами Азии, этносами Китая, Индии, Междуречья, Европы, а также самостоятельно финно-угорскими народами Сибири, Поволжья [36], Северного Урала и, вероятно, карелами и древними новгородцами. В каждом из регионов адаптация и развитие фрикционных хордофонов шли собственным путем, оставаясь при этом в рамках общих тенденций. Однако именно финно-угорские народы Севера Европы, с их неспешными историко-культурными процессами, в процессе адаптации заимствования фрикционных хордофонов сначала упростили конструкцию хордофонов, начиная с отказа от подставки и разработки новых конструктивных версий инструментов через детализацию каждого из структурных элементов, тем не менее «влились» в общий евразийский процесс эволюции хордофонов, сохранив при этом собственные наработки, прежде всего, в области подставки.

Выводы по данному разделу работы делать еще рано: изложенный выше материал – лишь начальное приближение к теме и к научным выходам на иные этнокультурные связи, которые, несомненно, позволят сформировать более зрелый взгляд на проблему развития фрикционных хордофонов у финно-угорских народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фрикция (физич.) – от лат. *Fricctio* – трение, натирание, втирание, растирание.
2. Хордофон (от греч. *chordn* струна и *ropon* звук) – общее название группы музыкальных инструментов, у которых источником звука являются колебания натянутой струны.
3. Классификацию музыкальных инструментов на основе каталога коллекции музея Брюссельской консерватории предложил в 1888 г. В. Маййон. Он предлагает подразделять музыкальные инструменты на 4 группы: самозвучащие, перепончатые, струнные и духовые с внутренним подразделением этих групп по способу игры на них.
4. *Хорнбостель Э.М. фон, Закс. К.* Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Рус. перевод И.З. Алендера, ред. Е.В. Гиппиус. – М., 1987. – Ч. 1.
5. *Виолле-ле-Дюк, Э.Э.* Жизнь и развлечения в средние века. – СПб., 1997.
6. *Привалов, Н.И.* Гудок – древнерусский народный, смычковый инструмент в связи со смычковыми инструментами других стран. Историко-этнографическое исследование. – СПб., 1904; *Привалов, Н.И.* Тамбуровидные музыкальные инструменты русского народа. Очерк их происхождения, появления на Руси и существования (домра, балалайка, лютня, кобза, бандура, бандурка, торбан, мандолина, гитара). Историческое исследование // Известия С.-Петербургского общества музыкальных собраний. – СПб., 1905. – Апрель-июнь; 1906. – Февраль; *Привалов, Н.И.* Лира (лира, риле и реле). – СПб., 1905; *Привалов, Н.И.* Звончатые гусли на Руси // Музыка и пение. – 1908. – № 7, 8, 10; и др.
7. *Andersson, O.* The Bowed-Harp. – London, 1930.
8. *Väisänen, A.O.* Kantele – ja jouhikko-sävelmiä. – Helsinki, 1928.
9. *Nieminen, R.* Jouhikko – The Bowed Lyre. Kansanmusiikki-institutin julkaisuja KII 61 / Juminkeon julkaisuja 61, 2007.
10. *Bruford, A.* Gaelic folk-tales and mediaeval romances. – Dublin, 1969.
11. *Даркевич, В.П.* Путиями средневековых мастеров. – М., 1972; *Его же.* Народная культура средневековья. – М., 1988.
12. *Поветкин, В.И.* Новгород и Новгородская земля. Из музыкального обихода древних новгородцев // История и археология Новгорода. – Новгород, 2007. – № 21.
13. *Омарова, Г.Н.* Казахская кобызовая традиция. Дис. ... канд. искусствоведения. – Л., 1989.
14. *Сузукей, В.Ю.* Тувинские традиционные музыкальные инструменты. – Кызыл, 1989; *Сузукей, В. Ю.* Бурдонно-обертонная основа традиционного инструментального музицирования тувинцев. – Кызыл, 1993.
15. *Джани-Заде, Т.М.* Арабский уд в музыкальной культуре исламской цивилизации. Электронный научный журнал «Исследовано в России» 184, 2002. – С. 2053–2063. <http://zhurnal.aperelarn.ru/articles/2002/184>; *Его же.* Поэтика музыки в Исламе. (Тело. Вещь. Ритуал) // Материалы конференции Института восточных культур РГГУ. – М., 1996.
16. *Bachmann, W.* Die Anfänge des Streichinstrumentenspiels. – Leipzig, 1964.

17. *Дончев, С.* Восточные параллели преславского и мадарского всадников и сведения о европейских гуннах // У истоков творчества. Первобытное искусство. – Новосибирск, 1978. – С. 203–212; *Дончев, С.* Писмеността на прабългарите и славянската азбука // Исторически преглед. – 1971. – № 2. – С. 96–109.

18. Тема находится в разработке, поэтому автор не может утверждать, что им выявлен полный круг маркеров проблемы. Однако они достаточны для настоящей статьи.

19. Поясним. Ранние формы хордофонов могли существовать в какой-либо историко-культурный период в этнической или региональной культуре одновременно как хордофоны щипковые, хордофоны фрикционные, хордофоны ударяемые. Например, лира по способу звукоизвлечения на ней некогда одновременно принадлежала к группе щипковых инструментов, на которых звук извлекался щипками пальцев и/или плектром; к группе фрикционных инструментов, на которых звук образовывался в результате трения смычка о струны лиры; к группе ударяемых хордофонов, звук которых формировался в результате ударов специальными приспособлениями по струнам инструмента. Следовательно, при классификации необходимо рассматривать данный инструмент в каждой из структурных групп и, одновременно как специфическое явление инструментальной традиционной культуры

20. *Чисталев, П.И.* Коми народные музыкальные инструменты. – Сыктывкар, 1984; *Его же.* Коми сигудок и русский гудок // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними народами. – Таллин, 1980. – С. 38–49.

21. *Герасимов, О.М.* Народные музыкальные инструменты мари. – Йошкар-Ола, 1996; *Никифоров, П.Н.* Марийские народные музыкальные инструменты. – Йошкар-Ола, 1959; *Газетов, В.М.* Марийские народные музыкальные инструменты. – Йошкар-Ола, 2007; *Эшмякова, Ф.В.* Марийские гусли. Прошлое и настоящее. – Йошкар-Ола, 1993; *Эшпай, Я.А.* Национальные музыкальные инструменты марийцев. – Йошкар-Ола, 1940; *Риттих, А.Ф.* Материалы для этнографии России. «Казанская губерния». Ч. 1-й. Казань, 1870; *Фукс, А.* Записки о чувашах и черемисах. – Казань, 1840.

22. *Голубкова, А.Н.* Удмуртские народные музыкальные инструменты / Голубкова А. Н., Чуракова Р. А. // Музыкальная культура Удмуртии: учеб. Пособие. – Ижевск, 2004; *Голубкова, А.Н.* Удмуртские музыкальные инструменты // Инвожо. – 2001. – № 3; *Кунгуров, С.Н.* Удмуртские традиционные инструменты. – Ижевск, 1994; *Нуриева, И.М.* Удмуртская традиционная музыка и мифология // Удмуртская мифология. – Ижевск, 2004. – С. 68–69; Музыкальный инструментарий народов Поволжья и Урала: традиции и современность / Материалы научно-практической конференции в рамках II Регионального фестиваля «Воршуд» (24 июня 2004 г.) / Владыкина Т. Г., Одинцова В. М., Никитина З. М. – Ижевск, 2004.

23. *Бояркин, Н.И.* Мордовское народное музыкальное искусство. – Саранск, 1983. – С. 150–153; *Галкина, И.А.* Инструментальная музыка Мордовии: от фольклорных традиций к профессиональному творчеству. Дис. канд. искусствоведения. – Саранск, 2005.

24. *Лукина, Н.В.* О возможности изучения музыкального фольклора восточных хантов // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними народами. – Таллинн, 1980. – С. 50–60; *Благодатов, Г.И.* Музыкальные инструменты народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1958. – Т. 18; *Соколова, З.П.* Музыкальные инструменты хантов и манси (к вопросу о происхождении) // Музыка в обрядах им трудовой деятельности финно-угров. – Таллин, 1986; *Богданов, И.А.* Хантыйская и мансийская музыка // Музыкальная энциклопедия. Т. 5. – М., 1981. – С. 1036; *Väisänen, A.O.* Die obugrische harfe // Finnisch-ugrische Forschungen, XXXIV. – Helsinki, 1937; *Väisänen, A.O.* Obin-ugristen lyyry-soitin // Kalevalaseuran vuosikirja. Vol. 9. Porvoo, 1929, l. 225–242; *Сильвет, Х.* Инструментальная музыка обских угров I. – Таллин, 1991.

25. Гунтиус, Е.В. Программно-изобразительный комплекс в ритуальной инструментальной музыке «Медвежьего праздника» у манси // Теоретические проблемы народной инструментальной музыки (музыкальный инструмент и инструментальная музыка). – М.-Л., 1974. – С. 72–77; Väisänen, A.O. Die Leierer des obugrischen Völker // Eurasia septentrion antique, VI. – Helsinki, 1931.

26. Тынурист, И. Музыкальные инструменты и инструментальная музыка в народном быту эстонцев // Музыкальный фольклор финно-угорских народов и их этномызыкальные связи с другими народами: Тезисы докладов. – Таллин-Тарту, 1976. – С. 47–49.

27. Для изготовления качественных изделий из прядей и пучков конских волос их, волосы, специально подбирают друг к другу не только по цвету, длине, структуре, но и по прилеганию.

28. Для изготовления смычка, способного извлекать ровный звук из струн берутся волосы с живого животного, так как волосы мертвого животного теряют свои пластичные качества. Мастера смычков отдают предпочтение волосам белого (светлого) цвета перед темными. Рыжие волосы на изготовление смычка не были пригодны и использовались для вытаскивания рыболовных сетей, толстых хозяйственных нитей, силков, сеток и др. Такой выбор конского волоса определялся плотностью и равномерностью его структуры, а также толщиной. Светлые волосы, в сравнении с черными, более тонкие по структуре и пластичные. Их чешуйки-поры достаточно хорошо пропускают воздух, легко впитывают в себя живичную канифоль, изготавливаемую из смолы хвойных, преимущественно сосновых, деревьев

29. Для изготовления современных классических скрипичных смычков мастера могут изготавливать волосяное полотно и из 150–180 конских волос. Полотно для виолончельных и контрабасовых смычков может быть более грубым, то есть состоять из волос темного цвета.

30. Финно-угорские мастера при изготовлении традиционных смычков не выполняли таких важных для современных технологий операций, как центровка смычка (выравнивание игрового волосяного полотна, древка и других деталей современных скрипичных смычков по головке смычка) и определения центра тяжести смычка. В самодельных смычках мастеров йоухикко, по нашим наблюдениям, в исполнительской технике задействовано расстояние от второй четверти до двух третей длины волосяного пучка/полотна, прилегающих к участку хватки смычка исполнителем. Центр тяжести самодельного, особенно, лучкового смычка, традиционно располагается в описываемом игровом пространстве смычка со смещением к концу, где производится хватка смычка исполнителем. Этому способствует и выбор ветки для изготовления древка смычка – именно этот конец древка смычка (особенно лучкового) больший по диаметру в сравнении с противоположным концом (так называемой «головки») смычка, а, следовательно, центр тяжести всего изделия смещается в сторону конца расположения хватки. На активное использование этого участка волосяного пучка/полотна смычка – игрового участка указывает и посадка исполнителя, и техника игры смычком.

31. Необходимо обратить внимание на форму древка смычка Юхо Валланена: не просто дуга, а дуга с «хвостовым» удлинением, которое за счет удлинения смычка облегчает процесс регулирования натяжения волосяного пучка.

32. Руки наездника по поводьям не перемещаются, перемещается лишь рука, удерживающая поводья. Это может опосредованно определять длину и ширину прорезы для правой руки исполнителя на карельском йоухикко. Не исключено, что этот факт определяет и «игровые пальцы» левой руки исполнителя, делящие мелодическую струну – указательный, средний и безымянный. Тем не менее, при выделенном грифе

фрикционных хордофонов, исполнительская техника левой руки может определяться иными факторами, которые необходимо исследовать в будущем.

33. Изображение библейского царя Давида, играющего смычком способом «тыльная сторона кисти руки сверху» на рукописи XI в. из лиможского аббатства святого Марпиала. См.: *Виолле-ле-Дюк, Э.Э. Жизнь и развлечения в Средние века.* – СПб., 1997. – Рис. 26.

34. *Чисталев, П.И.* Коми народные музыкальные инструменты. – Сыктывкар, 1984. – С. 18.

35. *Чисталев, П.И.* Там же, с.25.

36. *Кунгуров, С.Н.* О реконструкции музыкального инструмента по находкам с городища Иднакар // Сб. материалов науч.-практич. конф. по возрождению традиций изготовления и исполнительства на щипковых хордофонах. – Ижевск, 1998.

Поступила в редакцию 27.08.2010

I.B. Semakova

About the development problems of traditional bow chordophones of Finno-Ugric and neighboring with them people

The article is devoted to the development problem of the traditional frictional chordophones (bow instruments) in terms of musical instrumental culture of Finno-Ugric people of Russia, Finland and Estonia including similar traditions of people of Central Asia.

Key words: frictional chordophones, bow, rest, technology of making.

Семакова Ирина Борисовна,

музыковед

г. Петрозаводск, Республика Карелия

E-mail: rvkir@mail.ru

О.В. Игнатьева

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ВЕНГЕРСКИХ РЕАЛИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЕНГЕРСКО-УДМУРТСКИХ ПЕРЕВОДОВ А.Н. УВАРОВА)

В статье на материале художественных переводов А.Н. Уварова анализируются различные переводческие решения при передаче венгерских слов-реалий на удмуртский язык. Примеры реалий исходных текстов распределены по тематическим группам, выявлены способы их репрезентации в целевом тексте. Способам передачи реалий дана оценка переводческой адекватности. В случаях неадекватной передачи предложены собственные варианты перевода. Приводятся статистические данные способов передачи реалий.

Ключевые слова: реалии, переводческие приемы, художественный перевод, адекватность перевода.

Теоретические предпосылки

Проблемы определения понятия «реалия» и общей классификации способов их перевода поднимались в работах российских и зарубежных переводоведов [Шатков 1952; Соболев 1952; Федоров 1953; Швейцер 1973; Бархударов 1975; Влахов, Флорин 1986; Newmark 1981; Комиссаров 1990 и др.]. В работах по теории перевода предпринимались также попытки классификации реалий по тем или иным признакам [Супрун 1958; Репин 1970; Томахин 1988; Влахов, Флорин 1986 и др.]. Вслед за С. Влаховым и С. Флориным мы придерживаемся следующего определения: «реалии – это слова и словосочетания, называющие предметы и явления, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) определенного народа (или группы народов) и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 1986: 55].

Исходя из данного определения и характеристики реалий, нами выявлены и проанализированы слова-реалии в удмуртских текстах. Материалом для ис-

следования послужили венгерские сказки из сборника «Minden napra egy mese» ('Каждый день по сказке'¹) и тексты их переводов на удмуртский, осуществленные А.Н. Уваровым (1933–2005) и включенные им в сборник «Нуналлы быдэ выжыкыл» ('Каждый день по сказке').

Удмуртский поэт и литературовед Анатолий Николаевич Уваров с 1960-х гг. занимался переводами произведений венгерской литературы, им опубликованы на удмуртском языке сборники сочинений Шандора Петефи «Стихи и песни» (1975, 1977), трехязычная книга «Подарок Мункачи» (1983), а также множество детских стихотворений венгерских поэтов. А. Н. Уваров активно поддерживал связи с венгерскими коллегами и в качестве художественного редактора участвовал в проектах молодых переводчиков венгерской литературы.

Основные задачи нашей работы:

- 1) изучить тексты переводных произведений А.Н. Уварова, отражающих венгерскую тематику, и выявить в них корпус реалий;
- 2) дать классификацию собранного материала;
- 3) проанализировать существующие удмуртские переводы венгерских текстов, выявить применяемые переводчиком способы репрезентации венгерских реалий и дать их оценку с точки зрения переводческой адекватности, а также при необходимости и по возможности предложить собственный вариант перевода;
- 4) представить рассмотренные способы перевода реалий в статистическом отношении.

В работе использованы описательный, сопоставительный и статистические методы анализа венгерских реалий и их удмуртских версий.

Реалии в анализируемых текстах, их классификация

В ходе проведенного нами исследования было выделено 25 примеров лексических единиц, содержащих в своем значении культурный компонент. Отобранный из текстов сказок материал распределен по тематическим группам, отражающим способы передачи реалий на удмуртский язык.

1. *Реалии, называющие населенные пункты, жилые постройки и помещения:*

а) *tanya* 'хутор, усадьба' (115²) – населенный пункт на обособленном участке земли, который представляет собой усадьбу одного хозяина со всеми примыкающими к нему строениями и угодьями (садом, огородом). Таких поселений у удмуртов нет. В переводе находим лексико-семантическую замену: *гурт* 'деревня' (128). Несмотря на то, что эта лексема не передает значения венгерского слова *tanya*, удмуртским читателям самой близкой и понятной реалией является *гурт* 'деревня'. Мы считаем, что данная замена не нарушает качества перевода, так как в тексте все действия происходят вне населенного пункта;

б) *kunyhó* 'хижина' (243) имеет несколько вариантов передачи: *пичи корка* 'маленький дом' (155) или же просто *корка* 'дом' (155, 274), а также *дор* 'родной дом' (274). *Хижиной* называют небольшой, обычно небогатый дом, синонимы в русском языке: *лачуга*, *конура*; а то, что мы находим в удмуртском тексте, не передает всех значений этого слова; может, стоило бы добавить к слову *корка* 'дом' определение *начар* 'бедный, худой'. Имеется переводная пара:

в) *szalmafödeles kunyhó* ‘хижина с соломенной крышей’ (76) – удм. *куро липето корка* ‘дом с соломенной крышей’ (85), здесь описание крыши дома представление о бедности хозяев;

г) *konyha* ‘комната-кухня’, в предложении: *egy konyhában lakott az öreg* ‘на кухне жил старик’ (327) имеется в виду, что старик жил в маленькой комнате; в удмуртском варианте *песятэйлэн улон интыез туж пичи выльэм* ‘у бабушки жилье очень маленькое было’ (373), таким образом, переводчик передает значение венгерского слова *konyha* ‘комната-кухня’ описательным способом.

2. *Пицца*. В анализируемых текстах находим следующие блюда национальной венгерской кухни:

а) *pecsenye* ‘жаркое’ (295, 296, 333, 333) удмуртский вариант *сиёнзы* ‘их еда’ (336) *сиён* ‘еда’ (336), или *быг-быг сйль* ‘мягкое мясо’ (380), *сйль* ‘мясо’ (380); *pecsenye* – является праздничным, не каждодневным угощением, поэтому передача словом *сиён* ‘еда’ является неадекватным; при представлении *быг-быг сйль* чаще всего видим вареное мясо, тогда как жаркое жарят; возможный вариант перевода – *пыжем сйль* ‘жареное мясо’, что, на наш взгляд, более адекватно передает значение венгерского *pecsenye* ‘жаркое’;

б) суп *tarkabableves* ‘бобовый суп’ (235) трансформируется в *сьёд кёжсы* ‘бобы’ (264), так как удмуртскому читателю представляется скорее каша из бобов, нежели суп, то для более точной передачи стоило бы добавить слово *шыд* ‘суп’;

в) *puliszka* ‘мамалыга’ (140) – удм. *кукуруза ёжук-мамалыга* букв. ‘кукурузная каша мамалыга’ (155), переводчик приводит реалию из другой культуры; мамалыга – молдавское, румынское и западноукраинское национальное блюдо. Раньше кукурузная каша была типичным блюдом на завтрак в бедных семьях, именно этим в венгерской сказке и подчеркивается уровень жизни героев. Можно было передать только первую часть фразы: *кукуруза ёжук*, правильнее, *кукуруз ёжук* или ввести собственно удмуртскую реалию – *сезьы ёжук* ‘овсяная каша’ – тоже одно из простых и недорогих блюд удмуртов;

г) *szilvás gombóc* ‘галушка со сливой’ (235) обозначает блюдо национальной венгерской кухни, передается: *сливаен пельнянь* ‘пельмени со сливой’ (264), слово *пельнянь* ‘пельмени’ знакомо удмуртским читателям, представить пельмени со сливовой начинкой не составляет трудностей и для маленького читателя, подобная функциональная замена в виде собственного аналога оправдана, хотя на самом деле венгерское блюдо не напоминает пельмени, это вареный шарик из пресного теста с толстыми стенками (примерно в 1–1,5 см), внутри которого находится слива;

д) *túrós gombóc* ‘вареный шарик из теста с творожной начинкой’ (235) – удм. *кузятэмен пельнянь* ‘вареники’, букв. ‘пельмени с творогом’ (265), здесь тоже способ применения собственного аналога. Венгерское блюдо является сладкой едой, а *кузятэмен пельнянь* ‘вареники’ несладкое изделие из теста с творожной начинкой, сваренное в крутом кипятке. Но так как в тексте сказки важно количество съеденного, а не характер блюда, введение аналога оправданно.

е) *rántott csirke* ‘цыпленок, жаренный в сухарях’ (295) – *пырсатэм чпы* ‘цыпленок жареный’ (335), в традиционной удмуртской кухне мясо в сухарях не жарят, вариант переводчика *пырсатэм чпы* ‘цыпленок жареный’ вполне подходит по контексту;

ж) *zsemle* ‘круглая булочка’ (106) – *булка* (117), как правило, булка бывает круглой или овальной формы, но размером больше, чем венгерское *zsemle*, размер в данном контексте не имеет значения, так что функциональная замена адекватна;

з) *gomolyasajt* ‘овечий сыр’ (301), увиденный лисой в колодце, описан как *пумырес сыр* ‘круглый сыр’ (342) или просто *сыр* (342). Круглая форма сыра объясняется тем, что в воде колодца светилась полная луна, которую лиса принимает за сыр, то есть лексемы *пумырес сыр* и *сыр* являются заменой родовыми аналогами;

и) *galuska* ‘галушка, клёцка’ (пример из сказки *Kutyá-macska barátság* ‘Дружба собаки и кошки’) заменяется удмуртским аналогом *чумер шыд* ‘суп с клёчками’ (143). В оригинале галушка представляется в виде гарнира со сметаной, в удмуртском переводе – в виде супа, эта замена не отступает от содержания, так как сметану тоже можно использовать в качестве заправки супа.

При передаче названий венгерских блюд на удмуртский язык переводчик пытается передать их название через понятные для удмуртских читателей названия реалий, но при этом ему не всегда удается сохранить национальное своеобразие оригинала.

3. Музыкальные инструменты:

а) *cimbalom* ‘цимбалы’ (243) – струнный ударный музыкальный инструмент, неизвестный удмуртским читателям, заменен струнным инструментом *крезь* ‘гусли’ (274);

б) *furulya* ‘свирель, блокфлейта’ (243), духовой деревянный музыкальный инструмент передается удмуртским аналогом: *гумы* ‘свирель’ (274).

В контексте оригиналов характер вышеописанных инструментов не играет существенной роли, поэтому приведенные удмуртские аналоги уместны.

4. Транспорт:

hintó ‘коляска, бричка’ (пример из сказки: «A sajtot osztó róka» ‘Лиса, делящая сыр’) – средство передвижения, передано как *уробо-вал* букв. ‘телега-лошадь’ (38) в знач. ‘гужевого транспорт’, на бричке ездили люди со средне-высоким уровнем достатка; может, в удмуртском тексте целесообразнее было бы ввести заимствованное слово *тарантас*. В одном из переводных текстов имеется случай передачи слова *hintó* ‘коляска, бричка’ (235) лексемой *тарантас* (265).

На удмуртском языке для обозначения транспортного средства «тарантас» существуют следующие формы: *ворттылон уробо* ‘телега для катания’ (номинация по значению), *корт кечер уробо* ‘телега с железной осью’, *корт уробо* ‘железная телега’ (в основе номинации – материал изготовления) [Титова 2005: 193–194]. Один из предложенных вариантов можно было использовать и в переводном тексте.

5. Деньги:

венгерская денежная единица – *филлер* (разменная монета венгерского форинта) – использовалась в разные периоды, в 1999 г. филлеры были изъяты из обращения³. Слово *филлер* и его производные употребляются в речи по настоящее время и присутствуют в образных выражениях, например, *filléres gondjai vannak* букв. ‘у него филлерские (грошовые) заботы’ в значении ‘у него каждая копейка на счету’. В анализируемых текстах *fillér* (327) транскрибируется в *филлер* (373).

6. Занятия, праздники, традиции:

а) название христианского праздника *karácsony* 'рождество' (327) передается как *Толсур праздник* 'праздник декабря' (373), *толсур* (405), который у удмуртских читателей ассоциируется с новогодним, а не с рождественским праздником. По нашему мнению, в данном случае эта функциональная замена уместна. Имеется также возможность связать Рождество с празднованием Нового года (удм. *Выль ар*), так как в контексте дата празднования не имеет значения;

б) *karácsonyfa* 'рождественская елка' (327) заменяется родовым аналогом: *кыз* 'елка' (373), но это упрощение не меняет коммуникативную функцию, так как в сказке речь идет о покупке елки для украшения и празднования Рождества, а как выше было объяснено, Рождество для удмуртских детей ассоциируется с новогодним праздником, при котором также украшается елка, в силу чего данная интерпретация венгерского Рождества вполне обоснована;

в) *karácsonyfavásár* 'рождественская распродажа елок' (327) в удмуртском варианте находим объяснение словосочетанием: *кызъёсын вузкаризы* 'продавали елки' (373), что раскрывает значение венгерской реалии;

К имени

г) *Mikulás* 'Микулаш' (356) – *Szent Miklós* 'Святой Миклош (Микулаш) или Святой Николай', который является аналогом венгерского деда-дароносца, – передается как *Тол Бабай Микулаш* 'Дед Мороз Микулаш' (407). А. Н. Уваров добавляет удмуртское *Тол Бабай* 'Дед Мороз', но происхождения имени – *Микулаш* – не объясняет. По традиции внешне похожий на российского Деда Мороза венгерский *Mikulás* 'Микулаш' приходит к детям 6 декабря и в сапожки, которые выставляют вечером на подоконник, кладет подарки, чаще всего – шоколадные фигурки. По нашему мнению, имя *Микулаш* можно было опустить, так как в контексте не называется дата, а описываемые события происходят зимой, что является вполне подходящим контекстом для использования *Тол Бабая* 'Деда Мороза'.

7. Профессия:

kocsmáros 'кабатчик, корчмарь' (275) в удмуртском тексте передается possessивной конструкцией: *кочмалэн⁴ кузёез/ кочма кузё* 'хозяин корчмы' (312), слово *корчма* транскрибируется без комментария переводчика. Лишь из контекста выясняется, что в заведении необходимо накрывать столы, но характер питейного дома из текста не выявляется, включение непонятного транскрибированного слова *корчма* требует сноски-объяснения. Встречаются случаи передачи слова *kocsmáros* 'кабатчик, корчмарь' (275) лексемой *кузё* 'хозяин' (313). Нами предлагается словосочетание: *кабак кузё* 'хозяин кабака', которое более точно передает значение венгерской реалии.

В одной из сказок встречаемся с традицией выпечки домашнего хлеба: *estére már abból a lisztből süített anyám kenyeret* 'к вечеру мать моя уже из той муки испекла хлеб' (397), что в удмуртском варианте передается как: *çуказез нэнэ нянь пыжиз* 'на следующий день мать моя хлеб испекла', в удмуртских семьях хлеб обычно пекут утром, вечером делают закваску, которая как раз к утру и поспекает; возможно, следуя этой традиции, А. Н. Уваров переводит, что

на следующий день был испечен хлеб, а не вечером, то есть производит функциональную замену.

8. *Исторические реалии*. Сказкам не свойственны исторические реалии, а если и встречаются, то переводчики вводят к ним примечания. В анализируемых текстах встречаются следующие реалии:

а) *vasas németek* букв. 'железные немцы' (81) в знач. 'немцы кирасиры' в переводе на удмуртский: *солдатъёс-кирасиръёс* 'солдаты-кирасиры'; далее непосредственно в текст вводится объяснение: *тыбыр но гадь бордазы кортъёс, йыразы корт каскаос* 'и на спине, и на груди железа, на голове железные каски' (90). Данное примечание дает возможность визуально представить противников положительного героя сказки. Так, не углубляясь в историю, переводчик адаптирует историческую реалию;

б) *dragonyos* 'драгун' (81) (от франц. *dragon* «драгун», букв. 'дракон') – название конницы, способной действовать и в пешем строю) передается как *драгунъёс* 'драгуны' (91) со сноской-объяснением *вал вылын ожмаськись 'сражающийся на коне'* (91), при данном объяснении удмуртским читателям дается минимальная информация о виде противников.

В силу того, что большинству читателей целевого текста ничего неизвестно о реалиях *vasas németek* 'немцы кирасиры' и *dragonyos* 'драгун', возможна их замена родовым аналогом *тушмон* 'враг', так как по содержанию они являются противниками главного героя.

Далее – в) *huszár* 'гусар' (81) в удмуртском варианте *гусар*, со сноской: «*гусар – ёёс ветлісь вал вылын ожмаськись*» букв. 'гусар – сражающийся на быстро бегающей лошади', эта сноска не дает гусарам полного определения, поскольку на конях сражались не только гусары. По нашему мнению, здесь целесообразнее было бы использовать иллюстрацию с изображением *гусара* в его боевом обмундировании, что помогло бы детям представить героя.

Способы передачи реалий при переводе на удмуртский язык

Переводчики избирают разные способы перевода реалий в зависимости от того, насколько значительную функцию выполняет тот или иной знак-реалия.

В теории и практике перевода широко известны следующие приемы перевода слов с культурным компонентом в своем значении: транскрипция и транслитерация, *уподобление*, описательный перевод и опущение. *Уподобление включает в себя следующие способы передачи смысла слов исходного языка: замену удмуртским аналогом, замену чужим аналогом, замену родовым аналогом.*

Приведем статистику совокупной частотности применения способов перевода венгерских реалий. При выполнении статистики учитывались все виды перевода одной и той же реалии.

Замена удмуртским аналогом: *tarkabableves* – *сьод көжы*, *szilvás gombóc* – *сливаен пельнянь*, *túrós gombóc* – *кузятэмен пельнянь*, *rántott csirke* – *пырсатэм чипы*, *galuska* – *чумер шыд*, *cimbalom* – *крезь*, *furulya* – *гумы*. Всего 7 примеров.

Замена чужим аналогом: *puliszka* – кукуруза *жсук-мамалыга*, *hintó* – *та-рантас*, *vasas németek* – *солдатъёс-кирасиръёс*, *dragonyos* – *драгунъёс*. Всего 4 примера.

Замена родовым аналогом: *gomolyasajt* – сыр, *pecsenye* – *сиён*, *pecsenye* – *сиёнзы*, *pecsenye* – *силь*, *pecsenye* – *быг-быг силь*, *zsemle* – *булка*, *karácsonyfa* – *кыз*, *tanya* – *гурт*, *kunyhó* – *ничи корка*, *kunyhó* – *корка* (2 примера), *kunyhó* – *дор*, *kocsmáros* – *кузё* (2 примера). Всего 14 примеров.

Описательный перевод: *gomolyasajt* – *нумырес сыр*, *hintó* – *уробо-вал*, *karácsonyfavásár* – *кызъёсын вузкаризы*, *karácsony* – *толсур праздник*, *karácsony* – *толсур*, *Mikulás* – *Тол Бабай Микулаш*, *kocsmáros* – *кочмалэн кузёез/кочма кузё*, *szalmafödeles kunyhó* – *куро лунето корка*. Всего 9 примеров.

Способ транслитерации: слова *fillér* ‘филлер’ и *huszár* ‘гусар’ – интернациональные слова (лексические единицы в разных языках, имеющие сходную – звуковую и/или графическую – форму и одинаковое значение), подвергаются транслитерации – *филлер*, *гусар*. Всего 2 примера.

Случай опущения: *tanya* ‘хутор, усадьба’ (173), всего 1 пример.

Итак, анализ венгерских реалий в анализируемых текстах позволяет сделать следующие выводы.

1. Прием замены венгерских реалий на удмуртский язык родовым аналогом составляет значительную долю – 39% переводческих решений. Описательный способ применялся в случаях 25% примеров, менее частотным оказался способ применения удмуртского аналога – 19%. Замена чужим аналогом составила 11%. Способом транслитерации переданы 6% примеров, им А.Н. Уваров воспользовался при передаче интернациональных слов. Здесь следует упомянуть о слове *корчма*, которое транслитерируется при передаче профессии *kocsmáros* ‘*кабатчик, корчмарь*’ (275) – *кочмалэн кузёез* (312), но данный случай нами включен в состав примеров описательного перевода, так как отдельного слова *kocsmáros* ‘*кабак, корчма*’ в текстах не встречаем.

2. Анализ показал, что переводчик выбирает тот или иной прием, полагаясь на свой переводческий опыт. Нами не обнаружены примеры передачи реалий, которые могли бы привести к недопустимой национально-культурной ассимиляции и к значительному снижению адекватности перевода, что еще раз говорит о высоком профессионализме А.Н. Уварова – первого переводчика венгерской литературы на удмуртский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В удмуртский сборник дополнительно включены две венгерские народные сказки: Сыр люкись жичы ‘Лиса, делящая сыр’ и Пунылэн но кочышлэн эшъяськемзы ‘Дружба собаки и кошки’. В работе используются тексты оригиналов из сборника: Kovács Ágnes: *Icinke picinke. Népmesék óvodásoknak*. 2. kiad. Вр.: Móra K., 1974, (2006). 270 о.

2. Здесь и далее после венгерских примеров в скобках указывается страница источника оригинала на венгерском языке, после удмуртских примеров – страница источника переводного удмуртского текста.

3. Электронный ресурс: официальный сайт Национального банка Венгрии: [Электронный ресурс] URL: [http://www.mnb.hu/Engine.aspxpage=mnbh_u_atalanosinformaciok&ContentID=10728#\[q5\]](http://www.mnb.hu/Engine.aspxpage=mnbh_u_atalanosinformaciok&ContentID=10728#[q5]) (дата обращения 12.09.2009).

4. Во всех примерах сохранено авторское написание, в данном случае речь идет о лексеме *корчма*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

букв. – буквально
в знач. – в значении
венг. – венгерский
удм. – удмуртский

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нуналлы быдэ выжыкыл. Дуннеысь пöртэм калыккёслэн выжыкылтёссы. Люказ но поттыны дасяз А.Н. Уваров; Суредазы А.М. Гусаров, В.Б. Михневич. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 456 с.

Minden napra egy mese. Válogatta és szerkesztette T. Aszódi Éva. Reich Károly rajzaival. Budapest: Móra Ferenc Könyvkiadó, 1987. – 392 о.

Kutya-macska barátság // Kovács Ágnes: Icinke picinke. Népmesék óvodásoknak. 2. kiad. Вр.: Móra Ferenc Könyvkiadó, 1974, (2006). – 18 о.

A sajtot osztó róka // Kovács Ágnes: Icinke picinke. Népmesék óvodásoknak. 2. kiad. Вр.: Móra Ferenc Könyvkiadó, 1974, (2006). – 12 о.

ЛИТЕРАТУРА

Бархударов, Л.С. Язык и перевод. – М.: Просвещение, 1975. – 240 с. [Электронный ресурс] // URL: http://www.classes.ru/grammar/125.Barhudarov-yazik-i-perevod/html/2_10.html (дата обращения 12.09.2009)

Влахов, С., Флорин, С. Непере译ваемое в переводе. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.

Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

Репин, Б.И. Национально-специфические слова-реалии как особая часть лексики в переводимом произведении // Теоретические и практические вопросы преподавания иностр. яз. – М.: Наука, 1970. – С. 87–98.

Соболев, М.Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. – М.: Наука, 1952. – 281 с.

Супрун, А.Е. Экзотическая лексика // Филологические науки. – 1958 – № 2. – С. 51–54.

Титова, О.В. О названиях некоторых видов наземных транспортных средств в удмуртском языке // XXI IFUSCO International Finno-Ugric Students Conference = Междунар. финно-угорская студенч. конф. = Abstracts = Тезисы = Удмуртский гос. ун. / Отв. ред. М.А. Самарова, Е.Г. Игнатьева, Силард Тот. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2005. – С. 193–194.

Томахин, Г.Д. Прагматический аспект лексического фона слова // Филологические науки. – 1988. – № 5. – С. 82–90.

Федоров, А.В. Введение в теорию перевода. – М.: Издат. лит. на иностр. языках, 1953. – 336 с.

Шатков, Г.В. Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. В.Шатков. – М., 1952. – 16 с.

Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973. – 183 с.

Newmark, P. Approaches to Translation. – Oxford, 1981. – P. 213.

Поступила в редакцию 23.09.2010

O.V. Ignatieva

Methods of transfer of Hungarian realias

(based on the Udmurt-Hungarian translations of A. N. Uvarov)

The article presents the results of the research on the process and the results of translation of Hungarian realias to Udmurt language based on the translations of A. N. Uvarov. The realias from the studied sources are organized into thematic groups, to show the translation methods used for each realia. The translation methods are rated by adequate translation aspects. In case for inadequate translations, an own solution is advised, to show a translation method that could be used for a better presentation of the Hungarian realia in the Udmurt language. The used translation decisions are displayed and evaluated using statistical methods.

Key words: realias, translation methods, adequate translations, translation of art.

Игнатьева Ольга Витальевна,
аспирант, Университет им. Лоранда Этвеша
г. Будапешт
E-mail: olga.ignatieva@yahoo.com

УДК 811.511.1

А.П. Чушьялова

**ИСЧЕЗАЮЩИЕ ФИННО-УГОРСКИЕ ЯЗЫКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ИЖОРСКОГО ЯЗЫКА
(ОПЫТ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

По главным социолингвистическим параметрам, определяющим жизнеспособность языка (численность носителей и отношение к своему языку, преподавание языка в школе и общественно-социологические функции языка) многие исчезающие языки Российской Федерации имеют на сегодняшний день нулевые показатели. В связи с этим важно выявить причины (исторические и др.), повлиявшие или продолжающие влиять на состояние языка. В статье предложен социолингвистический портрет ижорского языка.

Ключевые слова: ижора, ижорский язык, витальность языков, исчезающие финно-угорские языки, социолингвистический портрет языка.

В связи с Всероссийской переписью населения 2010 г. остро встает вопрос о положении финно-угорских языков, распространенных на территории Российской Федерации. Особое беспокойство вызывают исчезающие финно-угорские языки: ижорский, водский, ливский и некоторые другие, – так как большинство представителей их этносов отказалось от исконной этнической принадлежности и родного языка, отдав предпочтение государственному языку Российской Федерации.

Летом 2009 г. кафедрой финно-угорской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством с.н.с. сектора финно-угорских языков Института языкознания РАН Т.Б. Агранат была организована экспедиция на Сойкинский полуостров, в места компактного проживания ижорского этноса, где распространен сойкинский диалект ижорского языка, ставший объектом нашего исследования.

Ижорский язык относится к прибалтийско-финской подгруппе финно-угорских языков. Выделяются четыре диалекта ижорского языка: сойкинский (территория распространения – Сойкинский полуостров, Кингисеппский район), нижнелужский (нижнее течение р. Луги), хэваский (некоторые деревни на р. Коваши и на побережье Финского залива в Ломоносовском р-не Ленинградской обл.) и оредежский (Гатчинский р-н Ленинградской обл.). На сегодняшний день

из четырех диалектов осталось два: сойкинский и нижнелужский. Еще полвека назад эстонский лингвист А. Лаанест в книге «Ижорские диалекты» говорил о вымирании лишь ордежского диалекта, даже не упоминая о хэваском: «ордежский диалект фактически уже вышел из употребления, и только очень немногие старики еще помнят некоторые слова этого диалекта» [Лаанест, 1966]. Сегодня приходится констатировать, что носителей ордежского и хэваского диалектов не осталось, что свидетельствует о вымирании и самих диалектов.

Данные переписей с каждым разом фиксируют процесс уменьшения численности ижорского населения. Если в 1848 г. академик С.-Петербургской Академии наук П.И. Кёппен насчитал 17800 представителей ижорского этноса [Köppen, 1867], то, согласно переписи 2002 г., ижорцев насчитывалось всего 327 (177 – в городах, 150 – в деревнях). Большая их часть проживала и проживает в Ленинградской обл. (177 чел.) и Санкт-Петербурге (53 чел.), в Карелии – 24 чел., в Москве – 6 чел. и Московской области – 8 чел. Единицы из них остались в областях, куда они были направлены во время и после Великой Отечественной войны: в Новгородской (7 чел.), Псковской (5 чел.) и Ярославской (2 чел.). Значительная часть ижорцев сосредоточена в Эстонии (62 чел.)¹ и особенно – на Украине (812 чел.)².

Вопрос о степени достоверности переписи 2002 г. остается открытым, особенно в отношении подсчетов представителей малых языков. Об этом, в частности, говорит Т. Б. Агранат [2007] на примере народа води: «Все, кто когда-либо при полевом анкетировании задавал вопрос о родном языке, этнической принадлежности, знает, как могут ответы респондентов не соответствовать наблюдениям исследователей, часто родным языком называют свой этнический язык, которым совершенно не владеют. Разумеется, мы ни в коем случае не должны “поправлять” ответы на анкету, так как “информант всегда прав”, а полученные результаты являются материалом для изучения. Но когда исследователи “считают воду”, в список должны попадать только те, кто еще помнит язык».

Согласно переписи 2002 г., на территории РФ проживало 4 монолингва-ижорца. Как нам удалось установить, на Сойкинском полуострове их уже не осталось. Действительно, нереальна ситуация, чтобы в начале XXI в. человек не говорил по-русски, тогда как его родной язык (в данном случае ижорский) давно утратил функцию повседневного общения.

Сегодня основная территория распространения ижорского языка – Ленинградская область и граничащие с ней районы Эстонии. Сойкинский диалект распространен в основном в левой части Сойкинского полуострова, на побережье Лужской губы. Большинство деревень, издавна появившихся на данной территории, – ижорские. Меньшая их часть, появившаяся здесь еще в XVIII в., – русские. Предполагается, что ижорцы, выделившиеся в кон. I – нач. II тысячелетия из южнокарельских племен, заняли южную часть Карельского перешейка и земли по берегам Невы и Ижоры. Отсюда в XI–XII вв. они продолжали постепенно продвигаться на запад, до берегов рек Луги и Нарвы. Расселялись ижорцы чересполосно с водью и славянами [Агранат, 2007].

¹ Результаты переписи 2000 г. в Эстонии: <http://pub.stat.ee>

² Результаты Всеукраинской переписи населения 2001 г.: <http://www.ukrcensus.gov.ua>

На сегодня преобладает смешанный способ расселения представителей ижорского этноса: носители разных диалектов проживают на близком расстоянии друг от друга, активно контактируя с представителями других этносов, в частности, русского. Во многих деревнях, как и 50 лет назад, население смешанное, состоит из представителей нескольких народов [Лаанест, 1966]. Однако прежде это не влекло за собой ассимиляции одного языка другим. Сегодня приходится констатировать полную ассимиляцию большинства языков малых коренных народов, в том числе и ижорского, в русском языке.

В ходе экспедиции было опрошено 59 представителей ижорского этноса. Как видно из таблицы 1, большая их часть причисляет себя к русской нации:

Таблица 1

Ваша этническая принадлежность?	Ижор/ижорка	Русский/русская	Финн/финка	Уже не знаю
	20	36	1	2

Взрослые и их дети перестают говорить на ижорском языке, и чем в большей мере, тем сложнее им определить свою этническую идентичность. Для многих жителей Сойкинского полуострова, некогда говоривших только по-ижорски, основным признаком этнической принадлежности является использование во всех сферах жизни только данного языка. Вот как комментирует это суждение Евдокия Михайловна Васильева (1927 г. р.): «У меня соседи были, так вот они – чистые ижорцы, они ни слова по-русски не знали. А мы – талапанцы (от диалектного глагола «талапанить» – «непонятно говорить». – А. Ч.), мы не чистые ижорцы. Мы говорим и по-русски, и по-ижорски – всяко. Мало было чистых ижорцев, очень мало». Она считает себя русской по национальности, родной язык – русский, при том, что в общении с сестрой до сих пор использует ижорский язык.

Бывают и обратные случаи: человек, ни в одной из сфер жизни не использующий ижорский язык, считает себя «коренной ижоркой», как, например, Зоя Афанасьевна Коновалова (1950 г. р.), родившаяся в ижорской семье, но уехавшая в Эстонию и через 40 лет вернувшаяся в д. Вистино (на Сойкинском полуострове). Теперь самостоятельно учит язык, старается общаться с людьми старшего поколения на ижорском языке. «Я коренная ижорка, мне очень нравится наш язык», – говорит она. Причинами этнического самоопределения может быть, во-первых, сохранение семейной традиции (когда родители-ижорцы говорили только на своем языке) и, во-вторых, место рождения. Подобных примеров не так много.

Сегодня все представители ижорского этноса говорят на русском языке. Уровень владения языком различается: большинство из них являются полужычными билингвами, то есть не владеющими в полной мере одним из языков (в данном случае — ижорским). Меньшая часть – ижорцы, действительно владеющие родным языком. На сегодняшний день в каждой ижорской деревне не больше 2–3 таких носителей.

По словам информантов, до Второй мировой войны всё население ижорских деревень Сойкинского полуострова говорило на ижорском языке. Часто бывало так, что дети до первого класса не знали русского языка, потому что в семьях говорили только на ижорском. Рожденные в конце 1920-х гг. еще успели поучиться в ижорских школах по ижорским учебникам, авторами которых были В.И. Юнус и Н.А. Ильин (в период сталинских репрессий, они были расстреляны).

Практика преподавания ижорского языка в школах существовала лишь в 1933–1937 гг. В 2007 г. попытка внедрить ижорский язык в школьную программу в качестве факультатива свелась к урокам краеведения, а не ижорского языка.

Таким образом, в 1930-е гг. складывалась ситуация формирования двуязычия: в семье говорили на ижорском языке, в школе – на русском. Впоследствии она привела к полному переходу на русский язык. Те, кто еще учили язык в школе или в детстве разговаривали с родителями на ижорском языке, сегодня уже не знают его в совершенстве, путаются, большая часть из них не порождает спонтанных текстов.

Таблица 2

Ваш родной язык?	Ижорский	Русский	Финский	Уже не знаю
	15	40	1	3

Как видно из таблицы 2, большая часть информантов на вопрос о родном языке ответила «русский». Родным его признавали и те информанты, которые хорошо владеют также ижорским языком, порождают спонтанные тексты и т.д. Критерий определения языка как родного для них – это использование его во всех сферах жизни. Соответственно, пассивное знание ижорского языка и использование русского языка во всех сферах не позволяют им назвать ижорский своим родным языком. Возможны случаи определения родного языка, исходя из этнической принадлежности: имея русскую этническую принадлежность, родным языком может быть только русский. Больше половины информантов затруднились ответить на этот вопрос.

Отпечаток накладывает сложная судьба ижорского этноса: его представителям жизненно необходимо было иметь национальность «русский/русская», хорошо знать русский язык, чтобы получить образование, работу и обеспечить семью.

Основные причины перехода ижорского населения на русский язык:

1. Судьбоносные события, приведшие к постепенному вымиранию языка, – насильственное заселение русского населения на исконную территорию проживания ижоров с целью ассимиляции ижорского языка (XVIII–XIX вв.); при советской власти возросла роль русского языка как средства общения между представителями ижорского этноса и русским народом [Лаанест, 1966].

2. Политика советской власти, направленная на русификацию ижорских школ. По словам многих информантов, с появлением русских школ снизилась успеваемость учащихся, так как в большинстве случаев ижорские дети до школы русским не владели. Родители, беспокоясь за своих детей, начали говорить с ними дома по-русски. Подобная ситуация складывалась в разное время во многих странах

мира: желая обеспечить своим детям спокойное будущее, родители учили их доминирующим языкам (русскому, английскому и др.) почти с самого рождения.

Подтверждение свидетеля – Алевтины Владимировны Сергеевой (1953 г. р.): «Мама поставила цель, чтобы мы говорили только по-русски. Когда мы пошли в школу, мы хорошо говорили по-русски. С нами родители всегда разговаривали по-русски, между собой – по-ижорски. Я слышу, что они говорят по-ижорски, выхожу, а они сразу по-русски начинают разговаривать». Запрет говорить на своем языке повлиял на результаты довоенных и послевоенных переписей населения: число ижорцев сократилось на 70%.

В таблице 3 представлены ответы на вопрос «На каком языке Вы говорили в детстве?».

Таблица 3

На каком языке Вы говорили в детстве?	Только на ижорском	Больше на ижорском, чем на русском	Только на русском	Больше на русском, чем на ижорском	На финском
До школы	17	18	13	10	1
В школе	–	6	25	27	1

При сложении результатов можно констатировать, что основным языком общения был ижорский, русский язык детям преподавался как «иностраный» при поступлении в школу. Ситуация кардинально меняется в школьные годы: единственным языком общения в школе становится русский язык. Таким образом, основным критерием, который способствовал формированию двуязычия среди ижорцев, стало введение русского языка как языка преподавания в школах.

3. Еще одной причиной перехода ижорского населения на русский язык стали смешанные браки. С появлением русского в ижорской семье или, наоборот, попадание ижоры в русскую семью языком общения (языком *lingua franca*) обычно становился русский.

4. Во время Великой Отечественной войны ижорцы были выселены из родных мест и до 1953 г. многие не могли вернуться. Некоторые остались в местах эвакуации навсегда, их языком общения оставался только русский.

5. Начиная с 1990-х гг. стали уходить из жизни последние носители ижорского языка, среди которых были монолингвы.

6. Развитие инфраструктуры (например, строительство морского порта Усть-Луга в юго-западной части Ленинградской обл., в Лужской губе Финского залива), с чем связано преобладающее положение русского языка. Ижорский язык, как и многие другие языки малых коренных народов, на современном этапе не успевает за развитием технологий, поэтому идет процесс заимствования – неизбежный сегодня в любом языке. Созданием собственной терминологии в ижорском языке никто не занимался.

На сегодняшний день лишь небольшая часть ижорского этноса говорит на родном языке. Как видно из таблицы 4, преобладающее большинство информантов дает отрицательный ответ на вопрос: «Говорите ли Вы с кем-нибудь сейчас на ижорском языке?».

Таблица 4

Говорите ли Вы с кем-нибудь сейчас на ижорском языке? (в семье, на работе, с друзьями, в магазине и т.д.)	Да	Да, но только при наличии ижороговорящего собеседника	Нет
	11	15	33

Существование языка на этапе двуязычия является сегодня единственной формой его бытования. Ситуация с ижорским языком осложняется тем, что он не преподается в школе и во многих семьях нет ни одного носителя ижорского языка. Представители ижорского этноса дают мрачные прогнозы относительно будущего их родного языка: «Скоро вообще вымрут ижоры, нам осталось совсем мало, дети не говорят», «Язык, конечно, умрет, потому что никто не будет общаться. Вот это молодое поколение совершенно не знает его» и др.

Одной из немногочисленных функций ижорского языка является сегодня его тайная функция: ижорский язык используется носителями данного языка для того, чтобы другие не поняли. Об этом писали, к примеру, Т.Б. Агранат в связи с дистрибуцией (распределением) водского и русского языков [Агранат, 2007], Ф.И. Видеман – кривинского и латышского языков: «Особый язык их, как они сами, так и другие, называют кривинским; это, однако, не главный язык; главный – латышский. Свой же язык служит им вспомогательным в сношениях между собой или когда они хотят сказать какую-нибудь тайну в присутствии посторонних» [Видеман, 1872].

Важно, что на вопрос: «Будете ли Вы отвечать по-ижорски, если с Вами начнут на нем говорить?» – были получены, в основном, положительные ответы. Однако большинство представителей ижорского этноса выступает против введения ижорского языка в школах. Пример из речи Людмилы Сергеевны Косолап (1949 г. р.): «Я считаю, что преподавать ижорский язык – это бесполезно, это искусственное возрождение, язык обречен. Я убеждена в этом: нет ни письменности, будущего нет, только как воспоминание останется. Нет другого выхода. Уже ассимиляция с русским произошла. Если бы это было сразу после войны, тогда да, а так как дети и внуки не знают, то всё, это необратимо».

Тем не менее желающие изучать ижорский язык тоже имеются, хотя их значительно меньше. Основная проблема сегодня – в отсутствии компетентного преподавателя ижорского языка. Среди носителей ижорского языка, действительно хорошо владеющих им, остались только пожилые люди, уже не способные преподавать ижорский язык в школе, а некоторые более молодые носители языка не проявляют активности в обучении ижорскому языку.

С ростом научного интереса к ижорскому языку, некоторые жители Сойкинского полуострова сами начинают интересоваться своим языком: организуют ансамбли с пением ижорских песен, кто-то самостоятельно начинает учить язык.

Очевидно, что в отчете Всероссийской переписи населения 2010 г. будет зафиксировано еще меньше представителей ижорского этноса. Однако удивителен тот факт, что, при своей малочисленности и нефункциональности, ижорский

язык продолжает оставаться полноценным языком на всех уровнях, сохраняя архаичную фонетику, грамматику, лексику. Возможно, он, как и водский язык, считался более «сложным», чем окружающие его языки, и оказался более устойчивым по отношению к внешним воздействиям, поскольку набор его функций был гораздо уже, чем, к примеру, набор функций русского языка [Агранат, Шоштайшвили, 1997].

ПРИМЕЧАНИЯ

Агранат, Т.Б. Специфика полевой работы с носителями вымирающих языков (на материале водского языка) // Полевая лингвистика: сб. статей. – М., 2007.

Агранат, Т.Б. Языковая ситуация в западной Ингерманландии в начале XXI в. (опыт полевого исследования) // Вопросы филологии. – 2007. – № 3.

Агранат, Т.Б., Шоштайшвили, И.А. Водский язык: в конце пути // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. Сб. Статей. – М., 1997.

Видеман, Ф.И. О происхождении и языке вымерших ныне кревинов. – СПб., 1872.

Лаанест, А. Ижорские диалекты. – Таллин, 1966.

Köppen, P. Erklärender Text zu der Ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements, von Peter v. Köppen. St. Petersburg, 1867.

Поступила в редакцию 15.07.2010

А.П. Chushialova

Disappearing Finno-Ugric languages of the Russian Federation in terms of the Izhorian language (an experience of fieldwork)

In connection with the census of 2010 the situation with the disappearing languages of the Russian Federation causes the main concern. According to the main sociolinguistic parameters defining the language viability (number of speakers and attitude to the native language, teaching of language at school and social and sociological functions of language) many disappearing languages in the Russian Federation have zero index today. That's why it is necessary to reveal the reasons (historical and so on) which influenced or still influence the language state. In the article the sociolinguistic portrait of the Izhorian language is given.

Key words: the Izhorians, the Izhorian language, vitality of languages, disappearing Finno-Ugric languages, sociolinguistic portrait of language.

Чушьялова Анастасия Павловна,
научный сотрудник, МГУ им. М.В. Ломоносова
г. Москва
E-mail: chushyalova@gmail.com

ДИСКУССИИ, ГИПОТЕЗЫ

А.А. Арзамазов, П.Н. Баженов

PARIS–IZHEVSK / ИЖЕВСК–ПАРИЖ: VIS-A-VIS

I

Одно из важнейших направлений Финно-угорского научно-образовательного центра – творческое общение с коллегами из других стран. Удмуртская культура, и язык в частности, при умелом представлении становятся объектом немалого интереса: этнические культуры для Европы – не только далекая российская экзотика, это и память о прошлом, интуитивное желание быть ближе к золотому веку цивилизации, к ее богатству и многообразию.

С 15 по 21 февраля кандидат филологических наук, научный сотрудник НОЦ Алексей Андреевич Арзамазов по приглашению финно-угорской ассоциации Франции посетил Париж, где принял участие в различных мероприятиях, приуроченных, в том числе, к году России во Франции. 17 февраля состоялась открытая лекция А. Арзамазова в Северной библиотеке Парижа, посвященная общему финно-угорскому языку «Будинос». На лекции присутствовало порядка 70 человек – не только члены финно-угорской ассоциации Франции, но и люди, далекие от данной проблематики, однако проявляющие интерес к российской культуре. А. Арзамазов рассказал о структуре языка (коснулся особенностей его фонетики и морфологии), познакомил французскую публику с многомерностью реакций, связанных с этим лингвокультурологическим проектом. В ходе лекции автору общего финно-угорского языка было задано немало вопросов, высказан ряд предложений. В целом, отношение к языку «Будинос» очень теплое. Французы, изучающие финно-угорские языки России, сталкиваются с проблемой изучения языка-посредника (этим языком может быть русский, английский, немецкий). При наличии единого, общего финно-угорского языка, пусть и искусственно сконструированного, коммуникация в финно-угорском пространстве могла бы быть менее проблемной. Кроме прочего, идея общего языка, по предположению некоторых участников открытой лекции, является привлекательным культурным брендом, способным привести к финно-угорским языкам не только представителей иных языков и культур, но и ассимилированных финно-угров.

18 февраля А.А. Арзамазов посетил национальную библиотеку Франции и встретился с Рене Луври – ее сотрудником, который отвечает за финно-угорские

книги. К слову, библиотека, находящаяся в нескольких небоскребах, построенных из стекла и бетона, произвела неописуемое впечатление. Удивительно и радостно, что среди миллионов книг, представляющих самые разные отрасли и направления человеческой жизни, культуры, нашлось место и для изданий на финно-угорских языках. В очередной раз сложилось мнение, что Париж в самых разных культурно-творческих аспектах подтверждает свой неофициальный и почетный статус европейской столицы. Важным сегментом пребывания А. Арзамазова в Париже стало рандеву с помощником министра культуры Франции господином Винсантом Лорренцини, человеком широких интересов. Будучи ключевым специалистом министерства культуры по восточноевропейскому направлению, В. Лорренцини имеет самые глубокие представления о полиэтничности Российской Федерации, он сам – активный участник финно-угорского и тюркского культурного движения. В ходе встречи обсуждался комплекс вопросов, сопряженных с углублением сотрудничества между некоторыми научно-образовательными и социальными институтами Удмуртии и Франции.

Еще один особенный сюжет поездки в Париж – встречи и беседы с доктором философии, президентом финно-угорской ассоциации Франции Эвой Тулуз. На протяжении многих лет Э. Тулуз занимается исследованием финно-угорских языков и литературных традиций. Во многом, благодаря ей и профессору Жану-Люку Моро, интерес к уралоистике, финно-угроведению во Франции из года в год растет. При непосредственном участии Эвы Тулуз проходят все мероприятия ассоциации, она главный идеолог франко-российского финно-угорского сотрудничества. Алексей Арзамазов встретился также с профессором венгерского языка в Институте восточных культур и цивилизаций Андрашем Кяняди, речь шла о специфике преподавания венгерского языка и литературы в Удмуртии.

Путешествие в Париж – это и незабываемые зрительные впечатления, музыка и запах прекрасного города. Именно в феврале в Париж приходит весна – часто стоят солнечные дни, довольно тепло. Париж – город открытых объятий: здесь редкие люди чувствуют себя иностранцами. С первых минут пребывания в Париже хочется стать его частью, хочется говорить на его языке. Каждый бульвар, каждая авеню таит память о великих людях и великих исторических событиях, здесь отчетливо звучит голос прошлого. О Париже можно писать бесконечно... Нам же остается поделиться с читателями «Инвожо» визуальными ассоциациями и выразить радость – в Париже есть люди, говорящие на финно-угорских языках, люди, которым мы интересны!

II

С 25 февраля по 4 марта по приглашению УдГУ в Удмуртию с частным визитом приехали французские гости – Мари Дюга Казен и Жереми Буаре, члены финно-угорской ассоциации Франции. В этой далекой стране активно проводятся финно-угорские исследования, в Париже даже изучают удмуртский язык! Следует заметить, что это первый визит французских исследователей в Россию, и выбор их пал именно на Родниковый край. Удмуртская культура, по словам Мари Дюга Казен, которая пишет докторскую диссертацию о жизни современных удмуртов в городской среде, – представляет собой уникальное

переплетение самых разных архаических черт культуры, удмурты должны непременно сохранить свой удивительный язык, изменить отношение к своей этнической истории. Мари Дюга Казен также преподает французский язык иностранцам в Лёколь де Комерсе, Жереми Буаре – известный во Франции фотограф и режиссер документального кино, именно он сделал фильм о легендарной французской актрисе Шарлоте Гензбур, дочери «великого и ужасного» Сержа Гензбура. График французских гостей в Удмуртии был расписан буквально по минутам. Состоялись важные и, хочется верить, взаимноинтересные встречи с министром культуры, печати и информации Удмуртской Республики Д.Е. Ивановым, который рассказал о парижских и французских сюжетах своей жизни, о том, насколько эффективно и многогранно сотрудничество между Удмуртией и Францией в области циркового искусства. М. Дюга Казен и Ж. Буаре были приняты первым заместителем министра национальной политики Л.Н. Бурановой, перечень обсуждаемых ими вопросов – этническое самосознание современных удмуртов, реализация закона о государственных языках Республики Удмуртия, грядущая всероссийская перепись населения, культурная унификация и др. Договоры о научно-исследовательском сотрудничестве были подписаны с Удмуртским государственным университетом и Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН. В рамках обсуждения совместных проектов Мари Дюга Казен и Жереми Буаре встретились с директором Института, доктором исторических наук, проф. А.Е. Загребинным, с проректором УдГУ по науке, доктором психологических наук, проф. Н.И. Леоновым. Благодаря директору научно-образовательного финно-угорского Центра гуманитарных технологий УдГУ А.В. Ишмуратову и А.Н. Прокопьеву французские финно-угроведы впервые услышали музыку кретья. Благодаря П.М. Захарову были организованы поездки в деревни Пальники и Якшур Завьяловского района, где специально для французских гостей был дан музыкальный концерт и – истоплена баня.

По итогам путешествия в Удмуртию в Париже будет сделан фильм, посвященный удмуртскому народу, удмуртской культуре. Разве это не осязаемый сигнал того, что удмурты интересны мировому сообществу? Хочется верить – собранные материалы и приобретенные впечатления не потеряются в многообразии парижских событий.

Открытая лекция в Северной библиотеке Парижа...

17 февраля 2010 года в Северной библиотеке Парижа состоялась лекция Алексея Андреевича Арзамазова, посвященная проблеме создания и развития общего языка финно-угров. Ведущая лекции – доктор философии, профессор Института Восточных Цивилизаций и Культур Эва Тулуз. На встрече присутствовали французские лингвисты, специалисты финно-угроведы, докторанты и магистранты различных высших школ Франции.

Общеизвестно, что на перекрестье XX–XXI столетий обострился вопрос сохранения культурного богатства ойкумены – процессы глобализации и этнической унификации представляют серьезную опасность для лингвокультур-

ного многообразия цивилизаций. На фоне конструирующихся моделей развития современной культуры, в основе которых – бесконечная постмодернистская эклектичность, иные, традиционные, этнические принципы / обыкновения на наших глазах превращаются в миф, стираются из исторической памяти. Финно-угорские этносы оказались на краю пропасти – их языки и культуры все более становятся уходящей реликвией. Необходимо приложить немало усилий, чтобы хоть как-то изменить ситуацию, приостановить эрозию, распад этносов и языков. Рецепт гипотетического спасения, вероятно, может быть связан с анализом исторического прошлого и выдвиганием новых, подчас, неоднозначных «реакционных» культурных проектов. К таким проектам относится опыт моделирования финно-угорского общего языка, получившего название «Будинос». Его основа – лексические компоненты самых различных финно-угорских языков, имеющие общие точки соприкосновения. Общий финно-угорский язык как лингвистический механизм, культурный феномен и как новая коммуникативная практика вызывает множество реакций, оценок, вопросов. Презентация проекта в Париже не стала исключением.

Очевидно, что данный международный лингвистический проект, который вызывает большой резонанс в финно-угорском мире и имеет благородную цель языкового сближения – все больше становится предметом дискуссии, культурологического обсуждения. Финно-угорское общество очень по-разному относится к данному проекту. Кто-то считает его итогом страдания «малых» языков, кто-то видит в языке «Будинос» манифест политического сопротивления. Иные приветствуют появление общего языка финно-угров, предрекают ему большое будущее. Проектом интересуются во многих странах мира – и каких только стран в данном перечне нет: это и родственные Финляндия, Венгрия, Эстония, это Германия, Нидерланды, Италия, Испания, страны СНГ, США, Канада, Мексика, Аргентина, Саудовская Аравия, Китай, Япония, экзотические республики Полинезии. На общем языке финно-угров «Будинос» написаны первые художественные произведения, ему посвящен ряд рецензий и статей, благодаря эстонскому композитору Марту Симмеру язык обрел симфоническое измерение – 4 июня 2009 г. в Яновской церкви Тарту состоялась презентация сюиты «*Mina upin jos*»... В разных уголках мира люди начинают приветствовать друг друга словами «*Paro lona*» и «*Paro volide*». Если угодно, «Будинос» – это и санскрит, и эсперанто одновременно: он сочетает в себе архаичные словоформы, часто наглядно объединяющие географически далекие этносы. Но и не стоит забывать, что «Будинос» – не столько итог реконструкции, сколько результат моделирования. Он прост, логичен, его грамматика сведена к минимуму необходимых правил. Два столетия человечество «играет» в искусственные языки и, видимо, никак не наиграется. Что неудивительно. Во-первых, лингвистический азарт очень велик; во-вторых, игра в «новый» язык может быть и достаточно успешной в коммуникативной перспективе. Искусственный язык может отчасти приблизить к ясной, но труднодостижимой цели – облегчить людям общение. И все же существует множество объективных и субъективных *но*, с которыми приходится считаться и которые обуславливают сложное социальное отношение к таким проектам.

Автор в ходе парижской лекции заметил, что не относит себя к группе отчаянных утопистов и, напротив, старается реально смотреть на феномен искусственных языков и реализовывать в этой сфере свой исследовательский интерес. Осуществление данного проекта предопределило возможность соприкоснуться с миром языка «с той стороны», посмотреть на лингвистическую историю и картину мира финно-угорских народов, встретиться с прошлым и одновременно ощутить сложное настоящее.

Наибольший интерес у французской аудитории вызвал сценарий создания языка: каким образом автор пришел к идее языкового моделирования, с какими трудностями он столкнулся в ходе работы над общим финно-угорским языком, насколько проблематично было выявлять общее в лексике и грамматике родственных языков, каковы принципы словообразования и механизмы опосредования индоевропейской лексики. Авантекстом ответов на вопросы стали комментарии Эвы Тулуз и в целом рассуждение о языковой ситуации в финно-угорских регионах России и на территории Удмуртии в частности. В рамках лекции остро прозвучал вопрос – на каком языке должен говорить финно-угр XXI столетия, живущий в России? А.А. Арзамазов и Ева Тулуз заметили, что в первую очередь – на родном. Сохранение своего этнического языка – важнейшая задача, которая стоит и будет стоять на финно-угорской повестке дня. «Будинос» в этом случае является лишь частным предлогом к радости «легкого» общения, если такое еще возможно.

Алексей Андреевич Арзамазов,
младший научный сотрудник, ФУНОЦГТ,
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Павел Николаевич Баженов,
заместитель редактора журнала «Вордскем кыл»
г. Ижевск
E-mail: rvkir@mail.ru

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

ИТОГИ XI МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА

9–14 августа 2010 г. в Будапеште состоялся XI Международный конгресс финно-угроведов. Среди 20 научных центров, представители которых участвовали в конгрессе, самой многочисленной (26 человек) была делегация из Удмуртской Республики – ученые из Удмуртского госуниверситета и из Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

Современное движение финно-угроведов – реальный фактор, консолидирующий народы на общем информационном пространстве. Сегодня расширяются и укрепляются связи между регионами России и зарубежными странами. Происходит глубокое осознание того общего, что связывает народы, нарабатывается опыт решения жизненно важных вопросов, в первую очередь – сохранения языков и культур.

Проректор по научной работе, проф. Н.И. Леонов: **Не каждый региональный вуз может гордиться тем, что создал самостоятельный факультет подготовки национальных кадров.**

Лично мне за пять дней конгресса удалось так мощно погрузиться в финно-угорскую тематику, чего не было за все 20 лет проживания в Ижевске.

Панораму представлений обеспечил, во-первых, междисциплинарный характер докладов и сообщений, были в их числе и с локальными узкими темами, но не они стали сутью. Мне импонировала также продуманная содержательная часть архитектуры научного форума – показатель того, что конгресс накопил хорошие традиции, которые передаются от одних организаторов к другим.

Третий момент. Поскольку я представлял административную ветвь нашего университета, то в пленарной части конгресса передал его участникам приветствие нашего университета С. Д. Бунтова. Плюс как главный редактор Ежегодника финно-угорских исследований провел на конгрессе презентацию журнала. Это вызвало самый положительный эффект и позитивный отклик коллег. Дали согласие к сотрудничеству Эва Тулуз из Франции, ученые из Швейцарии, Германии, Голландии, Америки. Да мы и рассчитывали на международную судьбу журнала, с этого года сопровождая все публикации аннотациями на английском языке.

Зарубежные коллеги высказали на презентации пожелание придать аннотациям расширенный характер для более глубокого представления о содержании.

Как ученый я участвовал в работе секции «Современные исследования» с докладом, в котором раскрыл суть финно-угорских исследований как приоритетного научного направления нашего университета. Именно в УдГУ работает единственный в мире факультет удмуртской филологии, который ведет гуманитарную подготовку удмуртов. Не каждый региональный вуз может гордиться тем, что создал самостоятельный факультет подготовки национальных кадров. А образовательный процесс носит непрерывный характер и является воспроизводящим в подготовке научных кадров и как наукоемкий компонент.

Я также говорил о том, что финно-угорское направление является одним из лидеров развития в нашей ставке на три «И» – интеграция, инновация, институционализация. Этим контекстом мы тоже оказались интересны Европе. XXI век под прессингом глобализации развивает диалог культур, их взаимообогащение и обмен. А у нас интеграция идет не только в рамках вуза, но и с академическими структурами. Мы не ждем законодательной проработки всех законов и реализуем проекты, совместные с Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН. Сегодня председателем Ассоциации финно-угорских университетов является наш ректор С. Д. Бунтов, а это интеграция более широкого масштаба.

Общеуниверситетской интегративной площадкой уверенно стал научно-образовательный центр (НОЦ) финно-угорских гуманитарных технологий. Это тоже работает на перспективу. Наша реальность такова, что больше значения придается пока экономическим показателям. Дело в том, что гуманитарные технологии имеют затратный характер и отсроченный во времени результат. Но, если смотреть на организацию жизни человека, то она вся строится именно на мощном культурном фундаменте. И давно замечено: если хозяйствующий субъект развивает национальную культуру, пусть даже в виде художественной самодеятельности, здесь гораздо выше производительность труда, чем во всей округе. А это и есть возвратность гуманитарных технологий, которая является предметом исследований нашего НОЦа. Кстати, именно об этом в материалах конгресса опубликована статья его руководителя А.В. Ишмуратова.

Директор УИИЯЛ УрО РАН, д.и.н., проф. А.Е. Загребин: **Мы в очередной раз сверили часы: каким темпом и в каком направлении движется современное финно-угроведение...**

Первый Международный конгресс финно-угроведов состоялся в 1960 г. в Будапеште. Это было непростое время. Люди постепенно приходили в себя после Второй мировой войны и междоусобных конфликтов. Ученые, прежде разделенные линией фронта и идеологическими догмами, но объединенные предметом исследований, пытались восстановить контакты. Определяющую роль в этом сыграли выдающиеся финно-угроведы тех лет. С помощью политического влияния и научного авторитета они стали своеобразными послами доброй воли между учеными разных стран. Процесс воссоздания единого финно-угорского научного пространства был запущен.

Для меня знаковым стал нынешний XI конгресс финно-угроведов в венгерском г. Пилишчаба. Работая с Российским комитетом финно-угроведов и

его председателем – профессором А.Н. Ракиным, мы создали в Удмуртской Республике региональный комитет финно-угроведов. Большую помощь в его становлении оказал профессор В.К. Кельмаков. Своего рода проверкой нашей организации стала подготовка к поездке в Венгрию.

Мы предприняли усилия, чтобы объединить ученых, найти необходимые средства и достойно презентовать республику на конгрессе. Основная финансовая нагрузка легла на Институт и университет, поддержку ученым оказало Министерство национальной политики УР. Мы работали в тесной связке, поэтому хочу еще раз подчеркнуть ту мысль, которую озвучил в приветственном слове конгрессу: УИИЯЛ УрО РАН и УдГУ – две руки удмуртского финно-угроведения. Они дополняют друг друга, помогают друг другу.

Подготовка к конгрессам такого уровня начинается за несколько лет до их проведения. Примерно за год до официального открытия становится ясно, каков будет состав участников и, самое главное, кто выступит на пленарном заседании. Не случайно один из трех томов материалов конгресса отведен пленарным выступлениям. Высокая честь и большая ответственность для сотрудников нашего Института – сделать пленарный доклад постановочного характера. Кроме того, важный в научном плане доклад был подготовлен археологами УдГУ и Коми научного центра УрО РАН, что еще раз продемонстрировало возможности научной кооперации.

На конгрессе присутствовали ведущие специалисты, представляющие различные направления финно-угроведения. Мы в очередной раз сверили часы: каким темпом и в каком направлении движется современное финно-угроведение, чтобы через пять лет в финляндском г. Оулу сказать: «Да, предыдущая встреча прошла не зря. Мы общались, обменивались мнениями, и это пошло на пользу нашим исследованиям». Заложить основу работы на перспективу – одна из приоритетных задач конгрессов финно-угроведов.

Заведующий кафедрой общего финно-угроведения В.К. Кельмаков: ...А сколько мыслей и соображений высказано в кулуарах конгресса – это просто не поддается учету.

Для российских ученых из глубинки конгрессы финно-угроведов открылись в 1970 г., когда состоялся в Таллинне уже третий форум ученых, объединенных общей тематикой исследований. Я тогда впервые был членом делегации от Удмуртии. С тех пор через каждые пять лет участвую в работе всех конгрессов (кроме 2005 г.). Основная польза, на мой взгляд, не столько в прослушивании многочисленных докладов (можно прочитать после публикации), сколько в общении с коллегами, когда ты узнаешь из первых уст, где и что делается. Кстати, об этом было сказано и с трибуны XI конгресса. Его организатор профессор Шандор Чуч в заключительном выступлении, подытожив, какое количество докладов и так далее было прочитано, особо подчеркнул: а сколько мыслей и соображений высказано в кулуарах – это просто не поддается учету.

И в целом, конечно, каждый конгресс, на котором присутствуешь, создает особый научный настрой. Кстати, в свое время из общения на конгрессе в Дебреце я познакомился с серией «Венгерские диалекты», которую издает университет

этого города. И я взял идею на вооружение. Диалекты – это ведь средоточие всех тем в языкознании. Мой проект «Удмуртские говоры» успешно издается в серийном варианте. В его рамках сейчас готовится к выпуску работа «Вехи удмуртского языкознания в трудах и лицах». Это уже девятый выпуск. Кстати, я параллельно работаю над четырьмя научными сериями.

XI конгресс стал мне интересным тем, что в составе участников было много молодых ученых. Идет интенсивная смена поколений. С одной стороны, радуется, с другой – кое-что заставило задуматься. Обо всех не могу сказать, но некоторые молодые делегаты пришли на конгресс с мелкотемьем. Наши студенты на таком уровне пишут курсовые – описание фонетических особенностей говора какого-то населенного пункта. Хотелось бы сравнений, широты и глубины. Отсутствие элементарной аналитики в некоторых докладах меня неприятно поразило. Как и то, что Удмуртская Республика плохо включилась в финансирование делегации. Мы ездили на конгресс в основном за счет университета, а вот для марийских ученых республика нашла бюджетные средства от и до.

А замечательно то, что впервые в истории конгрессов финно-угроведов в работе XI принял участие представитель ректората УдГУ – профессор Н.И. Леонов.

По разным причинам лично приехать в Венгрию смогли далеко не все их тех, кто подал заявки на участие. Но в компактности форума коллег тоже оказалось преимущество. Можно было обозримо общаться со всеми. В этом смысле организация конгресса была на высоте. Мне удалось также, благодаря культурной программе, осуществить свою давнюю мечту и побывать в старинном монастыре Паннонхалма, где жил и творил в свое время известный финно-угровед Антал Клемм. Я нередко пользуюсь его трехтомником «Исторический синтаксис венгерского языка» в работе. Это его классический труд, в котором приводятся и материалы удмуртского языка. А также у него есть отдельная статья «О сочинительной и подчинительной связи в северо-хантыйском и удмуртском языках». Она входит в научный оборот российского финно-угроведения.

Декан факультета удмуртской филологии Л.П. Федорова: В работе конгресса участвовало много воспитанников факультета, наших коллег, которые ведут исследовательскую работу, свободно владеют европейскими языками и новыми методиками.

Я приняла участие уже в третьем международном конгрессе финно-угроведов. Научный форум такого уровня – всегда подведение итогов работы за пять лет. И ты получаешь полное впечатление, как и в каком направлении идет развитие литературоведения в других странах.

Последний конгресс интересен еще и тем, что мы здесь были не новички – 70–80 % коллег, которые приехали в Венгрию, уже были знакомы по научно-образовательной деятельности и совместным проектам. Новые имена тоже прозвучали. Лично я открыла для себя в плеяде молодых коллег Сергея Дюкина. Он – кандидат филологических наук из Перми, преподает в вузе культурологию и занимается исследованием венгерской литературы. Оказалось, этот открытый и любознательный молодой человек родом из Балезино, его отец – удмурт. Еще

более интересно то, что у Сергея свежий неординарный взгляд на венгерскую литературу.

В работе конгресса участвовало много выпускников факультета, наших коллег, которые ведут исследовательскую работу, свободно владеют европейскими языками и новыми методиками. Например, Лена Рябина, которая сегодня представляет университет города Тарту. Методика изучения цветовых обозначений в удмуртском языке, которую она разрабатывает, оказалась очень интересной.

Отрадно то, что на молодежных встречах в Будапеште, по признанию финского исследователя, нашего лектора Симо Кантале, языком общения магистров и аспирантов стал удмуртский язык. Жужанна Шаланки – она преподает в университете им. Этвеша Лоранда (ELTE) – пригласила всю нашу делегацию на свою дачу. Такое открытое, многоаспектное сотрудничество приятно радует, так как является свидетельством человеческого тепла, добросердечного отношения к языку и культуре удмуртского народа. А самое главное, в Удмуртской Республике сегодня нет возрастного разрыва среди ученых финно-угроведов. И это прямой результат работы факультета удмуртской филологии.

Как профессионала меня порадовало, что на конгрессе получило поддержку удмуртское литературоведение. Нас приходили слушать: Иштван Надь – директор Культурного и научного центра Венгерской Республики в Москве, Ева Тулуз – заведующая кафедрой финно-угроведения Института восточных языков и культур в Париже и многие другие.

Но конгресс – это и формирование будущих совместных проектов с зарубежными коллегами. Здесь получило дальнейшее развитие сотрудничество факультета и университета ELTE. С заведующим кафедрой финно-угроведения Ференцем Хавашем мы обсудили договор о сотрудничестве в области подготовки аспирантур и докторантур. Кстати, направление по подготовке бакалавров мы уже давно развиваем совместно. Сегодня ректоры обоих вузов – ELTE и УдГУ – подписали текст и нового договора. В рамках его уже 17 декабря Ференц Хаваш начнет читать цикл лекций «Типология финно-угорских языков» аспирантам и соискателям факультета. А следом приедет профессор Института финно-угроведения Геттингенского университета Германии Эберхард Винклер.

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Камитова

НОВЫЙ УЧЕБНИК УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рец. на: Арекеева, С.Т., Пантелеева, В.Г., Фёдорова, Л.П., Шкляев, А.Г. Удмурт литература: 10–11-тй классъёслы учебник. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 408 б.

Думаю, не ошибусь, если назову учебник для 10–11 классов «Удмурт литература» 2008 года издания учебником нового поколения. Книга создана взамен давно не переиздававшегося выпуска (Ермолаев А.А., Поздеев П.К. Удмурт литература 9–10 классъёслы. Ижевск, 1977) и завершает серию новых учебников «Удмурт литература» с 5 по 8 класс. Их публикация стала для учителей, учеников и родителей долгожданным и настоящим подарком.

Над составлением учебника «Удмурт литература» работал авторский коллектив преподавателей УдГУ и сотрудников национального образования УР: Светлана Тимофеевна Арекеева, Вера Григорьевна Пантелеева, Любовь Петровна Фёдорова, Александр Григорьевич Шкляев. Издание одобрено Министерством образования и науки Удмуртской Республики. Выходу в свет этой книги содействовало Общество М.А. Кастрена (Финляндия).

Открывается учебник предисловием – приглашением к творческому диалогу. Содержание и структура книги соответствуют концепции литературного образования: стимулировать творческую деятельность учащихся и развивать их интеллектуальные умения. Принцип изложения материала хронологический: начиная с фольклора до литературы XXI в.

При отборе имен писателей, «получивших право» на монографические главы, авторы учебника руководствовались выработанным ранее принципом: школьники узнают о творчестве не только крупных и популярных удмуртских писателей, но и тех, кто в силу разных причин малоизвестен удмуртскому читателю. Материал в главах излагается традиционно: жизненный и творческий путь автора («Улон но ужан сюресэз»); художественное своеобразие произведений («Кылбурет дуннеэз», «Чеберлыко дуннеэз»), вопросы и задания, рекомендуемая литература.

В биографических главах («Улон но ужан сюресэз») наряду со сведениями о жизни писателей и поэтов воссоздана творческая атмосфера, в которой происходило становление личности художника; в одних случаях удачно вплетаются воспоминания родных и близких писателей; в других – представлена история жизни в виде отрывков из автобиографий. В качестве примера приведем отрывок из письма Ашальчи Оки Кузебаю Герду, цитируемый в учебнике: «Мар малтасько но шөдйсько, со сярсь

гожъяны уг быгатїськы, нош пїяськыса гожъяме уг поты <...> Азьланыз мон кылбуранме кушто, дыр. Мыным уг кельшо со кылбуръёс...»¹ (с. 65).

В изложении жизненного и творческого пути писателей широко используются документальные материалы, высказывания видных исследователей, что придает биографическим страницам историческую достоверность, так что краткая биографическая справка содержит самую важную информацию, чтобы учащиеся осознали связь автора с литературным направлением и социально-политической ситуацией эпохи.

Необходимые в процессе работы литературоведческие понятия выделены в текстах особым шрифтом, что позволяет ученику легко ориентироваться в материале. В учебнике нашли отражение вопросы удмуртского стихосложения, стиховедческие понятия объясняются на примерах из творчества Кузубая Герда, Ашальчи Оки и других поэтов.

Постижению художественного мира писателей помогают рубрики учебника «*Кылбурет дуннез*» («Мир поэзии»), «*Чеберлыко дуннез*» («Художественная действительность»). Составители предлагают нетривиальные методические рекомендации, снабженные образцами художественного прочтения. Серьезно подошли они к выбору текстов. В поле зрения попали и программные, и ранее не изучавшиеся произведения. Отбор их мотивирован логикой построения материала. Тексты призваны пробуждать интерес, воспитывать литературный вкус, вырабатывать навык литературного анализа. Этой цели служат вопросы и задания – важная часть учебника. Они помогают учащимся осмыслить проблематику изучаемой темы (например: «*Роман-дилогилэн кы́че валтїсь проблематикаез но конфликтэз?*»² (с. 308), специфика образов (например: «*Чошатэ Т. Архиповлэн «Лудзи шур дурын» дилогийсьтыз Тая Михайловалэсь но Р. Валишинлэн «Тол гурезь» повестысьтыз Юся Шабалиналэсь образъёссэс*»³ (с. 167), закрепить пройденный материал (например: «*Тодады вае, мар со драма, комедия но трагедия*»⁴ (с. 297), обратиться к самостоятельному поиску ответа на вопросы проблемного характера (например: «*Кылбурчи-этнограф*»: *кызы валаськоды та веранэз?*»⁵ (с. 246), или – «*Малы 1930-тї арьёс бере вїсьяслэн образэз удмурт литератураысь ышиз?*»⁶ (с. 268).

В некоторых случаях составители учебника включили в раздел заданий написание эссе, рефератов, которые могут быть предложены в качестве домашнего задания. Работа учеников предполагает собственное размышление на

¹ Здесь и далее подстрочные переводы автора рецензии: «О чем размышляю и что чувствую, о том писать не умею/не могу, а слащаво писать не хочу <...> В будущем я перестану писать стихи, наверное. Мне не нравятся эти стихи...».

² Каковы основная проблематика и конфликт в романе-дилогии?

³ Сравните образ Тани Михайловой из дилогии Т. Архипова «У реки Лудзинки» с образом Юси Шабалиной из повести Р. Валишина «Гора ветров».

⁴ Вспомните, что такое драма, комедия и трагедия.

⁵ «Поэт-этнограф»: как вы понимаете данное определение?

⁶ Почему образ жреца исчез из удмуртской литературы после 1930-х гг.?

обозначенную тему. Например: «*Ашальчи Окилэн образэз С. Виноградовлэн но П. Ёлкинлэн суредьёсазы*» темая эссе гожтэ»⁷ (с. 70).

Изучение жизни и творчества писателя иногда сопровождается заданием составить хронологическую таблицу, что нацеливает на развитие умения обобщать и систематизировать материал. Составление хронологической канвы жизни писателя предполагает детальное изучение его биографии. Возможно, увлеченность этой темой пробудит интерес учеников к работе в архивах, библиотеках. Например: «*Г. Красильниковлэн биографияезъя хронологической таблица лэсьтэ. Творчествоысьтыз кыче вакытьёссэ висъясалды?*»⁸ (с. 195).

Среди разнообразных творческих заданий особо выделим схематическое изображение: «*Повестыын сётэм описаниосъя графика амалэн Тузьмогуртэз но Тёл гурезез суредалэ. Кызы автор повестяз пространствоез радъя?*»⁹ (с. 266). Сочетание разных видов деятельности на уроках литературы призвано повысить заинтересованность учащихся, способствовать закреплению материала и развитию их творческих способностей.

Особого внимания заслуживает раздел, в котором представлены темы сочинений, эссе и рефератов («*Сочинение, эссе яке реферат гожтыны темаос*»). Для их выполнения требуется длительная и разноплановая подготовка: чтение дополнительной литературы; работа с библиотечными фондами; знание исторических фактов и событий (например: «*Кызы герзаськемын Г.Е. Верещагин Мултан ужен?*»¹⁰ (с. 18); просмотр телефильмов (например: «*Ужады кутэ И. Даниловлэсь М.А. Можгинэн ёош гожтэм «Дышетйсь» пьесаэз но со произведенийя лэсьтэм куинь сериен телефильмез*»¹¹ (с. 13); знакомство с произведениями финно-угорских писателей (например: «*М. Можгинлэн «Беглой» балладаез но пор (мари) писательлэн С. Чавайнлэн «Беглой», веросэз (ёошатэ огкадь луэзы но пёртэмлыксы ласянь*»¹² (с. 13); знание памятников и картин художников (например: «*Учке Ижкарысь К. Гердлэсь памятниксэ но солэн тусбуеныз мемориальной пулэз, тодматске П. Ёлкинлэн но С. Виноградовлэн К. Гердлы сйзем суредьёсынызы*»¹³ (с. 63) и т. д.

Таким образом, ярко выражена линия межпредметных связей: задания, связанные с историей, с изобразительным искусством, представлены в гармоничном

⁷ Напишите эссе на тему «Образ Ашальчи Оки в картинах С. Виноградова и П. Ёлкина».

⁸ Составьте хронологическую таблицу по биографии Г. Красильникова. Какие периоды вы бы выделили в его творчестве?

⁹ По имеющимся описаниям в повести нарисуйте графически картину Тузьмогурт и Гора ветров. Каким образом автор распределяет пространство?

¹⁰ Каким образом связан Г. Е. Верещагин с Мултанским делом?

¹¹ В работе используйте повесть И. Данилова и М.А. Можгина «Учитель» и трехсерийный телефильм, созданный на основе этого произведения.

¹² Баллада «Беглец» М. Можгина и рассказ «Беглой» марийского писателя С. Чавайна (сравните общее и частное).

¹³ Познакомьтесь с памятником К. Герда в Ижевске и с его фото на мемориальной доске, познакомьтесь с картинами П. Ёлкина и С. Виноградова, посвященными К. Герду.

взаимодействии с литературой, что способствует восприятию мира в его многообразии и дает возможность ученикам раскрыть творческий потенциал.

Среди новых методов работы учителя с классом обратим внимание на раздел «Уголок умельца» («*Быгатйсьлэн сэрегез*»), целью которого является проведение учащимися различных мероприятий: конференций, круглых столов, семинаров. Авторы учебника предлагают следующие темы: «*К. Герд – удмурт критикаын*» темая конференция ортчытон; «*Екатерина II удмурт кылын данъян*» темая «*котырес ёжок*» ортчытон; «*Гуртэлэн калык кылосез*» темая семинар ортчытон»¹⁴ и т.д. Другой раздел «*Дунъясьлэн сэрегез*» («Уголок критика») нацелен на проведение самостоятельных обсуждений по высказываниям критиков на определенную тему. Например: «*Критикъёслэн улыын печатлам верамъёсынызы тодматскыса, удмурт литературалэн 1920–1950-тй арьёсы азинскон сюресез сярись кенешон ортчытэ*»¹⁵ (с. 43).

Анализ учебника свидетельствует о системном подходе к изучению литературы, включении в него взаимосвязанных рубрик, предполагающих разные формы и виды работ учащихся: учебную и внеурочную, индивидуальную и коллективную. Дидактика книги направлена на развитие самостоятельности учащихся, на формирование творческих способностей и образного мышления. Учебник формирует навыки грамотного и вдумчивого чтения. Он написан хорошим литературным языком, доступным для учащихся старших классов, в литературный оборот вводятся удмуртские слова-неологизмы.

Заинтересованный ученик обязательно найдет книги, рекомендованные составителями учебника в конце каждой главы в библиографической рубрике «Советуем прочитать» («*Лыдзыны дэмласьком*»).

В оформлении учебника обратим внимание на удачный подбор портретов, гармонично дополняющих биографические главы. Цветовые и шрифтовые выделения в текстах, специальные сигнальные значки помогают учащимся ориентироваться в учебнике. Отметим добротное полиграфическое исполнение.

Хочется поблагодарить авторов за их труд над составлением и изданием нового учебника по удмуртской литературе.

ПРИМЕЧАНИЕ

Арекеева, С.Т., Пантелева, В.Г., Фёдорова, Л.П., Шкляев, А.Г. Удмурт литература: 10–11-тй классъёслы учебник. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 408 б.

Ермолаев, А.А., Поздеев, П.К. Удмурт литература 9–10 классъёслы. Кыкетй издание. – Ижевск: Удмуртия, 1977. – 280 б.

Поступила в редакцию 08.09.2010

¹⁴ Проведение конференции на тему «К. Герд в удмуртской критике»; организация «круглого стола» на тему «Приветствие Екатерины II на удмуртском языке»; проведение семинара на тему «Деревенский фольклор».

¹⁵ Ознакомившись с нижеприведенными цитатами критиков, обсудите вопрос о развитии удмуртской литературы в 1920–1950-е гг.

О Т З Ы В

В.Л. Шибанов

НОВОЕ СЛОВО ОБ ЭТНОФУТУРИЗМЕ

Исследование Э.М. Колчевой – первая монография, посвященная этнофутуризму, современному движению в культуре, зародившемуся в конце XX в. в среде финно-угорских народов и ставшего на сегодняшний день явлением международного масштаба. До сих пор издавались сборники коллективных трудов об этнофутуризме, в которых ученые и деятели культуры освещали отдельные стороны и грани данного явления (в основном они публиковались в Ижевске). Э.М. Колчева последовательно рассматривает социальную, этнокультурную и художественную проблематику данного феномена, особое внимание уделяя при этом марийскому этнофутуризму в изобразительном искусстве. Монография состоит из четырех глав: «Вопросы методологии исследования этнофутуризма», «Социокультурная проблематика этнофутуризма», «Этнофутуризм в искусстве», «Художественный язык этнофутуризма в изобразительном искусстве». Монография выстроена логически убедительно.

В изучение явления этнофутуризма существенный вклад внесли и вносят такие зарубежные исследователи, как К. Салламаа, П. Вийрес, А. Хейнапуу, О. Хейнапуу, Р. Таагапера, А. Кодар, Ю. Каукси, К. Пруул, Т. Маттенен, К. Кивимяки, из отечественных имен наиболее значимы А. Хузангай, Н. Розенберг, В. Владыкин, О. Генисаретский, М. Уколова, И. Котылева, А. Котылев, А. Прокопьев и др. Идеи этих исследователей так или иначе нашли отражение в монографии «Этнофутуризм как явление культуры». Обзор ситуации, сложившейся вокруг этнофутуризма, подводит Э.М. Колчеву к собственному видению проблемы и подходов к анализу. Итак, в чем же принципиальная новизна данного исследования?

В социокультурном плане Э.М. Колчева опирается на идеи бывшего научного руководителя Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа О.И. Генисаретского, который утверждал: «Финно-угорский этнофутуризм – стратегема изначально миросообразная и миродетельная. Она исходит из гуманитарно-художественного понимания этнических феноменов, находит, что у этничности есть свое собственное, отличное от политического, будущее». Этнофутуризм понимается не только как способ выживания нацио-

нальной культуры в современных условиях, но и как реальная площадка для диалога культур – сфера реализации толерантности.

Методологически основной упор Э.М. Колчева делает на феноменологию, то есть на методологию философии культуры, возникшую на рубеже XIX–XX вв. и получившую обоснование в работах Э. Гуссерля в качестве «универсальной эйдетической онтологии». Э.М. Колчева считает, что объективной предпосылкой для распространения феноменологического подхода стала обнаружившаяся к середине века ограниченность рационалистского метода науки в исследовании духовных сторон жизни. Нельзя не согласиться, что «душу можно наблюдать только с помощью души» (К.Г. Юнг). Феноменологический подход органично сочетается с системным исследованием и в принципе, считает Э. Колчева, подразумевает его. Ни один феномен не существует изолированно. В этом плане интересны выходы марийского исследователя на идеи Ханса Зельмайра, представителя Венской школы феноменологии. Плодотворной, на наш взгляд, выглядит интерпретация этнофутуризма в свете идеи хронотопа М.М. Бахтина. Сам термин «этнофутуризм» указывает на непосредственное выражение этого понятия: «этнос» как пространственное измерение и «футуризм» – как временное. Это направление может быть предметом самостоятельного исследования в этнофутуризме, утверждает Э.М. Колчева (сама она касается этого вопроса лишь в связи с его отображением в изобразительном искусстве).

Истоки этнофутуризма, его идеологическую и эстетическую основу автор монографии видит не только в постмодернизме и неоязычестве (о чем неоднократно писалось ранее), но и в новом сентиментализме, получившем распространение в российской культуре. Э.М. Колчева также проводит параллели с «серебряным веком» русской культуры, когда неорусское направление зазвучало в полную силу во всех видах искусства, от музыки до живописи, в оживлении народных промыслов. Марийский исследователь убеждает нас в том, что этнофутуризм не является изолированным явлением какой-либо изолированной среды, а имеет широкие выходы на всю мировую культуру.

Э.М. Колчева умело оппонирует идеям тех исследователей и философов, с которыми она не согласна. Показателен спор с казахским философом Ауэзханом Кодаром, считающим, что «этнофутуризм – это довольно странный гибрид» и «этническое – это то, что необходимо преодолеть». Э.М. Колчева убедительно показывает механизм взаимовлияния традиции и новаторства в этнофутуризме, когда и традиционно этническое, и постмодерное начала органично уживаются в одном художественном произведении.

Здесь мы переходим к «исследованию языка» этнофутуризма в изобразительном искусстве Марий Эл. Заметим, что в этой республике (как и у нас в Удмуртии) не все разделяют идеи этнофутуризма, считая их вредными и наносными: «уход от реализма неизбежно ведет к утрате профессионализма и, в конечном счете, к забвению подлинных национальных духовных ценностей» (Г.И. Прокушев). С болью в душе Э.М. Колчева пишет о том, что этнофутуристические тенденции в музыке и хореографии во второй половине 1980-х гг. были подавлены, а творчество марийских художников-этнофутуристов – это творчество одиночек, не проводящих никаких совместных акций, не объединенных общественным

движением в рамках марийской культуры. Весьма интересно и умело анализируются полотна марийских художников В. Боголюбова и С. Евдокимова. Для их работ характерна своеобразная заштрихованность поверхности полотна, как в старом фильме, иногда нечто вроде натеков, «паутинчатость» или забрызганность, под которой нечетко проступают образы и персонажи, иногда вовсе похожие на тени. Этот прием, названный дриппингом, то есть неконтролируемое накапывание и набрызгивание краски на поверхность, заимствован марийскими художниками от сюрреалистов. Наряду с другими случайностными методами (граттаж – скобление, фроттаж – натирание) он позволяет приблизиться к зрительному ощущению галлюцинации, бредовым видениям. В этнофутуризме подсознание – не вместилище абсурда, пишет Э.М. Колчева, а кладезь истины, поскольку «сверхреальность» в этнофутуризме коренится в родовых сферах, а не замыкается на личном ограниченном опыте. Колорит картины в таком случае зачастую становится блеклым. Фигуры предстают туманными силуэтами, часто у Боголюбова контурными светящимися очертаниями проступают некие энергетические сущности. Все это погружает зрителя во «времена сновидений», что, по сути, означает обращение к коллективному бессознательному. Впечатления детства, воспоминания, размышления о судьбе человека трансформируются в архетипические образы. Э.М. Колчева убедительно описывает, каким образом реалистический образ И. Ямбердова превращается в фольклорно-мифологический стереотип. Еще раз вчитаемся, как анализируется в монографии картина И. Ямбердова «Век» (2000–2001): «Сочетание разного выражения двух половинок лица, разного цвета глаз создает сильный, живой образ. Вглядываясь, начинаешь понимать, что этот век, старый и древний, и есть век марийского народа, вся его история, сложная и трудная. Он смотрит на нас старушечьими глазами, не зная, чего ожидать от современности, как будто вопрошая, будет ли ему продолжение в детях и внуках». И еще. Осенью 2009 г. в Сочи монография Э.М. Колчевой «Этнофутуризм как явление культуры» стала лауреатом конкурса на лучшую научную книгу 2008 г. Она рекомендована Фондом развития отечественного образования для использования в учебном процессе и переиздания для широкой научной общественности в России и за рубежом. Мы разделяем это признание.

Поступила в редакцию 21.09.2010

Ю Б И Л Е И

НА ЮБИЛЕЙ ХЕЛЛЕ МЕТСЛАНГ

Мудрых исследователей немало и, слава Богу, многих из них можно назвать успешными. Талант и успешность с особенной скромностью и доброжелательностью сочетается в таком ученом, как Хелле Метсланг (Helle Metslang) – профессор современного эстонского языка, заведующая институтом эстонского и финно-угорского языкознания Тартуского университета.

Хелле Метсланг (девичья фамилия Niinemägi) родилась 29 июля 1950 г. в городе Пайде Пайдеского района тогдашней Эстонской ССР. В 1974 г. закончила Тартуский государственный университет. В 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию «Некоторые синтаксические аспекты стихового параллелизма в эстонской рунической песне». Степень доктора философии получила за сборник «Temporal relations in the predicate and the grammatical system of Estonian and Finnish» в Оулуском университете в Финляндии в 1994 г.

Наш юбиляр с 1974 по 2003 год работает в таллинском Институте языка и литературы АН (позже Институт эстонского языка). С 1995 по 2000 г. – преподаватель, а с 2004 по 2007 год профессор эстонского языка в Хельсинкском университете. Вернувшись из Финляндии в 2000 г., становится преемницей легендарного профессора Таллинского педагогического университета Мати Хинта. Через год избирается деканом филологического факультета. С 2005 г. профессор Метсланг – редактор ежегодника «Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat / Estonian Papers in Applied Linguistics», а с 2006 г. – председатель правления Общества родного языка («Emakeele Selts») и председатель редколлегии журнала «Oma Keel» («Свой язык»).

Совет Тартуского университета избрал ее профессором современного эстонского языка 23 февраля 2007 г. В Тарту она стала приемницей Мати Эрельта, крупного специалиста по эстонскому синтаксису. Переехав в alma mater, она не совсем оторвалась и от столицы – в настоящее время в Таллинском университете, будучи старшим научным сотрудником, она руководит докторскими диссертациями. На ее неформальный ежемесячный докторский семинар с необыкновенным названием «Пятничный клуб» с удовольствием приходят не только ее нынешние, но и бывшие докторанты.

Главной областью научных интересов Хелле Метсланг является (морфо) синтаксис эстонского языка. В ранние годы она исследовала синтаксис традиционного эстонского устно-поэтического творчества, позже обращалась к вопросам современного эстонского языка и контрастивной типологии. Юбиляр является одним из авторов академической грамматики «Eesti keele grammatika» (Таллин, 1993 и 1995 гг.). В список ее научных трудов, составленный ее дочерью, также языковедом Хеленой Метсланг, включено 152 научных труда.

Из сказанного следует, что профессор Метсланг успешна в научной и в семейной жизни. Что остается ей нам желать, чего у нее нет – это самый тяжелый вопрос ее приветствующего. Поэтому желаем, чтобы она всегда осталась такой же доброй, толерантной личностью с глубокой эмпатией. Некоторые утверждают, что Хелле Метсланг должна быть более жесткой. А я скажу: Хелле, останьтесь, пожалуйста, такой, какая Вы есть – во благо всех нас, учеников, коллег и друзей в Эстонии и за её пределами.

Силард Тот,
докторант, Таллинский университет

ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА Д.В. ЦЫГАНКИНА

Профессор Д.В. Цыганкин – один из ведущих финно-угроведов, крупнейший специалист по мордовским языкам, доктор филологических наук, высококвалифицированный преподаватель Мордовского госуниверситета. Общий стаж его научно-педагогической деятельности около 50 лет. За это время им пройден путь от рядового преподавателя мордовских языков до известного в российской и зарубежной науке историка и теоретика мордовских и других финно-угорских языков, который, обладая широким научно-теоретическим кругозором и профессионально владея методологией сравнительного и конкретно-исторического изучения языков, создал научную школу и тем самым внес большой вклад в изучение проблем общезинно-угорского и мордовского языкознания.

Дмитрий Васильевич Цыганкин родился 22 октября 1925 года в селе Мокшалай Чамзинского района Мордовии, в семье крестьянина. После окончания семилетки в 1940 г. он поступил в Большемарсеевскую среднюю школу. В 1943 г. был призван в ряды Советской Армии и прошел фронтовые дороги от Оршы до Кенигсберга.

В 1954 г. Д.В. Цыганкин закончил историко-филологический факультет Мордовского пединститута (в настоящее время Мордовский госуниверситет). Учителями его были М.Н. Коляденков, Ф.И. Петербургский, М.М. Бахтин. После окончания института в аспирантуре при Институте языкознания АН СССР он под руководством К.Е. Майтинской подготовил и в 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию «Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка».

С 1957 по 1962 год трудился в Мордовском госуниверситете в качестве ассистента, позже – старшего преподавателя и доцента.

С 1962 г., будучи проректором по учебной и научной работе пединститута, Д.В. Цыганкин активно участвовал в организации нового института, в создании технологии учебного процесса, материальной базы, подборе и воспитании научно-педагогических кадров. В 1960-е гг. он руководил работой аспирантов, первыми из них были Р.С. Ширманкина, Р.Н. Бузакова и Р.А. Алешкина.

Почти 20 лет (1972–1991) Д.В. Цыганкин заведовал кафедрой мордовских языков и параллельно (1980–1987) был деканом филфака Мордовского госуни-

верситета. В 1978 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Морфология имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (словоизменение и словообразование)» и через год был утвержден в звании профессора.

Долгие годы юбиляр читает лекционные курсы («История эрзянского языка», «Диалектология эрзянского языка»), а также спецкурсы («Ономастика», «Сравнительная морфология финно-угорских языков»), руководит дипломными работами и учебной практикой студентов.

Научная деятельность Д.В. Цыганкина многогранна: фонетика и лексика, морфология и синтаксис, диалектология, история, ономастика мордовских и других финно-угорских языков. Многие вопросы мордовского языкознания впервые получили научное освещение в его трудах. Им написано более 200 статей, монографий, учебников и учебных пособий по грамматике мордовских языков, которые стали теоретической и методологической основой исследования мордовских и других финно-угорских языков, а также их практического изучения в вузах и школах Мордовии и за ее пределами.

50 лет назад юбиляр занялся сбором и систематизацией диалектного материала родного села Мокшалай и соседних с ним сел Большеберезни-ковского района. В кандидатской работе «Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка» (1958) представлена новая методика описания диалекта как цельной языковой системы. Этой проблематике посвящены его труды: «Фонетика шугуровского диалекта эрзя-мордовского языка» (1958), «Об одной фонетической особенности в некоторых говорах Присурья» (1963), «Свидетельство диалектологии как источник изучения мордовского народа» (1965), «Принцип классификации эрзянских диалектов на основе именных и глагольных особенностей» (1975) и др.

Конечно, любимое детище юбиляра – диалектология. Непосредственно общаясь с носителями языка, он продолжает традиции таких исследователей эрзянского, мокшанского языков и культуры мордвы, как М.Е. Евсевьев, Д.В. Бубрих и другие, причем не только на территории Мордовии, но и повсюду, где компактно проживают эрзяне и мокшане. Вместе со студентами и коллегами он прошел немалые расстояния по проселочным дорогам мордовской и российской глубинки в поисках интересных языковых и этнографических фактов. Нам неоднократно приходилось бывать с ним в этих экспедициях. Обычное жилье – палатка на опушке леса с источником для питья и запасом дров для костра, у которого обсуждаются особенности исследуемых говоров и проблемы мордовского села, поются эрзянские и мокшанские песни. Экспедиции студентов и преподавателей под руководством Д.В. Цыганкина стали для молодежи бесценными уроками любви к мордовскому краю, родному языку и культуре села.

Его монография «Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка» (I 1977; II 1978) представляет собой обобщение многолетних диалектологических исследований по эрзянскому языку. Особо следует отметить его книгу «Фонетика эрзянских диалектов» (1979), где подробно описаны диалектное членение эрзянского языка и история исследования диалектов, дан подробный анализ системы вокализма и консонантизма четырех типов эрзянских диалектов. В связи 75-летним юбилеем ученого кафедра эрзян-

ского и финно-угорского языкознания издала сборник наиболее интересных его работ, в котором заметное место занимают статьи по диалектологии.

Вопросам именной морфемики и словообразования в диалектах эрзя-мордовского языка посвящена работа юбиляра «Словообразование в мордовских языках» (1981), а также ряд статей: «Исторические изменения в морфемной структуре мордовского слова» (1975), «Именные и глагольные основы мордовских языков в диахронном освещении» (1980), «Словообразовательная парадигма как особая комплексная единица в архитектонике эрзянского словообразования» (1998), «Словообразовательные потенции слов пря 'голова' и пе 'конец' в мордовских языках» (2000), «К системности мордовского словообразования» (2000). Впервые для мордовских языков автор применил метод морфонологического анализа.

Ряд интересных работ Д.В. Цыганкина связан с лексикологией эрзянского и мокшанского языков. Обобщающими лексикологическими трудами его стали словари «Эрзянь келень нурькине этимологической словарь» (1977) и «Мокшень кялень нюрьхкяня этимологической словарь» (1981), «Этимологиянь валке» (1998) (изданы в соавторстве).

Д.В. Цыганкин активно участвует и в ономастических конференциях Поволжья, ряд статей посвятил этой проблематике и разработал спецкурс «Основы ономастики». Следует отметить и его книгу «Память земли» (1993), получившую высокую оценку научной общественности Мордовии.

Юбиляр интересуется вопросами истории и современного состояния эрзянского литературного языка. Этой проблематике посвящены такие его работы, как «Некоторые особенности развития эрзянского литературного языка» (1979), «Основные тенденции развития мордовских языков» (1985), «Эволюционные изменения морфологических элементов в истории мордовских языков» (1988). Активно участвует он и в работе по совершенствованию норм эрзянского и мокшанского литературных языков. Заново пересмотрев правила эрзянской орфографии, он предложил вместо морфолого-фонетического принципа принять морфологический принцип, что намного упростило усвоение правил правописания.

Многие годы Д.В. Цыганкин участвует в создании учебников и учебных пособий для преподавания мордовских языков на национальных отделениях высшей школы республики. Он автор или соавтор таких обобщающих трудов, как «Фонетика мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков» (1970), «Очерки сравнительной грамматики (мокшанского и эрзянского) языков» (1974), «Грамматика мордовских языков» (1980), «Лексикология современных мордовских языков» (1983), «Эрзянь кель (морфемика, валонь теевема ды морфология» (2000).

Признания заслужила активная деятельность Д.В. Цыганкина по составлению программ, учебников и учебных пособий для мордовских национальных школ. Под его научной редакцией и при его соавторстве увидели свет «Занимательная грамматика эрзянского языка» (1974, 1999), «Эрзянь кель. Учебник для 4 класса» (несколько изданий), «Эрзянь кель 5-це классо» (1992), «Дидактический материал для 5 класса» (1993) и др.

Юбиляр пользуется заслуженным авторитетом среди финно-угроведов России и за ее пределами, достойно представляя мордовское языкознание на конгрессах и симпозиумах; часто оппонирует на защите диссертаций, является членом Специализированного совета по защите докторских при Мордовском и кандидатских диссертаций при Удмуртском госуниверситетах. С 1975 г. Д.В. Цыганкин член редколлегии журнала «Linguistica Uralica» (до 1989 г. «Советское финно-угроведение») (Таллинн), с 1994 г. – журнала «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола).

Д.В. Цыганкин осознает роль ученого как просветителя в развитии национальных языков и народной культуры, всегда выступает за идеалы возрождения национальной культуры эрзян и мокшан, ведет большую научно-организаторскую работу.

Много делает юбиляр для лингвистического воспитания носителей языка. Часто публикует популярные научные статьи в газетах и журналах, выступает по радио и телевидению. Основная мысль его выступлений – каждый носитель языка должен проникнуться идеей, что только с помощью родного языка человек становится гражданином своей страны, носителем духовной культуры своего народа, что язык – объединяющая сила нации, могучее средство ее воспитания и образования.

Д.В. Цыганкин поддерживает научные и дружеские контакты с учеными финно-угорских центров России, Украины, Венгрии, Эстонии, Финляндии, Германии, США. Имя его по праву включено в энциклопедию «Ведущие лингвисты мира», изданную в Москве в 2000 г. За заслуги в развитии науки и образования он избран почетным членом Финно-угорского общества (Финляндия). Ему присвоены почетные звания заслуженного учителя школы Мордовской АССР, заслуженного деятеля науки Мордовской АССР, заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Он действительный член международной Академии Информатики и лауреат Государственной премии Республики Мордовия, лауреат премии Главы Республики Мордовия.

Своей неустанной, систематической научной и педагогической работой профессор Д.В. Цыганкин сделал очень много для того, чтобы Мордовский университет стал одним из известнейших центров финноугроведения. Задача его учеников – сохранить и преумножить эти успехи. Вы, Дмитрий Васильевич, обладаете неиссякаемой энергией, творческим задором, большим оптимизмом и огромным трудолюбием. Финноугроведение по-прежнему ждет от Вас новых поисков и интереснейших научных исследований. Мы, коллеги, друзья и многочисленные ученики, от всей души поздравляем Вас, нашего любимого профессора, с 85-летним юбилеем, желаем крепкого здоровья и большого счастья.

*Коллеги, филологический факультет,
МГУ им. Н.П. Огарева*

ПРОФЕССОРУ М.В. МОСИНУ – 70 ЛЕТ

2 ноября 2010 г. исполнилось 70 лет известному в финно-угорском мире ученому, одному из мордовских лингвистов, доктору филологических наук, Заслуженному деятелю науки Республики Мордовия, действительному члену финно-угорской Академии наук, заведующему кафедрой эрзянского и финно-угорского языкознания, декану филологического факультета Мордовского государственного университета профессору Михаилу Васильевичу Мосину.

Родился он в с. Жабино Ардатовского района Республики Мордовия. Трудовая биография началась в 1959 г., когда он, закончив Ардатовское культпросветучилище, в течение двух лет работал в родном селе заведующим сельским клубом, проявив при этом недюжинные организаторские способности в налаживании культурного досуга жителей села. Будучи молодым, ищущим человеком, М.В. Мосин жаждал новых знаний, и, несмотря на тяжелое экономическое положение семьи, стремление к новым знаниям привело его в 1961 г. на национальное отделение филфака Мордовского госуниверситета, которое он успешно окончил в 1966 г., защитив дипломную работу на тему «Мордовско-марийские лексические параллели» на «отлично». После учебы в университете в том же году он поступает в аспирантуру при кафедре финно-угорского языкознания Тартуского университета. Академик П. Аристэ предложил ему диссертационную тему «Эстонско-мордовские лексические отношения», с которой он блестяще справился и в 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию. Молодой ученый вернулся в Мордовский госуниверситет, заняв на кафедре мордовских языков сначала должность ассистента, а затем – старшего преподавателя. В 1973-м получил звание доцента этой же кафедры. С 1984 по 1986 год М.В. Мосин в должности старшего научного сотрудника завершает докторскую диссертацию на тему «Эволюция структуры финно-угорской основы слова в мордовских языках» и в 1987 г. успешно защищает ее в Тартуском университете. Достойным итогом целенаправленной и деятельной разработки этой темы явились его книги: «Фонетическая структура финно-угорской основы слова в мордовских языках» (1989) и «Словообразовательная структура финно-угорского слова в мордовских языках» (1990).

В 1989 г. М.В. Мосину присвоено звание профессора. За 40 лет, отданных преподавательской деятельности в стенах МГУ им. Н.П. Огарёва, им разработаны и в разное время читались (а некоторые читаются и сейчас) почти все дисциплины лингвистического цикла, связанные с мордовскими языками: эрзянский язык, введение в финно-угроведение, морфология, фонетика мордовских языков, сравнительная лексика финно-угорских языков и др., а также ряд спецкурсов. М.В. Мосин подготовил и выпустил ряд учебных пособий для вузов и школ. Наряду с большой аудиторной нагрузкой он в течение ряда лет вместе с профессором Д.В. Цыганкиным руководил диалектологической практикой студентов, организовывал эту практику в местах ее проведения.

Научная деятельность профессора М.В. Мосина многогранна. Она распространяется на самые разные области не только мордовского, но отчасти и прибалтийско-финского языкознания: лексикологию, лексикографию, историческую морфологию. К настоящему времени в списке его научных трудов насчитывается около 200 публикаций, среди них 3 монографии, 9 словарей, 18 учебников и учебных пособий для школ и вузов.

Яркую строку вписал ученый в область лексикологии мордовских языков, подняв ее на качественно новый уровень. В работах «Мордовско-эстонские лексические отношения», «Факторы возникновения и развития семантических изменений в лексике», «Финно-угорская лексика в мордовских и прибалтийско-финских языках (семантический анализ)» в сравнительном плане рассматриваются вопросы происхождения и семантики некоторых слов в мордовских языках. В работах «Отражение финно-угорской лексики в мордовских географических названиях», «Финно-угорские этимологии в топонимии Мордовской АССР» прослеживается связь истории языка с историей мордовского народа.

Значительный удельный вес в научном творчестве юбиляра составляют работы, посвященные проблеме структуры древней основы слова. Среди них – «Эволюция структуры финно-угорской основы слова в мордовских языках», «Одноосновные и двухосновные имена в мордовских и прибалтийско-финских языках», «Типы корреляций общих глагольных основ в мордовских и финском языках».

В вопросах лексикографии М.В. Мосин проявил себя как один из ведущих авторов «Эрзянско-финского словаря» и «Финско-эрзянского словаря», «Этимологического словаря мордовских языков». Все эти словари вышли в свет благодаря практической и финансовой поддержке кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (Финляндия) и Финно-угорского общества имени М.А. Кастрена, с которыми М.В. Мосин тесно связан по линии научной и учебной.

В течение ряда лет он преподавал эрзянский и русский язык студентам Тамперского и Хельсинского университетов. Как лектор он неоднократно выезжал также в Венгрию, где в Будапештском, Дебреценском и Сегедском университетах читал курсы по мордовским языкам.

Юбиляр внес немалый вклад в создание учебников и учебных пособий по эрзянскому языку для школ и национальных отделений Мордовского госуниверситета и пединститута. Он является соавтором учебника по синтаксису эрзянского

языка, сборника упражнений для 7 класса. В вузовском учебнике «Эрзянь кель» (Морфология, 2000) он написал раздел об имени прилагательном. М.В. Мосин – один из научных редакторов большого «Эрзянско-русского словаря».

Ученый поддерживает тесные связи с местными средствами массовой информации, часто выступает по радио и телевидению по различным вопросам и как заведующий кафедрой, и как декан филологического факультета, и как председатель Межрегионального Совета общественного движения мордовского народа.

Немалый вклад вносит он в подготовку молодых ученых. Его 18 аспирантов уже успешно защитили кандидатские диссертации. Он – председатель Специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по специальностям: «Финно-угорские и самодийские языки» и «Литература народов Российской Федерации», а также член Совета по защите докторских диссертаций по специальности «Финно-угорские и самодийские языки» при Марийском государственном университете.

М.В. Мосин – один из активных участников академического и научно-педагогического сообщества: он член координационного научного совета при Туркуском университете (Финляндия), по инициативе этого Совета совместно с Марийским и Мордовским университетами было организовано и проведено три международных симпозиума (Турку-1993, Йошкар-Ола -1996, Саранск-1998). По инициативе профессора М.В. Мосина на базе Мордовского государственного университета проведена II Всероссийская научная конференция финно-угроведов, на которой выступили многие молодые ученые его научной школы. Как ученый он успешно выступал с докладами на следующих международных конгрессах финно-угроведов в России и за рубежом: IV – в Будапеште (1975), VI – в Сыктывкаре (1985), VII – в Дебрецене (1990), VIII – в Ювескюля (1995), IX – в Тарту (2000).

Будучи в течение ряда лет деканом филологического факультета, профессор М.В. Мосин прилагает много усилий для роста академического и научного престижа кафедр факультета, он пользуется заслуженным авторитетом среди своих коллег по работе и студентов

Мы, его коллеги по работе, от всей души поздравляем профессора Михаила Васильевича Мосина с 70-летним юбилеем и желаем крепкого здоровья и творческого задора.

Коллеги

РАБОЧИЕ ПРОГРАММЫ

УДК 574:796.5

А.Н. Журавлева

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Программа для специальности «Туризм»
очной формы обучения

Курс	1
Семестр	1
Всего аудиторных часов	32
Лекции, час	32
Лабораторные работы, час	нет
Практические (семинарские) занятия, час	нет
Самостоятельная работа, час	12
Экзамен (семестр)	нет
Зачет (семестр)	1

Пояснительная записка

Рабочая программа учебной дисциплины «Экологические основы природопользования» предназначена для реализации государственных требований к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников по специальностям 100201.51 Туризм.

Учебная дисциплина «Экологические основы природопользования» является естественнонаучной, входит в математический и общий естественнонаучный цикл дисциплин.

Дисциплина направлена на формирование у студента экологического мировоззрения и способностей оценки профессиональной деятельности с позиции охраны окружающей среды.

Курс готовит студентов к умению самостоятельно анализировать ситуацию, принимать решения в рамках своей профессиональной компетенции в области экологии и охраны окружающей среды, рационального природопользования. При изучении учебной дисциплины «Экологические основы природопользования» у

студентов формируются основы моральной ответственности за ту социальную и природную среду, где сейчас протекает их жизнь и учеба и где в дальнейшем будет осуществляться их профессиональная деятельность. Курс «Экологические основы природопользования» ориентирует студентов на разумную, экологически обоснованную деятельность, способствующую сохранению природных ресурсов.

Основная цель курса:

– *иметь представление* о взаимосвязи организмов и среды обитания; об условиях устойчивого состояния экосистем и причин возникновения экологического кризиса; о природных ресурсах России и мониторинге окружающей среды; об экологических принципах рационального природопользования;

– *знать* правовые вопросы экологической безопасности;

– *овладеть* основными знаниями и уметь оперировать понятиями из области экологии и охраны окружающей среды, а также рационального природопользования.

Для успешного изучения курса студенту необходимо знать основные понятия и термины из курсов: «биология», «экология», «география» основного (полного) общего образования. Изучение дисциплины «Экологические основы природопользования» является основой для изучения общепрофессиональных дисциплин «Безопасность жизнедеятельности» и «Охрана труда».

В курсе выделены следующие блоки:

– Взаимодействие природы и общества.

– Природные ресурсы и рациональное природопользование.

– Нормативно-правовые вопросы охраны окружающей среды и природопользования.

– Охрана окружающей среды.

Оценка знаний и умений студентов осуществляется с помощью выполнения ими контрольных работ, тестовых заданий, решения логических задач, проведения практических работ.

Для развития творческой активности им рекомендуются самостоятельные творческие работы по проблемам природопользования и охраны здоровья.

Цели курса.

После изучения теоретических разделов курса в объеме рабочей программы студент должен иметь представление:

– о взаимосвязи организмов и среды обитания;

– об условиях устойчивого состояния экосистем и причинах возникновения экологического кризиса;

– о природных ресурсах России и мониторинге окружающей среды;

– об экологических принципах рационального природопользования.

Структура курса	Взаимодействие природы и общества
	Природные ресурсы и рациональное природопользование
	Нормативно-правовые вопросы охраны окружающей среды и природопользования
	Охрана окружающей среды

**Учебно-тематический план курса
«Экологические основы природопользования»**

Распределение часов по темам курса и видам занятий

№	Тема	Количество часов	
		Лекции	Самостоятельная работа
I Взаимодействие природы и общества		10 часов	
1	Экология и рациональное природопользование	2 часа	
2	Экологические проблемы гидросферы, атмосферы, литосферы	2 часа	
3	Биосфера как область взаимодействия общества и природы	2 часа	
4	Антропогенные воздействия на природу. Концепция устойчивого развития	2 часа	
5	Экологический кризис и его признаки, последствия	2 часа	
6	Глобальные проблемы экологии		2
7	Континентальные социально-экономические проблемы экологии		2
II Природные ресурсы и рациональное природопользование		8 часов	
8	Природоресурсный потенциал, принципы и методы рационального природопользования	2 часа	
9	Размещение производства и проблема отходов	2 часа	
10	Земельные, пищевые ресурсы человечества и их проблемы	2 часа	
11	Охраняемые природные территории. Охрана ландшафтов и рекреационных территорий	2 часа	2
III Нормативно-правовые вопросы охраны окружающей среды и природопользования		8 часов	
12	Мониторинг окружающей природной среды. Оценка качества окружающей среды. Нормирование загрязняющих веществ, прогнозирование и регулирование природопользования	2 часа	2
13	Вопросы экологической безопасности. Экологическое право	2 часа	
14	Государственные и общественные мероприятия по охране окружающей среды. Международное сотрудничество в области природопользования и охраны окружающей среды	2 часа	
15	Юридическая и экономическая ответственность предприятий, загрязняющих окружающую среду	2 часа	
IV Охрана окружающей среды		6 часа	
16	Основные загрязнители окружающей среды их классификация. Влияние человека на растительный и животный мир. Способы ликвидации последствий заражения окружающей среды токсичными и радиоактивными веществами	2 часа	2
17	Промышленные предприятия и транспорт как одни из основных источников загрязнений	2 часа	

18	Человечество и созданная им среда обитания. Социальные вопросы природопользования. Экология и здоровье человека	2 часа	2
ИТОГО		32	12

Содержание курса лекционных занятий

I. Взаимодействие природы и общества (10 часов)

1. Экология и рациональное природопользование (2 часа)

Знать:

- содержание, структуру и задачи экологии как науки;
- методы экологических исследований;
- классификацию экологических факторов;
- понятие рационального природопользования.

2. Экологические проблемы гидросферы, атмосферы, литосферы. Использование и охрана недр (2 часа)

Знать:

- понятие и значение атмосферы, гидросферы, литосферы;
- способы очистки и воспроизводства газообразных и жидких выбросов, проблемы воспроизводства воды;
- основные направления рационального использования недр и полезных ископаемых.

3. Биосфера как область взаимодействия общества и природы (2 часа)

Знать:

- понятие и структуру биосферы, учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере;
- общую характеристику геосферных оболочек Земли;
- понятие экологического равновесия; круговорот веществ в природе.

4. Антропогенные воздействия на природу. Концепция устойчивого развития (2 часа)

Знать:

- понятие и виды антропогенного воздействия на разных этапах развития человеческого общества;
- преднамеренное и непреднамеренное влияние человека на условия существования;
- принципы устойчивого развития;
- особенности влияния города и научно-технического прогресса на природу.

5. Экологический кризис и его признак, последствия (2 часа)

Знать:

- признаки экологического кризиса: истощение энергетических запасов, сокращение видового разнообразия, загрязнение биосферы;
- понятия экологической катастрофы и экологического риска;
- достижения науки и техники, способствующие предотвращению экологического кризиса;

– причины и следствия увеличения массы веществ, вовлекаемых в хозяйственный оборот.

6. Глобальные проблемы экологии (для самостоятельного изучения)

Знать:

– глобальные экологические проблемы: нарушение озонового слоя, загрязнение Мирового океана, «парниковый эффект», глобальное потепление, обезлесивание, опустынивание и пути их решения.

7. Континентальные социально-экономические проблемы экологии (для самостоятельного изучения)

Знать:

– континентальные экологические проблемы: уничтожение тропических лесов, дефицит пресной воды, недостаток продуктов питания, рост численности населения и пути их решения.

II. Природные ресурсы и рациональное природопользование (8 часов)

1. Природоресурсный потенциал, принципы и методы рационального природопользования (2 часа)

Знать:

– понятие природных ресурсов и их классификацию по возобновимости, истощаемости;

– классификацию полезных ископаемых;

– природные ресурсы России.

– виды, методы, принципы рационального природопользования;

– понятие о комплексных, вторичных, энерго-, ресурсосберегающих технологиях.

2. Размещение производства и проблема отходов (2 часа)

Знать:

– понятие малоотходных и безотходных технологий;

– принципы размещения производства и природоохранные мероприятия предприятий;

– загрязнение среды отходами производства и потребления.

3. Земельные, пищевые ресурсы человечества и их проблемы (2 часа)

Знать:

– свойства и причины деградации почвы;

– проблемы земельных ресурсов, питания и производства сельскохозяйственной продукции;

– «зеленые» революции;

– агроценозы и агроэкосистемы.

4. Охраняемые природные территории. Охрана ландшафтов и рекреационных территорий (2 часа)

Знать:

– основные охраняемые природные территории, их назначение и охрана;

– понятия ландшафта и рекреационных территорий;

– причины вымирания животных и исчезновения растений;

– основные направления охраны редких и вымирающих видов.

III. Нормативно-правовые вопросы охраны окружающей среды и природопользования (8 часов)

1. Мониторинг окружающей природной среды. Оценка качества окружающей среды. Нормирование загрязняющих веществ, прогнозирование и регулирование природопользования (2 часа)

Знать:

- виды, задачи, функции и методы экологического мониторинга;
- понятие качества окружающей среды, стандарты качества, санитарно-гигиенические нормативы;
- оценка и прогнозирование последствий природопользования;
- понятие экологической оценки предприятия.

2. Вопросы экологической безопасности. Экологическое право (2 часа)

Знать:

- понятие экологической безопасности, факторы экологической опасности;
- права и обязанности граждан по охране окружающей среды на основе закона «Об охране окружающей природной среды»;
- правовую и юридическую ответственность предприятий, организаций и частных лиц за загрязнение окружающей среды.

3. Государственные и общественные мероприятия по охране окружающей среды. Международное сотрудничество в области природопользования и охраны окружающей среды (2 часа)

Знать:

- административные и экономические методы управления природопользованием;
- органы управления и надзора по охране природы, их цели и задачи;
- общественные природоохранные организации;
- объекты международной охраны; деятельность основных международных природоохранных организаций;
- участие России в международных договорах, соглашениях, программах.

3. Юридическая и экономическая ответственность предприятий, загрязняющих окружающую среду (2 часа)

Знать:

- понятие и функции юридической ответственности за экологические правонарушения;
- понятие, виды и структура экологических правонарушений;
- дисциплинарная ответственность за экологические правонарушения;
- материальная ответственность за экологические правонарушения;
- административная ответственность за экологические правонарушения;
- уголовная ответственность за экологические преступления.

IV. Охрана окружающей среды (6 часов)

1. Основные загрязнители биосферы и их классификация. Загрязнение атмосферного воздуха, вод, почвы. Влияние человека на растительный и

животный мир. Способы ликвидации последствий заражения окружающей среды токсичными и радиоактивными веществами (2 часа)

Знать:

- меры по предотвращению загрязнений недр, почвы, воды, воздуха токсичными и радиоактивными веществами;
- методы и способы их очистки и восстановления;
- основные источники и виды загрязнений;
- прямое и косвенное воздействие загрязнителей на человека;
- основные загрязнители атмосферы и их влияние на природную среду и человека;
- основные загрязнители пресных, морских, подземных вод и их воздействие на живые организмы и человека; самоочищение воды и вторичное ее использование;
- загрязнение почвы ядохимикатами, удобрениями, нефтепродуктами, бытовыми и промышленными отходами;
- значение леса, животного и растительного мира и причины их гибели.

2. Промышленные предприятия и транспорт как одни из основных источников загрязнений (2 часа)

Знать:

- виды загрязнений промышленными предприятиями и транспортом и способы утилизации их отходов.

3. Человечество и созданная им среда обитания. Социальные вопросы природопользования. Экология и здоровье человека (2 часа)

Знать:

- проблемы сохранения человеческих ресурсов, роста народонаселения; основные понятия: смертность, рождаемость, цивилизация; потребности человека;
- проблемы: народонаселения, экологического просвещения и экологической грамотности населения;
- основные загрязнители, влияющие на здоровье человека и животных;
- профилактические мероприятия, медицинские и социальные аспекты взаимодействия человека и среды обитания.

Поступила в редакцию 19.08.2010

Журавлева Анастасия Николаевна,
аспирант, ФГОУ ВПО «Ижевская государственная
сельскохозяйственная академия»

г. Ижевск
E-mail: shan-81@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 стр.; для рекламы – 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1, с.5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений – 10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);

инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);

аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример:* Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034 Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ), ком. 104

тел./факс: 8 (3412) 52-83-61

e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. глав. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 3

Под редакцией *Н.И. Леонова*

Составители – *А.Е. Загребин, А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова*

Дизайн обложки – *Л.Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *Н.Ю. Юрпалова, И.В. Широбокова*
(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 20.07.2010. Печать офсетная.

Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 10,2.

Тираж 300 экз. Заказ № 1236

Издательство «Удмуртский университет»
426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru